

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Трудно, но интересно.

Фотоэтюд Н. Калинина.

На первой странице обложки: Тамара Милешина, старший архитектор магистральной мастерской № 3 института «Моспроект». На втором плане — инженер-экономист Ариадна Иванова и техник-сметчик Инесса Склянкина. Коллектив этой мастерской занят проектированием Юго-Западного района столицы.

Фото Дм. Бальтерманца.

ОГОНЁК № 10 (1603) 2 МАРТА 1958

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Власта

Вначале, как бы раздирая воздух,
вдали скала темнела, как скула,
и над Тоболом нависали звезды
размером, может, каждая с кулак.
Вначале волны тихо рокотали,
кузнечики за стенкой стрекотали,
назойливо звенела мошкара.
И перепелки — трепетные птицы,—
наверно, из овсов
иль из пшеницы
спросонья восклицали:
«Спать пора!»

И, окунаясь в родники прохлады,
окутанный цветением ветвей,
закрыв глаза,
высвистывал рулады
влюбленный
казахстанский соловей.
Его пьянил черемуховый запах.
И он не видел,
как на мягких лапах
к нему, пушистый подобрав живот,
глазами, словно углями, сверкая,
отточенные когти выпуская,
подкрадывался камышовый кот.

Вначале, словно проклиная долю,
распугивая робкий краснотал,
из-за Тобола выпь вопила вволю
и филин до упаду хохотал.
Вначале все шумело и кричало,
потом
вдруг как-то сразу замолчало.
И всем обычным нормам вопреки
с верховий
вместе с сонною теплынью
вдруг потянуло сладкою полынью
и горькою черемухой с реки.

И вслед за тем
тягучий, как истома,
и беспричинный, как в июле дрожь,
без молний появился и без грома
какой-то тихий и домашний дождь.
Здесь, у реки, и дальше, за рекою,
он падал, никого не беспокоя,
как будто бы на цыпочки вставал,
как будто бы играл с листвою
в прятки,
как будто гвозди
в полотно палатки
стеклянным молоточком забивал.

И Власта как-то сразу загрустила,
как бы застыла, глядя в полутьму.
Потом над входом полог опустила
и поплелась к топчану своему.
Ей не спалóсь...
Бывало, непрестанно
ей снились Кара-Кумы Казахстана,
верблюжьи тропы — желтая тоска.
И в час,
когда она просилась в Рудный,
ей представлялся
подвиг многотрудный
среди крутых барханов из песка.

Ей представлялись дикие архары
над дальней обнаженною горой
и грозный смерч,
который из отары
вдруг, наскочив,
выхватывал порой
мятущегося, потного от жара
барана годовалого — джайдара
и, поднимая нестерпимый вой,
вздымал его, косматого,
под тучи,
и, размахнувшись,
сбрасывал на кручи
и долго бил о камни головой.

Ей виделось,
как, одурев от скуки,
бураны, развернувшись на юру,
карагачам выкручивали руки,
ведя свою разбойную игру.
Ей слышались громá среди лазури,
подземные толчки магнитной бури,
песков железный непрерывный гул,
среди которых, словно
спотыкаясь,
от страшного бессилья задыхаясь,
сопротивляясь,
плакал саксаул.

Ей снились и метели и морозы,
просторы обжигающих степей,
солончаки безводные да грозы—
и это укрощать хотелось ей!
А тут
голубки мирные хлопочут,
степенные кузнечики стрекочут,
да соловей сердечно славит май,
да дождичек босой среди
лужайки —
хоть одевай его
в халат из байки
да тапочки на ножки надевай!

Затем ли Власта
в этот край влюбилась,
когда настал тому урочный час!
Затем ли
от подруг она отбилась,
которые поехали в Донбасс!
Затем ли до кипенья,
до накала
секретаря райкома допекала,
терпенье истощив его до дна!

И, наконец, она за этим, что ли,
одна, как есть,
явилась на Тоболе,
из города Мукачево одна,
чтоб на готовеньком,
не зная горя,
вкушать вот это тихое житье!..

Из Кустаная,
словно в санаторий,
в автобусе доставили ее,
в зеленом, в голубом...
А ей хотелось,
дерзающую проявляя смелость,
одолевая бурю и пургу,
здесь сокрушать мятежную
природу,
и нестерпимо лютую погоду,
и трудности на каждом на шагу...

Она такая — Власта!
Все виднее
ей представлялось
от родных ворот.
Попасть туда хотела,
где труднее,
а тут, выходит, все наоборот.

А тут —
в луга прогулка на машине...
На тумбочке
цветет весна в кувшине...
Постель... Подушки...
Теплое житье!..
А тут —
лягушки квакают, как дома.
А тут...
И Власту сонная истома
уводит в полудрему, в забытье...

Ее отец, во дни былой заботы
родную проклиная сторону,
бродя по свету в поисках работы,
из Чехии привел себе жену.
Привел своим родителям в отраду
красавицу-таборитянку Раду
с разлетом
солнцем выжженных бровей...
Была она стройна и светлоруса.
Жила в ней
непреклонность Яна Гуса,
кровь Яна Жижки бунтовала в ней.

И, появившись в Закарпатье,
Рада,
вложив всю душу в сельские дела,
кипенье дум
и беспокойство взгляда
как бы в наследство
Власте отдала.

И Власта выросла...
Окончив школу,
послушная семье и комсомолу,
она, на поезд получив билет,
оставив маму на родном пороге,
поехала на стройку. И в дороге
исполнилось ей восемнадцать лет.
И вот приехала.
«Как все здесь проще,
чем думалось...»
И, радостью даря,
у стен Рудстроя,
словно флаг, полощет
степная кустанайская заря.

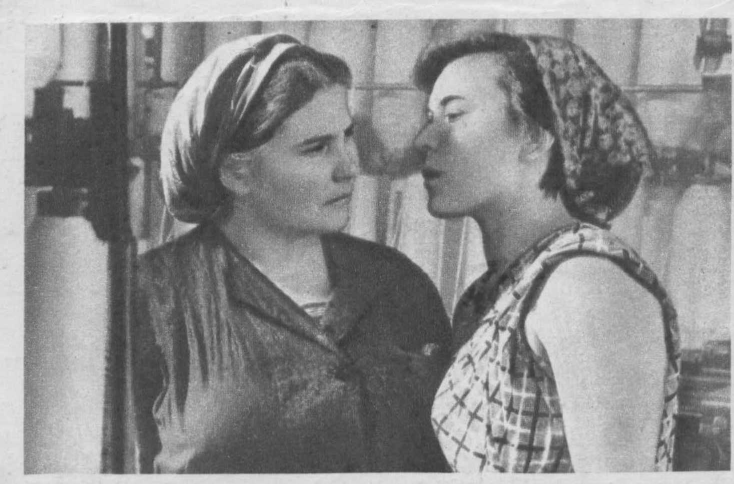
Вставай же, Власта!
Мигом одевайся.
В кабине экскаватора спускайся
в огромный рыжий котлован
на дно.

Пусть дождь,
и пусть пласты суглинка гнутся.
Так вот и трудности.
Они еще найдутся...
В отечестве победных революций
тебе над ними властвовать дано!

Василий ЖУРАВЛЕВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Много таких девушек, как Валя Заботлина, выучила Мария Васильевна.

ЧЕЛОВЕК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

И. ТУНКЕЛЬ, В. ПОЛЫНИН

Главная достопримечательность города Иванова — это фабрики: прядильные, ткацкие, швейные, где работают в основном женщины. И вот уже не первый раз депутатом в Верховный Совет СССР по Ивановскому городскому избирательному округу выставляется кандидатура фабричной работницы.

Помощнику прядильного мастера фабрики имени Дзержинского Марии Васильевне Куликовой не впервые народ оказывает доверие. Выбирали ее и в районный, и в городской, и в областной Советы, участвовала она в работе местных общественных и партийных организаций. Теперь ивановцы хотят выбрать ее своим депутатом в Верховный Совет СССР. Почему именно ей такая честь?

Не только потому, что человек она всеми уважаемый, передовой, отзывчивый. Как метко заметила на одном собрании выступавшая работница, Мария Васильевна — человек государственный и обладает особым, депутатским, даром: на любом, самом высоком собрании она умеет просто, толково и убедительно высказать то, что тревожит умы и сердца ее земляков, что созрело или наболело в душе у нее самой, высказать и потом, если убеждена в правоте своей, драться за предложенное.

Присутствовала как-то Мария Васильевна на общесоюзном совещании рационализаторов и изобретателей министерства, тогда еще не было совнархозов. И показалось ей, что руководители предприятий, выступавшие на совещании, обходят острые углы и, если хотите, остерегаются критиковать министерство. Тогда Мария Васильевна берет слово, хотя к выступлению не готовилась, и прямо, без бумажки, высказывает свое мнение: почему плохо обстоят дела на ивановских фабриках.

Выступила тогда и Мария Рожнева, знатная прядильщица с Купавинской тонкосуконной фабрики. Могло показаться, будто купавинская и ивановская прядильщицы сговорились: так похожи были их взгляды на министерские неполадки. Выступления прядильщиц вызвали горячее одобрение участников совещания. Их требования были выполнены.

Как-то поехала Мария Васильевна в гости к бакинским и кировабадским текстильщикам. Увидела на тамошних фабриках много непорядков. По приезде в Москву изложила свои соображения в докладе. Пришлось руководителям предприятий согласиться с суровой, но правдивой критикой ивановской работницы. Предложения Куликовой приняли. Прошло немного времени, и фабрики Азербайджана стали работать лучше.

Куликова хорошо знает жизнь: еще девочкой пришлось пойти на заработки. Она в совершенстве владеет мастерством прядения; ее опыт заимствуют не только в СССР, но и в Китае. Она — инициатор важных производственных начинаний...

Мария Васильевна среди рабочих Тяньцзиньской фабрики № 3. И здесь трудятся ее ученики.

Из жизни Сироджа Фаттоева

На Всесоюзном совещании хлопкоробов. Н. С. Хрущев, дважды Герой Социалистического Труда Саидходжа Урунходжаев и Герой Социалистического Труда Сиродж Фаттоев.

Фото А. Устинова.

...Мальчик падал от усталости, поднимался, вытирал со лба капли пота и снова шел по крутой горной тропе вверх, к небу, от жары казавшемуся желтым. За спиной у него был мешок, в котором лежала земля. Обыкновенная, сухая, с устоявшимся полынным запахом. Это была земля, которая ценилась таджиками в горных кряжах у Файзабада так же, как жаждущий ценит воду. Люди таскали в мешках землю высоко в горы и создавали таким образом поля.

Мальчик — Сиродж Фаттоев — познал тяжесть труда и цену земли с ранних лет, с тех пор, когда от вечного недоедания умерла его мать — ласковая и тихая Нозук.

На всю жизнь запомнил Сиродж и переселение с гор: оборванные, истощенные люди шли по горным тропам вниз. И шли до тех пор, пока не увидели Вахшскую долину. Это было тридцать лет назад, в те суровые годы, когда по земле таджиков еще проносились черные банды басмачей и муллы, вознося руки к небу, звали мор на власть Советов.

...Мы беседуем с Сироджем Фаттоевым, участником недавнего Всесоюзного совещания хлопкоробов. Он председатель колхоза имени Ленина, Герой Социалистического Труда. Это тот самый человек, что в раннем детстве узнал тяжесть земли, которую таскают в горы.

Как образно, вдохновенно говорит он сейчас об этой земле!

— ...«Человек тверже камня, нежнее розы»,— гласит народная мудрость. Человек тверже камня, но, когда мы, люди гор, увидели бескрайнюю долину, сплошь поросшую высоким, в два человеческих роста, камышом, у многих из нас опустились руки. Камыш, камыш... Куда ни глянешь, стена камышей. А по ночам выли шакалы, рычали тигры. Наших людей косила лихорадка, хлестали ливни. Шла борьба за землю, за жизнь.

Злым силам природы противостояло несколько десятков человек, объединившихся в колхоз «Нау кор», что означает «Новый труд»...

Когда мы объединились в колхоз, у нас было желание трудиться сообща. Помимо этого желания, у нас было несколько деревянных плугов. Потом русские братья прислали нам настоящий плуг. А чуть позже — умную машину — трактор. Когда мы объединились, у нас было 46 гектаров земли. Ну, а сейчас? — Фаттоев пытается скрыть горделивую улыбку в усах,— сейчас в нашем объединенном колхозе 1 615 гектаров только под хлопком. И сдали мы в прошлом году 4 440 тонн хлопка. Когда мы объединились, у нас была только одна четырехлетняя школа. Сейчас в нашем колхозе тринадцать школ. Когда мы начинали, заработок колхозников был невелик. Сейчас колхоз получил доход в тридцать два с лишним миллиона рублей. В 1958 году доход будет не меньше чем сорок миллионов.

Фаттоев снова улыбнулся и спросил:

— Вам не скучно слушать эти сухие цифры? Нет? Арабы говорят, что в цифрах скрыта вся сила разума человека. На трудодень мы даем 35—38 рублей. Получается, что в среднем наши колхозники получают 15 тысяч в год. Это в среднем. А есть и такие, как Исак Хакимов, который вместе с семьей заработал 100 тысяч, а Нурмат Хайдаров — 85 тысяч рублей.

В 1954 году мы построили первые двести стандартных домов для колхозников. Трех — пятикомнатные, с радио, и телефоном, и, конечно, с верандами: летом после работы приятно подышать воздухом и послушать радиолу... В этом году построим еще 250 домов. А к 1960 году — тысячу.

Знаете, особенно хорошо работается, когда чувствуешь повседневную, ежечасную заботу партии о нас, хлопкоробах. Вот совещание хлопкоробов в Кремле. Это для нас праздник, огромный праздник! Нас хвалили, и мы благодарны партии за эту похвалу. Мы правильно поняли эту похвалу, так же как и те вопросы, которые поднял в своем выступлении товарищ Хрущев. Мы сразу же после совещания собрались, устроили в номере гостиницы летучее заседание правления артели и постановили выделить два участка по 60 гектаров каждый, где будут работать главным образом машины. Кетмень пора сдавать в краеведческий музей. Высвободившиеся рабочие руки бросим на садоводство. Когда Никита Сергеевич был у нас в колхозе в гостях, он посоветовал нам шире развивать садоводство. Очень верный совет. Судите сами: один гектар виноградника дает сорок пять тысяч рублей дохода. У нас посажено сорок пять гектаров винограда. Кроме того, хотим в этом году разбить еще тридцать гектаров садов: лимонов и гранатов. Так что работы хоть отбавляй, никто в обиде не будет!

...Мы вышли из гостиницы «Москва». Небо было высоким, голубым. Фаттоев вдохнул свежий, уже пахнущий весной воздух, остановился, развел широко руки и сказал:

— Хоп-хорошо! Хорошая у нас жизнь, очень хорошая!

Юл. СЕМЕНОВ

Момент сбойки двух тоннелей. Механизированный щит срезает последний слой породы.

КИЕВСКОЕ МЕТРО

Москва давно, Ленинград с недавних пор славятся своими прекрасными метрополитенами. Теперь очередь за столицей Украины. Строительство киевского метро идет полным ходом. Проложены многие километры подземных путей, сооружаются станции. В первую очередь войдет в строй участок «Вокзальная» — «Днепр» с промежуточными станциями «Университетская», «Крещатик», «Арсенальная». В этом году начнутся работы на трассе «Вокзальная» — «Политехническая» — «Большевик». Сейчас нельзя с точностью сказать, как будут выглядеть залы и вестибюли киевских станций, так как они еще в замыслах и вариантах проектов, но, разумеется, киевские метростроевцы постараются не отстать от москвичей и ленинградцев и создадут великолепные и удобные подземные станции.

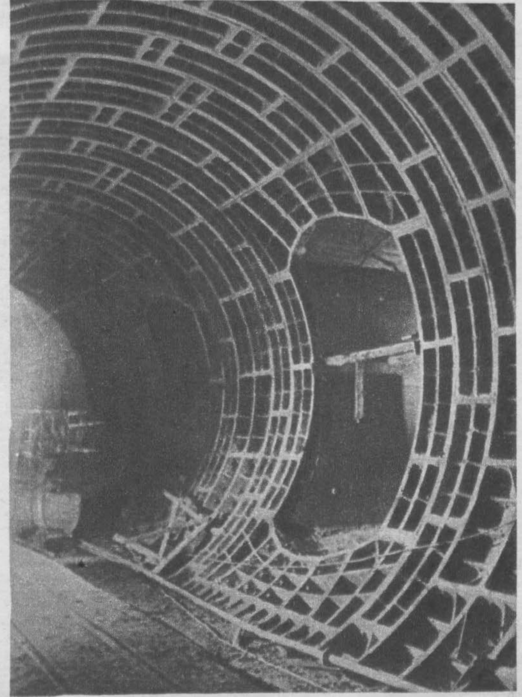
Строительство киевского метро ведется в сложных геологических условиях. Интересно, какова же здесь организация работ? Этот вопрос был задан и чехословацкими тоннелестроителями, которые, побывав у метростроевцев Москвы, приезжали также в Киев. Гостей информировал начальник «Киевметростроя» Леонид Дмитриевич Сапрыкин. Чехословацких специалистов особенно заинтересовал комплексный механизированный горнопроходческий щит. Этот оригинальный механизм, сконструированный группой киевских инженеров, в два — три раза ускоряет проходку.

В перегонных тоннелях киевского метро уложены железобетонные блоки, которые изготовляются тут же, в Киеве. Это — важное новшество в отечественном метростроении: оно дает большой экономический эффект, в частности десятикратную экономию в металле.

В. ШУМОВ

В правом тоннеле станции «Крещатик».

Фото В. Королева.

Народы Советского Союза, трудящиеся всего мира отметили большой праздник — 40-летие Советских Вооруженных Сил. 22 февраля в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное знаменательной дате.

На снимке: торжественное заседание во Дворце спорта в Лужниках.

Фото А. Новикова.

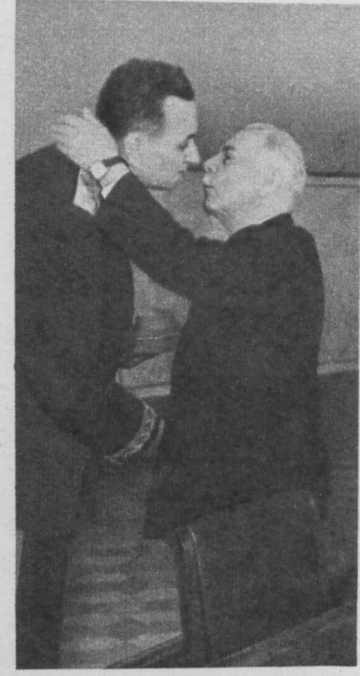

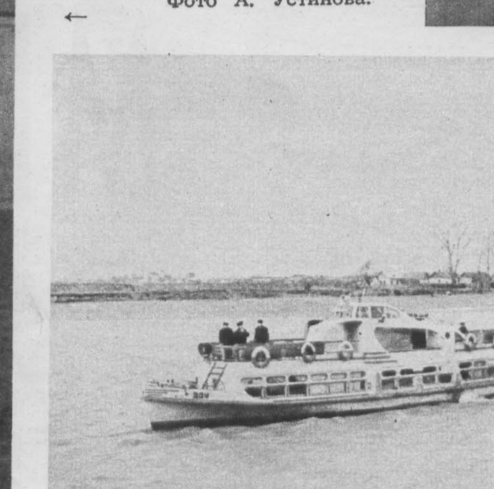
В канун всенародного праздника 40-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов вручил в Кремле награды известным советским военачальникам: маршалам Советского Союза С. М. Буденному, А. А. Гречко и С. С. Бирюзову. Им присвоено звание Героя Советского Союза.

На снимке: К. Е. Ворошилов поздравляет Маршала Советского Союза А. А. Гречко после вручения награды.

Фото А. Устинова.

←

← На реке Кубани открылась навигация. Из Краснодара вверх и вниз по реке отправились первые буксирные грузовые суда. Началось движение пассажирского флота от пристани Краснодар до станицы Славянской и города Темрюка.

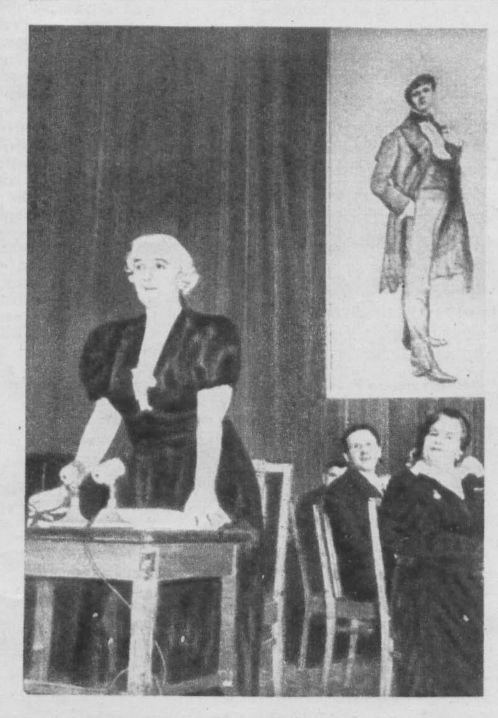
На снимке: теплоход «Дон» и пароход «Пионер» отправляются в первый рейс по реке Кубани.

Фото Е. Шулепова.

→ В Доме актера в Москве тепло отметили 85-летие со дня рождения Ф. И. Шаляпина. На вечере председательствовала В. В. Барсова, не раз выступавшая с Федором Ивановичем в оперных спектаклях. Начальник Центрального автомотоклуба ДОСААФ А. А. Виноградов рассказал о выступлении Шаляпина в начале 20-х годов перед многотысячной аудиторией красноармейцев. Две главы из своей будущей книги об отце прочла дочь Шаляпина — Ирина Федоровна. Вспоминали о творческих встречах с певцом Р. Н. Симоновым и К. Ф. Юон.

На снимке: Ирина Федоровна Шаляпина читает свои воспоминания об отце.

Фото С. Шингарева.

В Бухаресте с большим успехом проходят гастроли балетной труппы Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

На снимке: участники балета «Лебединое озеро» отвечают на приветствия зрителей. В центре — Н. Дудинская — Одилия, К. Сергеев — Принц.

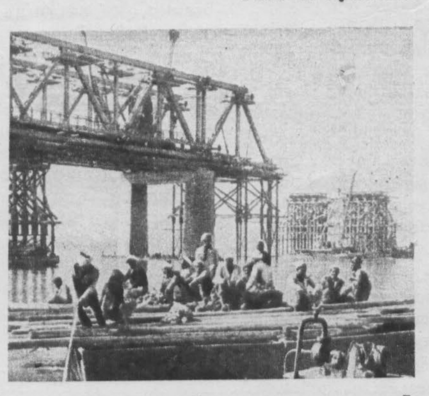
↓ Фото «Аджерпресс».

В честь 40-й годовщины Советских Вооруженных Сил на Москве-реке состоялся зимний заплыв пловцов добровольных спортивных обществ «Водник» и «Труд», а также ДОСААФ. В нем участвовало 60 спортсменов. →

На снимке: выход на старт.

Фото И. Тункеля.

Самый длинный железнодорожный мост в Африке строится через Нил у города Хельвана, в Египте: его протяженность — 812 метров. Мост строится под руководством венгерских специалистов.

Фото «Фрайе вельт».

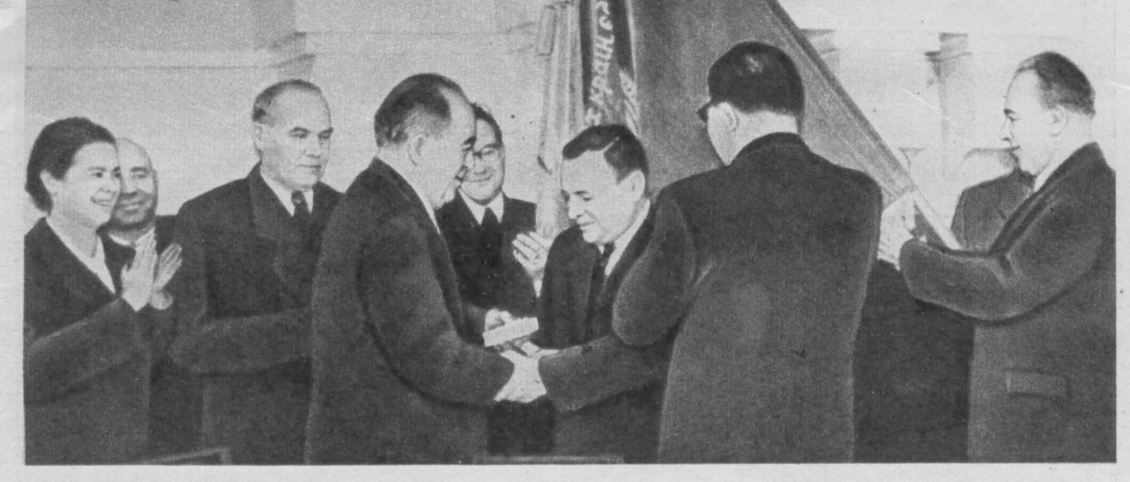

— Ну как, похожи? — обращаются к рядовому Геннадию Малину повар таманской гвардейской дивизии старшина Григорий Нагорный и воспитанник дивизии Валерий Лебединец.

Их портреты, написанные художниками В. Дрезниной и Б. Ставицким, представлены на выставке, которая открыта в Москве, в залах Академии художеств СССР в честь сорокалетия Советской Армии и Военно-Морского Флота.

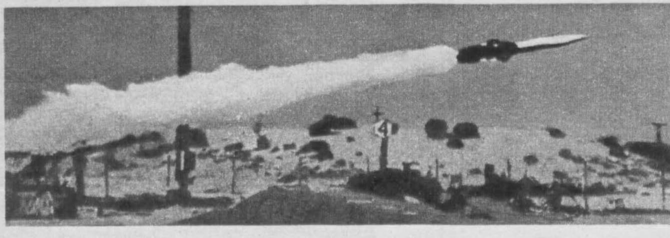
Фото Б. Кузьмина.

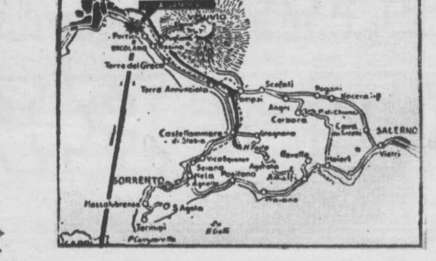

За большую работу, проведенную по мобилизации молодежи на успешное выполнение заданий Коммунистической партии и Советского правительства по скоростному строительству новых шахт в Донбассе, и проявленную в этом важном государственном деле инициативу комсомол Украины награжден орденом Ленина. Эта высокая награда была вручена комсомольской организации Украины 22 февраля в Киеве на заседании XVIII съезда ЛКСМУ. На снимке: заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Д. С. Коротченко вручает орден Ленина делегации ЛКСМУ. Орден Ленина принимает секретарь ЦК ЛКСМУ В. И. Дрозденко.

Фото В. Сычева и Н. Цидильковского (ТАСС).

Карта района, где упал ракетный снаряд. →

8 февраля в поле возле пригорода Неаполя Портичи упал таинственный ракетный снаряд, образовав огромную воронку. Вероятно, это снаряд, близкий к типу «Литл Джон», пишет газета «Паэзе сера». Зона, откуда он был выпущен, находится в западной части Средиземного моря, возможно, на африканском берегу, а скорее всего следует предполагать, что снаряд выпущен с американского военного судна.

На снимке: ракетный снаряд типа «Литл Джон» в момент взлета. Эти снаряды приняты на вооружение в американском средиземноморском флоте, они же идут на вооружение войск стран НАТО.

21 февраля в результате плебисцита, проведенного в Египте и Сирии, создана Объединенная Арабская Республика. Президентом ее избран Гамаль Абдель Насер. Население Сирии и Египта горячо приветствовало рождение нового арабского государства. Советский Союз заявил о признании им Объединенной Арабской Республики. О признании ее заявили также Китай, Индия и десятки других государств.

На снимке: в день плебисцита в Каире. Очередь перед пунктом голосования.

Фото П. Егорова (ТАСС).

Этой фотографией, изображающей директора завода «Катерпиллер» в Пиории Уильяма Наумана среди множества не проданных его фирмой тракторов, американский журнал «Лайф» напоминает читателям об угрозе надвигающегося экономического кризиса в США.

Пренебрегая морозом, Роберто Де Ламоника и Октавио Араужо, приехавшие из Бразилии, делают зарисовки в Троице-Сергиевой лавре, восхищаясь пластикой русской архитектуры. →

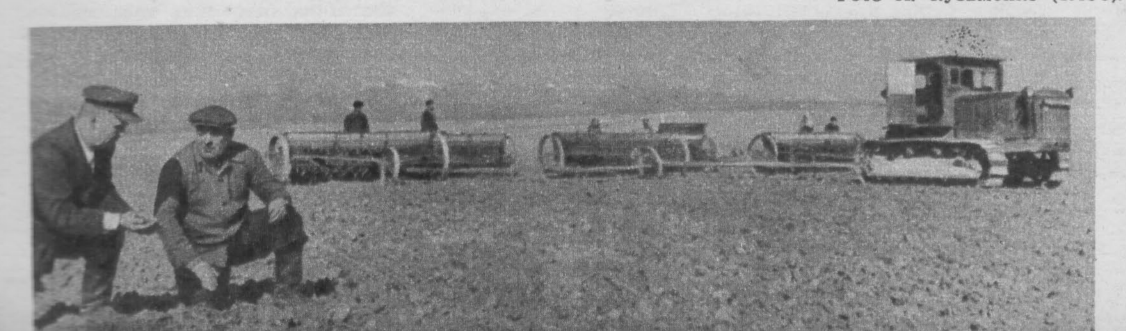
Бразильские художники сопровождают выставку — около двухсот произведений своих соотечественников. Они побывали уже в нескольких городах Китая, в Советском Союзе, затем поедут в Румынию. Эта поездка предоставлена двум молодым художникам в премию за лучшие произведения на выставке графики, организованной Обществом дружбы Китая и Бразилии.

Фото Ф. Короткевича.

Коллектив зерносовхоза «Галля-арал-1», Самаркандской области, включившись в социалистическое соревнование в честь выборов в Верховный Совет СССР, высокими темпами ведет сев зерновых культур.

На снимке: главный агроном совхоза К. С. Гарнага и управляющий 3-м отделением агроном А. Г. Каденко.

Фото А. Кузьменко (ТАСС).

Недавно в Ярославле состоялся финиш лыжного перехода Воркута — Ярославль протяженностью в 2 500 километров.

На снимке — участники перехода (слева направо): Борис Шибаев, рабочий шахты № 4, Иван Ганин, навалоотбойщик шахты № 30, Михаил Рыбочкин, горный мастер шахты № 8, Степан Канищев, взрывник шахты № 9—10, и Николай Воробьев, взрывник шахты № 8.

Фото Вл. Зверева.

В нынешнем году на Московском автомобильном заводе имени Лихачева будет начато производство новых семиместных легковых автомобилей «ЗИЛ-111». На снимке: экспериментальный образец легкового автомобиля «ЗИЛ-111».

Фото А. Волошинова.

↑ В Москве в Общесоюзном доме моделей проходило совещание представителей всех домов моделей страны.

На совещании были продемонстрированы лучшие модели.

На снимке: в Общесоюзном доме моделей идет показ.

Фото О. Кнорринга.

Небольшое парусное судно покинуло побережье штата Коннектикут, взяв курс в Тихий океан, на острова Эниветок, где намечены очередные испытания американского термоядерного оружия. ↑

Капитан Альберт Байджлоу, в прошлом офицер военного флота США, квакер, пацифист по убеждениям, решил бросить якорь невдалеке от зоны взрыва водородной бомбы. Байджлоу заявил корреспондентам, что хочет таким образом выразить протест против испытаний атомного оружия, поставив на карту свою жизнь. Остальные члены экипажа — друзья и единомышленники Байджлоу.

ВЕСЕННИЕ ЗАМЕТКИ

Георгий РАДОВ

Потеплело уже от Ростова, а за Тихорецкой взору открылась такая первозданная голубень, так сладостно запахло весной, что захотелось выскочить из вагона и напрямки, бездорожно зашагать по разбуженной степи, на ходу разминая в руках талую студеную землю.

А как развезло дороги! Уже из окна вагона было видно, что могучие «Челябинцы» тащат к фермам по бедовейшей крутой грязи санки с сеном и силосом... Вот с этой-то картины и завязался у нас разговор на злобу дня: об МТС, о колхозах, о двух хозяевах на земле.

— Чертогоны, мать их!.. — выругался попутчик мой, Гервасий Ильич, тыча пальцем в грузный «Челябинец», за которым волочились небольшие санки с крохотной копешкой сена.— Ты глянь, глянь, что они вытворяют, сатанюги! Какую машину запряг в салазки, а! Из-за клока сена гоняет, бьет, гробит технику — и ухом не ведет!.. А что ему! Она ж не его машина...

— Как не его? Она же эмтээсовская!

— Вот именно: эмтээсовская! А сено колхозное. Да кабы у колхоза были свои кровные трактора, послал бы он, хозяин, «Челябинец» за копешкой сена? Да удавился бы, а не послал! Он бы коней запряг, а по крайности зацепил бы колесником тракторные сани. А так ему байдуже. Заплатит за тонна-километры и не турбуется... Вот оно что значит два хозяина на земле...

Я как раз направлялся в станицу Григориполисскую узнать насчет «одного хозяина», и, разумеется, любопытно было, что думает об этом Гервасий Ильич, старый колхозный деятель. Но от самого Ростова, где мы встретились, старик молчал, и только вид махины-трактора, волочившего чуть не детские санки, вывел его из равновесия.

— Вот такое и у нас! — мрачно уронил он.— На той неделе кассир наш колхозный ездил в банк на «С-80» — можешь себе представить? Такси нашли, чертовы дети! А МТС не беспокоится, нагоняет себе тонна-километры, мягкую пахоту.

— Значит, только государство страдает от двух хозяев? — перебил старика сосед, рябоватый парнишка в ковбойке.— Казна страдает?

— Все страдаем! — отрезал Гервасий Ильич.— Тем летом скосили мы колосовые, а с лущевкой припоздали, скот пасли по стерне. Ну, срок посева подходит, запохаживаемся пахать — нет, надбегает начальство, распочиняются дебаты... А начальников же — ой-ой-ой! У меня, колхозного бригадира, свои боги: председатель, наш главный агроном, наш зоотехник, наш механик... Ну и у дружка моего, Петра, тракторного бригадира, богов не меньше: директор, главный агроном МТС, главный механик, главный зоотехник. Свадьба! Съезжаются все до одного в поле, открывается митинг. Наши колхозные командуют: «Паши, срок настигает!»,— а эмтээсовские в свой голос: «Нет, не паши, а лущи, давай сорнякам провокацию!..» «Господи,— говорю,— к чему же нам та провокация, когда мы сегодня взлущим, а завтра все едино будем пахать?! Что они за ночь, сорняки, вылупятся? То ж перевод керосина, а не провокация!..» А им, эмтээсовцам, опять-таки байдуже, у них договор, план, им давай мягкую пахоту... Лущевка-то — выгодная работа, а нужна она, не нужна — то им без внимания. Ну, а наши тоже не уступают, не хочется за дурницу хлебом платить... И гудит митинг круглые сутки, и такая идет чертоскубица, чуть не за грудки берутся. Вот тебе два хозяина! Горе!..

Старик отвернулся, уставился в окно, а рябоватый паренек, с прищуром глянув на сурового рассказчика, тронул его за рукав.

— Послушайте, дядько, вот вы, колхозники, ругаете МТС. Так зачем же тогда их, МТС, затевали? Не сами ж они родились! Что же это было? Ошибочка? Может, лучше, если б колхозам спервоначалу отдали трактора?

— Мудре-ец! — покачал головой Гервасий Ильич.— Зачем затевали! Ошибочка! Да ты знаешь, что такое МТС? То ж сила...

— А говорите...

— Что я говорю?! — закричал старик.— Ты с какого года рождения? С тридцать третьего? А я в тридцатом году вот этими губами пахоту целовал, когда пришла к нам МТС... «Эге, эти нам толоку перепашут!» — сказал мой дружок, покойник Терентий Шкаруба. «Дурак ты,— говорю,— Терешка!.. Разве ж они толоку перепашут? Они нам жизнь перепашут вдоль и впоперек!..» Ошибочка! — продолжал он сурово.— Нет, дружок, не ошибочка, а мудрость то была, когда затеяли МТС! Какие были у нас колхозы? Собрались бедняки, батраки, привели двадцать коней, сдали двадцать хомутов — вот тебе и вся амуниция! А что были за головы? Четырнадцать председателей было в станице — сплошь ученые вроде меня: два класса, третий коридор. Ну и дали б нам, допустим, тракторы, что бы от них осталось? Рожки и ножки? А МТС-то технику взяла, как говорится, в один кулак! И мастерские, и полевые летучки, и механики — все у них. Агрономия — вся у них! А политотделы! Да ты знаешь, кем она была, МТС, для колхозов? И батькой, и дядькой, и попом, и судьей, и воинским начальником... Да она ж нам нянькой была!

— А ругаете!..

— Тьфу! — сплюнул старик.— Ругаете! Что значит ругаете? Не ругаю, а говорю! Няньку-то держат до возраста... Не до свадьбы же она нужна человеку!

Няньку держат до возраста... Уже потом, в Григориполисской, вспомнил я меткие эти слова... Каких детей выпестовали машинно-тракторные станции! Раньше в Григориполисской было восемь мелких, тщедушных колхозов с малограмотными председателями, копеечным доходом, ветхими постройками. И вот он развернулся на весь станичный юрт, один колхоз, «Россия»,— махинище с двадцатичетырехмиллионным доходом, сотней автомобилей, первоклассными фермами, со своим театром, санаторием... И во главе этого колхоза уже не вчерашний хлебороб-практик с «двумя классами, третьим коридором», а кандидат экономических наук Н. Ф. Лыскин, и ученые-агрономы, и ученые-зоотехники, и свои инженеры, и строители, и доярки с аттестатами зрелости, и еще своя опытная станция, связанная с Академией сельскохозяйственных наук... Так нужна ли, спрашивается, нянька этому возмужавшему сыну? Не пора ли отпустить ее на покой, а ее заботы передать самому воспитаннику?!

Мы расстались с Гервасием Ильичом на станции Кавказская. Он направлялся в Краснодар, я сворачивал влево, на Ставрополье.

— Ну, ладно,— сказал он,— ты, значит, в Григориполисскую. Кажись, один у них хозяин на земле? Ну, глянь, глянь, расскажешь...

Мне повезло: переправившись вброд через обмелевшую Кубань, я по горе поднялся в станицу, зашел в театр «Россия» и, что называется, с ходу попал на лекцию как раз о том, о чем толковали мы с Гервасием Ильичом,— об «одном хозяине» на колхозной земле, или, как это официально называлось, «О работе Григориполисской МТС и колхоза «Россия» под единым руководством». В зале сидели студенты техникума, а на трибуне стояло как раз само «единое руководство» — директор МТС, он же председатель колхоза Николай Фадеевич Лыскин.

— Так что же у нас произошло, товарищи? — спрашивал он, снимая очки.— А произошло вот что: объединилось руководство. Нет больше двух капитанов — председателя и директора, один человек руководит и МТС и колхозом. Нет двух главных агрономов, есть один главный агроном, нет двух главных зоотехников, есть один зоотехник, нет двух главных инженеров, есть один главный инженер — заместитель председателя колхоза по всей механизации. Власть собрали в один кулак! — с силой объявил он и поднял кулак, и кто-то в зале сказал вполголоса:

— А кулачок подходящий!..

Но я уже хорошо знал, что соль тут вовсе не в «подходящем» кулачке, не в Лыскине... И до него в МТС директорствовал дельный, опытный человек и агроном, и зоотехник, и механики были, что называется, не лыком шиты. Соль была тут не в людях, а в системе! В порядке! В одном хозяине, который появился на григорополисской земле. Но что же это дало?

Лыскин заговорил цифрами... На десять рублей снижена себестоимость гектара «мягкой пахоты», а этих «мягких» гектаров было «вспахано» больше ста тысяч — миллион рублей экономии! На сто с лишним гектаров поднялась выработка трактора! Мастерская МТС учетверила выпуск продукции! Расходы на персонал МТС снизились почти на сто тысяч!

Признаться, я с тревогой ожидал двух главных цифр. Еще дорогой думалось, что МТС, попав, так сказать, в орбиту колхозных интересов, проиграет: меньше даст «мягких» гектаров, меньше заработает натуроплаты, обидит государственный кошелек... Но вот Лыскин назвал и эти цифры, поистине поразительные!

— Выработка в «мягкой пахоте» выросла за год с девяноста семи до ста двадцати тысяч гектаров. Никогда со дня основания МТС не делали столько. Натуроплаты государство получило больше, чем полагалось по промфинплану! — И еще одну цифру сказал он людям: — Каждый центнер натуроплаты, полученной от колхоза, обошелся стране дешевле: по зерну — на пять рублей, а по мясу — на сто рублей!

Позже, толкуя с Лыскиным, мы «докопались» до секретов этой удивительно радостной цифири.

— Да ты пойми, — втолковывал он мне. — Ты пойми, что колхозу-то выгодно иметь больше, а не меньше «мягкой пахоты». Но настоящей пахоты, а не липы! Не гектаров для гектаров, а гектаров для дела, для урожая! Мы же сами распоряжаемся техникой для чего? Для хо-зяй-ства! Для до-хода! Как и раньше, МТС получает план «мягкой пахоты» и отвечает за него, но теперь, при едином руководстве, мы этот план выполняем не в интересах сводки, а в интересах колхоза! «Челябинцев» не гоняем за сеном и не елозим сто раз землю культиваторами, чтобы нагнать «мягкую пахоту». Ненужные работы, которыми раньше увлекалась МТС, отпали, зато сколько за этот счет мы сделали нужного, трудного! Одного плантажа под виноградник подняли почти полтысячи гектаров, а эта же пахота тяжелейшая — на восемьдесят сантиметров! Одних прудов выкопали сорок...

Итак, «один хозяин», или, как мне сказал эмтээсовский электросварщик, «пока гибрид». Да, гибрид. И не вполне устоявшийся. Руководство-то объединилось, но МТС сохранилась, и оплата труда осталась прежняя: колхозники получили по трудодням, стало быть, от урожая, от доходов, а механизаторы, как и вчера, за те же «мягкие» гектары и тракторосмены... И, разумеется, если говорить по чести, и при едином руководстве механизаторы не испытывали материального интереса ни к колхозным доходам, ни к мясу, ни к молоку... Не все было решено. И все-таки какой же скачок! Какая выгода и государству и колхозу! Какой крепкий зародыш одного хозяина появился в Григорополисской!

В тот же день я отправился в самую нижнюю точку «единого руководства», в бригаду, туда, где, по словам Гервасия Ильича, «открывались митинги и затевались чертоскубицы до грудков»...

И вот толкуем со вчерашними участниками «чертоскубиц», с колхозным бригадиром Алексеем Вячеславовичем Шнуровским и бывшим тракторным бригадиром, а ныне помощником Шнуровского, бригадным механиком Федором Ефимовичем Куликовым. Шнуровский, немногословный, осанистый, говорит не спеша, а Куликов, молодой, веселый, гармонист по таланту, так и сыплет, так и сыплет... Речь, конечно, для начала идет о прошлом, — засело оно в печенках! Шнуровский берет карандаш, рисует по кругу десять точек, соединяет их стрелками.

— Вот вам цепочка! Дождь перепал, мне край надо культиваторы пускать по зяби, а я сажусь на линейку и погоняю по инстанциям. Согласую, будь оно проклято! — Шнуровский ведет карандашом от точки к точке, доходит до последней. — Согласовал! А пока согласовывал, влаги, как говорится, черт ма, улетело!

— А теперь? — спрашиваю я, потому что, сказать по правде, насточертело слушать о вчерашних огрехах. — Как теперь, Алексей Вячеславович?

Шнуровский рисует две точки, соединяет их стрелками.

— Вот так!

— ?!

— Да очень же просто: я командую трактористу, а он пускает культиватор. Все!

Мы еще долго сидим с двумя бригадирами. Проясняются детали. Как стало легче работать! Трактористы и комбайнеры, свободные от смен, уже не лежат в затишке, а строят фермы, кроют кошары... И быстрее бегают эмтээсовские автомобили, собранные в одном общем колхозном гараже. И ремонтная мастерская, которая в летнюю пору напоминала заброшенный цех — не было работы, — теперь загружена круглый год: она чинит инвентарь колхоза и заработала государству за год почти миллион рублей.

— Значит, лучше стало? — спрашиваю я Шнуровского.

Он улыбается:

— Лучше-то лучше, а оно всегда хочется еще лучше. Скорей бы нас окончательно сводили под одну крышу...

Почти три года я не был в Григорополисской и, по правде сказать, в первые дни, занимаясь «одним хозяином», просто упустил все другие новинки, которые явились в этом славном колхозе. Разговорились мы об этом со знакомым станичником только перед отъездом.

— Гм!.. Новинки... — задумался он, шагая по раскисшей дороге. — Как же, есть у нас новинки. Только ж стареют они, грец их возьми, на ходу стареют!..

— Это как же стареют?

— А вот как... Ты когда был у нас? В пятьдесят пятом? Как гремела наша школьная бригада! На все государство звенел запев! А зараз? Новинка теперь школьная бригада? Да ничегосенько! Обыкновенная вещь. Их вон по краю побольше сотни, да еще и каких! А возьми комплексные бригады? Где они родились? У нас! Первые мы связали животноводов и полеводов одной бечевочкой — в комплекс. А зараз? Да не найдется, наверно, такого района в стране, где бы не было комплексных бригад! Смекаешь, как стареют новинки? Не-ет, зараз нам трудненько...

Трудненько... По правде сказать, я вовсе не думал, что «зараз трудненько» могучей, смелой, замашистой «России». Из писем григорополисцев и из газет составлялась совсем другая картина. «Россия» богатела, строилась, обзаводилась фермами, в два года завела просторнейшие виноградники, рыла пруды, растила тысячи овец, готовилась откормить за год сотни тысяч уток, взялась на всю Московскую область — на всю! — вырастить семена кукурузы... А заодно «попутно» возвела театр, и баню, и гостиницу, и затеяла пекарню, и детский интернат, и образцовейший полевой стан — так называемый «стан будущего», — и на улицах забелели сотни домиков новой постройки... Словом, как говорится, дела «по всем отраслям» шли на лад. Почему же «трудненько»?

— А подголоски?! — перебил меня собеседник. — То мы были чуть ли не единственным запевалой в крае. Только наш бас и слышался. А зараз-то и подголоски распелись, подкидывают новинку за новинкой. Поспевай! Допустим, у людей уже доярки доят по пятидесяти коров, а у нас по двенадцати — вот нам и минус: слабость механизации. У людей для колхозников и отпуска и пенсии, а у нас нет: опять минус. То в районе был один наш колхоз на высоте, а другие так себе, серединка-наполовинку, а зараз гляди, как развернулись соседи, новоалександровцы! Председатель у них — кандидат в депутаты, Будков Георгий Герасимович, де-ельный мужик! И помощники у него завзятые. Вот-вот нам на пятки наступят!

Я спросил у Лыскина насчет «пяток». Он погрозил пальцем:

— Еще побачимо!..

...Ездишь, ездишь по стране: из Ленинграда — в Сибирь, оттуда — на Ставрополье, потом с Кубани — под Новгород, опять куда-нибудь на целину, — встречаешься с людьми в поездах, на вокзалах, на пристанях, и в колхозных конторах, и в дымных чайных и с радостным удивлением замечаешь, как осмелели, как повзрослели люди нашей деревни.

Когда была напечатана речь Н. С. Хрущева в Минске, мне довелось жить под Новгородом, в глухом заильменьском селе Красный Бор. Почтальон принес газету вечером, и мы с председателем Алексеем Ивановичем Ленькиным читали ее вслух у него дома.

— Слушай! — сказал он, подняв руку. — Хор-рошее же дело, насчет МТС! Оно, понимаешь, и цены поправит...

— Цены?! — Не понял я, почему именно цены пришли в этот миг на ум председателю.

Ленькин, крепкий, русый, коренной новгородец, прошелся по комнате, присел:

— Мы-то на чем живем, а?.. — спросил он. — На ценах! Закупочные и заготовительные цены подняло правительство, вот он и завязался у нас, у колхозов, жирок и потекли миллионы. Но цены-то — штука гибкая! Не век же мы будем по два с полтиной продавать городским людям молоко... Но, с другой стороны, и цены не снизишь с бухты-барахты! Этак опять можно подрезать колхозы... Так в чем же вопрос? Да в себестои-мости! Я тут думал-думал, две пачки «Севера» выкурил за ночь: себестоимость — это, брат, самый острый житейский вопрос для народа. Почем нам обходится молочко? По целковому! Так то ж нам, а есть колхозы, где и по три целковых... Вовсе получается как в поговорке: «Рубль торгуем, два харчуем»... А почему? Да ты глянь на механизацию: доярки ведрами носят воду — это во сколько же обойдется молочко при такой трудоемкости? А еще и непорядки оборачиваются рублями... Не-ет, если МТС покрепче пристегнут к колхозу да механизаторов накрепко свяжут с себестоимостью, тогда и подешевеет молочко. А надо, чтоб и мясо дешевело...

...В глубоком раздумье встречает деревня эту весну. А весна, ходкая, нетерпеливая, уже шагает на север, рвет на ходу ручьи и речки и вместе со льдом гонит и гонит вниз все одряхлевшее, отслужившее, мешающее ходу большой воды.

Сдружились! Бригадир единой комплексной бригады А. В. Шнуровский (справа) и механик бригады Ф. Е. Куликов.

Фото А. Гостева.

О РЯДОВОМ КОММУНИСТЕ

Когда на зданиях кинотеатров Москвы появился большой портрет молодого парня в военной гимнастерке, чубатого, немного курносого, с умными, внимательно во что-то вглядывающимися глазами, и в залах кинотеатров, где шел фильм «Коммунист» (сценарий Е. Габриловича, режиссер Ю. Райзман), зрители, вытирая глаза, расходясь, говорили: «Правильно жил человек. Настоящий коммунист»,— никому дотоле не знакомое актерское имя Евгений Урбанский стало известным.

Тогда-то мы и встретились с Евгением Урбанским, актером Московского драматического театра имени К. С. Станиславского. За кулисами, среди декораций, которые писались к новому спектаклю, в перерыве между репетициями произошел наш разговор.

В дежурке. Василий Губанов — Е. Урбанский, начальник полустанка — В. Пицек.

— О роли Губанова я хочу сказать словами одного из героев фильма, несколько их перефразируя: когда играешь большого политического деятеля, ученого или знаменитого художника, как много можно рассказать о пройденном им пути! А что сказать о жизни Губанова? Родился в рабочей семье. Двенадцати лет пошел на завод. Потом революция, гражданская война... Ранили его. А потом пришел на Шатуру. Вот и вся его жизнь... Обычная, казалось бы, ничем не выдающаяся биография рядового человека. И все же сколько в ней замечательного, особенно для нас, молодежи!

Вы помните, фильм построен как рассказ сына об отце. Так и я задумал свой образ. Это рассказ о наших отцах, о тех, кто в самые трудные годы разрухи, голода, интервенции своим скромным мужеством, своим нечеловечески напряженным трудом поднимали страну из руин, закладывали фундамент социалистического государства. И без деклараций, просто и искренне отдавали свои силы, труд, а порой и жизнь партии, стране, народу.

Наше поколение привыкло к тому, что окружает нас сегодня: красивые, благоустроенные дома, гигантские стройки, самые мощные в мире электростанции, расцвет науки, техники, искусства, культуры. Мы так привыкли ко всему этому, что зачастую забываем о том, каким героическим трудом все это создавалось. Благословенны те, кто клал первые кирпичи, возводил первые стройки!

Это были не единицы, а все поколение наших отцов-коммунистов, которым мы, участники фильма «Коммунист», посвятили нашу работу. Мы стремились сделать не исторический фильм, а глубоко современный; в нем поставлен очень важный вопрос: каким должен быть коммунист.

Когда я работал над образом Губанова, мне часто вспоминались плакаты военных лет с их призывом: «Что ты сделал для победы?». Мне хотелось, чтобы мой Губанов каждого зрителя заставил всю свою жизнь проверить по высокому счету, задуматься над тем, что он сделал и делает для победы коммунизма, задуматься над своими повседневными делами.

На дискуссиях, в письмах зрителей меня не раз спрашивали: как я считаю, Губанов — обыкновенный, рядовой человек или особенный, герой?

Я думаю, что свежесть и обаяние этого образа именно в том, что Губанов в отличие от всех его предшественников — Максима, Василия в фильмах о Ленине, Чапаева — не исключительный, а рядовой. Но он коммунист, а это значит — честный, принципиальный, мужественный, всегда без декларации, позы готовый на любой подвиг для народа.

Губанов работает кладовщиком — должность отнюдь не героическая, а скорее, по привычным шаблонам многих фильмов и пьес, комическая. Возмущен и Губанов, когда его, рабочего, сажают «гвозди выдавать». Но на стройке Шатуры их, коммунистов, всего семь, и раз одному из них поручают эту работу, значит, так надо партии. И Губанов подчиняется.

В фильме есть эпизод, когда Губанов один начинает валить лес — дерево за деревом, без отдыха, без устали, под дождем...

— Ну уж это-то поступок исключительный,— говорят некоторые. А Губанов так не думал. Он знал, что в Шатуре ждут хлеба. И если для эшелона с мукой нет топлива — он застрял в пути,— надо топливо раздобыть. И так во всем, во всех своих поступках. Он делает то, что нужно стране, людям, не ожидая ни чинов, ни почестей за это.

Должен сказать, что в понимании психологии Губанова мне помог Маяковский. «Улица моя, дома мои» — вот оно, это ощущение Губанова. Все теперь его собственное, кровное, поэтому и заботиться об этом надо, как о своем близком, личном.

Когда я после школы учился в Московском горном институте, я много там занимался в художественной самодеятельности, увлекался чтением и особенно охотно читал Маяковского. Люблю и знаю его мужественную лирику. Читал я его много и в период занятий в студии МХАТа. С ним, с Маяковским, работал и над своей первой ролью — ролью Василия Губанова. В трудные моменты, когда я не все понимал в логике поведения, в мыслях или словах своего героя, я обращался к Маяковскому.

Я меряю
по коммуне
стихов сорта.

Вот мерка и для поступков Губанова.

Когда некоторые говорят, что образ Губанова трагичен, я с ними не согласен, я считаю этот образ оптимистичным. Но оптимизм здесь не лакировочный, а тот, что в «Оптимистической трагедии» Вишневского, что в «Судьбе человека» Шолохова. Да, Губанов погибает, но он хорошо жил, жил для народа.

И если наш зритель, уходя из кинотеатра, подумает, как и в фильме один из свидетелей подвига Губанова: «Вот кабы все мы так... да всегда бы!..»,— мы будем считать, что свою задачу выполнили.

Несколько слов о творческих планах: я хочу играть в фильмах общественно важных. Начинаю сниматься на киностудии имени М. Горького в фильме по поэме Е. Долматовского «Добровольцы». Мечтаю сыграть в кино роль Маяковского, верю, что моя мечта сбудется.

Василий Губанов — артист Е. Урбанский и Анюта — артистка С. Павлова.

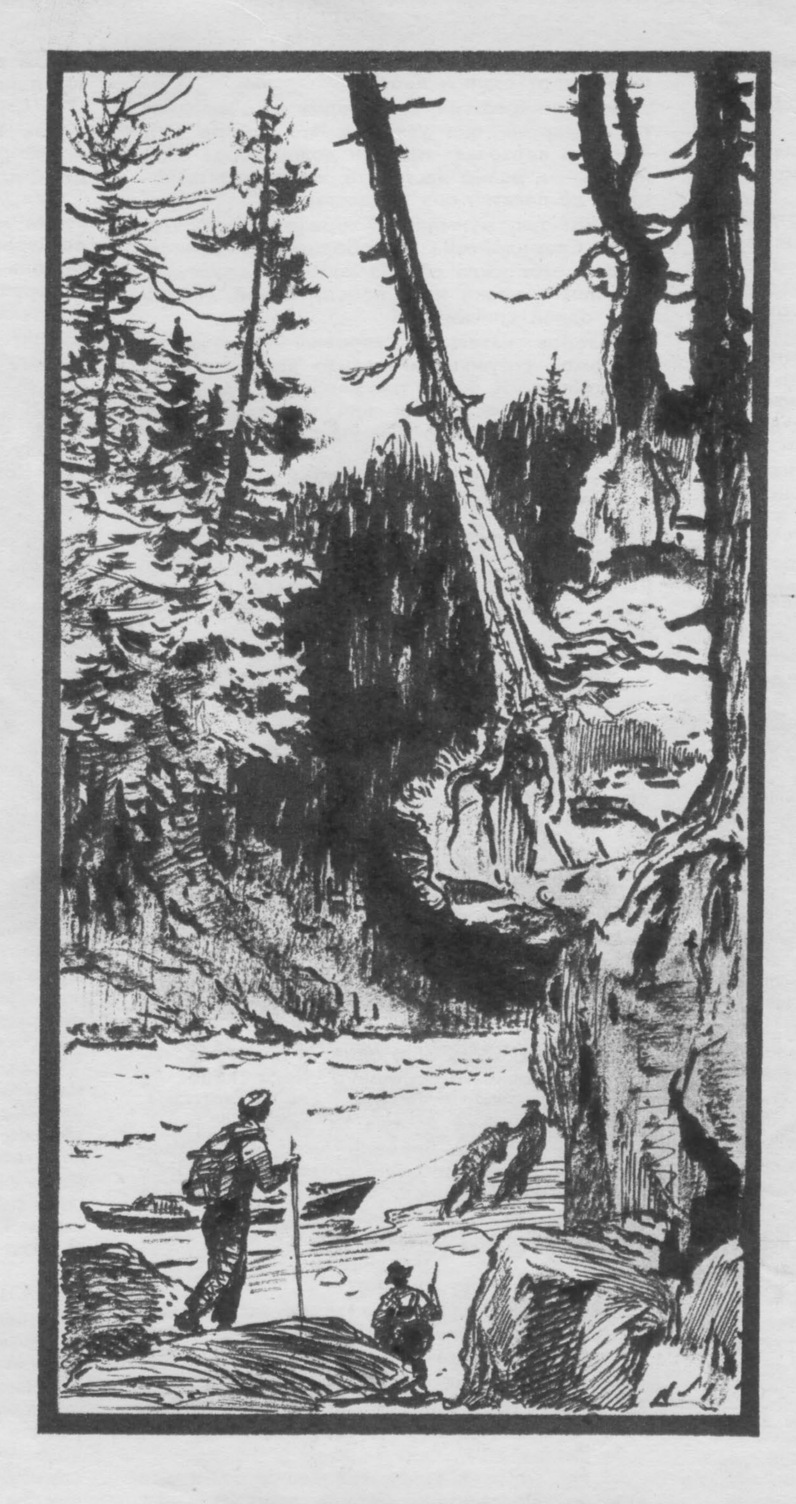

Много разных интересов и увлечений у молодежи Наро-Фоминской ткацкой фабрики. Закончив работу в цехах, одни уходят в школы и техникумы, другие — на спортивные площадки, а третьи увлекаются искусством. Вера Иванова, молодая, но уже умелая ткачиха 3-го цеха,— непременный участник драматического кружка рабочего клуба. В последней постановке, старинном водевиле «Беда от нежного сердца», Вера исполняет роль Настеньки. На снимках вы видите Веру Иванову в цехе и в сцене из водевиля. Роль Золотникова исполняет шофер Василий Паршин.

Фото С. Фридлянда.

В марте хореографический коллектив клуба Наро-Фоминской ткацкой фабрики отмечает свой десятилетний юбилей. В дни областного Московского фестиваля молодые ткачихи показывали свое искусство в столице и были награждены дипломом первой степени. На снимке: участницы коллектива исполняют танец «Уральский вихрь».

СЕМЬ СПИЧЕК

Рассказ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Спичек оставалось семь. Они лежали на заскорузлой, в мозолях и ссадинах, широкой ладони Дозорова.

— М-да...— сказал парень с горьким спокойствием.— Маловато огня. А идти нам до Путулана порядком, если продолжать работу. Дней двадцать пять верных.

— Не разводите сырости, Коля! — отозвалась от костра женщина с короткими волосами и ожесточенно принялась дуть в котелок.

Дозоров хотел ответить что-то едкое, но едкого в запасе не оказалось, и он промолчал. Он всегда пасовал перед этой женщиной — дерзкой, грубоватой и красивой. Он не понимал ее. Татьяна Спиридоновна знала свое дело, была умна, остра на язык. Не первый год жила в тайге. Но почему-то жизнь таежная практически мало чему ее научила. Бытовые вопросы ее попросту не интересовали. И при всем том вот сейчас, в нынешнем трудном положении, она держала отряд в руках. Крепко держала!

— А скажите, Татьяна Спиридоновна,— в упор глядя на женщину, спросил Дозоров,— скажите, пожалуйста... не по существу. Вот почему вы... каши толком не можете сварить?

Она сняла с огня котелок и помешала ложкой гречневую кашу, малость пригоревшую, жиденькую, почти не возбуждавшую аппетита.

— Вы обожаете кашу? — взглянула она искоса.— Гречневую? Или отдаете предпочтение манной?

— Н-нет,— смутился парень,— да выбирать ведь не из чего. Комков у вас, знаете, много, вот я и говорю... Размешиваете вы плохо, должно быть...

Двое рабочих у палатки хмуро помалкивали. Дозоров знал, что они прислушиваются к разговору, и уже не рад был, что затеял его.

— Комки, спору нет, встречаются,— все так же беспечно сказала женщина, стараясь свести все к шутке. Ей это не совсем удалось, и она поскучнела, отвернулась.— Видите ли, Коля... Мне мало приходилось заниматься хозяйством. Был у меня когда-то любящий муж и все такое прочее, что принято называть счастьем, семейным благополучием... У мужа была мать, добрая, суетливая старушка. Каши и супы варила она. А я училась. Ходила в театры. Вам это не скучно, нет?..

— Нет,— сказал Дозоров.— Мы плохо знаем друг друга, а вместе, пожалуй, уже пуд соли съели.

Татьяна Спиридоновна долго смотрела на парня. Он чем-то ей не нравился, и что-то в нем привлекало. Слишком уж заурядное лицо. Прямые волосы, давно не видавшие гребешка; обветренные скулы; рот упрямо сжат; а глаза серые, узенькие, колючие... Сердитые глаза... Но внешняя резковатость черт заслоняла в нем, пожалуй, что-то податливое, мягкое... Ему едва ли двадцать пять.

— Ах, вон как! — проговорила она, склонив голову.— Вы плохо меня знаете... А вы уверены, что вам обязательно надо меня изучить?

Дозоров шевельнул плечами, обиженно прищурился.

— Извольте! — Женщина тоже прищурилась, потерла переносицу, как бы припоминая что-то.— Муж у меня погиб, старушка умерла... И жила я впоследствии с младшей сестренкой, опять-таки сестра ведала хозяйством, а я зарабатывала на жизнь. У меня была достаточно обеспеченная должность в министерстве. Потом я ушла. Надоело... Ушла в тайгу, в поиск. И вот я ваш покорный слуга!

Она не сказала более ни слова, да и у Дозорова не появилось охоты продолжать разговор. Не считает нужным откровенничать — это ее дело! Значит, имеет причину.

Он понаблюдал, как Татьяна Спиридоновна тщательней, чем обычно, растирает комочки непроварившейся крупы, затем снова сунула котелок в огонь.

«Сгорит кашка!..» — уныло подумал Дозоров и пошел вниз, к воде. В зарослях тальника стояла неуклюжая плоскодонная лодка без весел, плохо законопаченная, с покоробленными бортами. В лодке громоздились тюки.

Отряд возвращался на базу в Путулан, имея задание вести попутно геологическую съемку. Значит, опять шлиховое опробование по гидросети — по Хотую, Кыхыттаху и притокам,— чтобы установить границы пород, условия залегания пластов и нанести все это на карту... Опять собирай образцы, разыскивай ископаемую фауну, волоки эти каменья в лодке против течения...

Впрочем, Дозорову не привыкать. Да вот поистаскались за лето: лодка ни к черту не годится, вместо палатки кусок рваного брезента, продуктов осталось мало, а спичек — всего семь... Попробуй-ка обойтись в тайге семью спичками, когда вот-вот пойдут дожди, посыплет снег, ударят холода...

Дозоров в сердцах плюнул. Тут еще эта тетка на нервы действует! Каши не может сварить, костер в сырую погоду не разведет. Тоже геолог!..

Признаться, он мало с ней встречался, мало разговаривал. Обыкновенно Татьяна Спиридоновна уходила в маршрут со стариком-рабочим Лукичом, а Дозоров со вторым рабочим направлялся в другую сторону. Может, такие маршруты к веселью и не располагали, зато отряд в летние месяцы сделал очень много.

Вычерпав воду из лодки, Дозоров вернулся к костру.

Под брезентом, натянутым у обрыва, сидел Лукич и чистил ружье, теперь уже бесполезное, потому что ни пороху, ни дроби в отряде не осталось.

— Дай-ка мне, Лукич, штук семь порожних патронов,— сказал Дозоров.— Найдутся?

— Порожние найдутся. — Лукич сдвинул ящик с консервами и вытащил из-под него рюкзак.

Падая в прибитый мох, звонко зацокали медные гильзы.

Дозоров вынул из нагрудного кармана тужурки спички. Каждую он бережно завернул в бумагу, каждую сунул в отдельный патрон. А каждый патрон забил плотным войлочным пыжом.

— Неплохо бы воском,— пробормотал он, глядя на поднявшую край брезента Татьяну Спиридоновну.— Тогда хоть тони, спички сухими будут.

— Давайте их сюда,— предложила Татьяна Спиридоновна.— А то вы такой неугомонный, что, пожалуй, сорветесь где-нибудь с крутизны. В общем, давайте, у меня целее будут!

— Только вы аккуратнее,— сказал Дозоров, вручив ей патроны.

К ночи съемочный отряд прошел вверх по реке Кыхыттах километров десять. Здесь, у подножия известняковых террас, лестницей сбегавших к воде, рабочие натянули брезент. Перед входом развели костер.

— Итак, друзья, осталось уже шесть спичек,— сказал Дозоров и протянул Лукичу ненужную теперь гильзу.— Так что огонь придется поджидать. На ночь установим дежурство.

— А днем? — спросил молодой рабочий Василий. — Мы же в маршрут двинем. И как сказать, придем ли к вечеру?

— С утра что-нибудь придумаем,— отмахнулся Дозоров, проследив взглядом за Татьяной Спиридоновной.

Она прошла сторонкой к реке с полотенцем через плечо.

— Водичка — лед! — неодобрительно заметил Лукич.

— Моцион!— хмыкнул Василий.— Она это умеет. Обтирание до пояса, физзарядочка, все такое...

Был он в высшей степени нескладным парнем, этот Василий. Двухметрового роста, с фигурой, отдаленно напоминавшей вопросительный знак... На базе приятели метко прозвали его Резиной, и прозвище пристало сразу. В характере Василия тоже не были

соблюдены какие-то пропорции, и он вечно брюзжал, все было не по нем.

Медленно отводя глаза от Татьяны Спиридоновны, Дозоров проговорил:

— На первое дежурство, до двенадцати ночи, заступлю я. А вы ужинайте и ложитесь спать.

Борясь со сном, он упрямо смотрел в огонь, в котором как бы плавились и текли ядовито-желтые, бархатисто-зеленые, пурпуровые и синие камни-самоцветы. Глаза болели и слезились. Дозоров отстранился от огня и посмотрел внутрь ветхого жилища.

Вася Резина и Лукич спали в глубине, под известняковым уступом. Голова Татьяны Спиридоновны, руки и плечи, высвободившиеся из спального мешка, были совсем рядом, в черных волосах женщины тихо играли бронзовые отсветы пламени. Огонь разгорался ярче, и бронза становилась золотом, червонные сполохи касались щек уставшей женщины, согревали губы.

«А ведь хороша в тридцать семь лет»,— с удивлением подумал Дозоров, вспомнив, как прошла она вечером к реке.

Утром Лукич предложил притащить из тайги пеньков и корневищ: огражденный ими, влажными и осклизлыми, костер не должен был погаснуть.

— Опасно,— сказал Дозоров.— А вдруг пожар?

— Ничего не опасно,— возразил Лукич, подергав косички на затылке.— С одной стороны — вода, а с другой — круча, скала, щебенка. Он здесь вроде как в клетке будет, огонь. И пусть себе киснет. Разве только дождь...

Но погода благоприятствовала отряду. Ни дождей, ни снега. Светило холодное солнце. Летала паутина. В тайге было сухо и торжественно. И способ сохранения огня, придуманный Лукичом, вполне себя оправдал. Накурившись до одури, уходили в маршрут. А после напряженного дня съемки не было зрелища желаннее и красочнее, чем огонь, заваленный пнями и корягами. Да, костер походил на многопалое рогатое чудище. Десятком слетевшихся светящихся глазниц он изрыгал жар и копоть; трепетные языки пламени лениво колебались, как слабые травинки под ветром; известняки обрывов и галечники берега почернели от сажи и пепла.

Но дня через три, вернувшись из очередного маршрута, они увидели, что костра нет. Где-то в верховьях прошли дожди, вода поднялась — и ровно настолько, чтобы залить костер; до палатки она не достала.

— Вот так, мужчины! — сурово сказала Татьяна Спиридоновна и свободным движением головы отбросила со лба короткие волосы.— С огнем все-таки надо поосторожней. Теперь еще одной спички нет!

Дозоров натесывал «ершик» — палочку с бахромой стружки, мгновенно вспыхивавшую от огонька. К чему разговоры? Сама же и разводит сырость! Так или иначе, придется использовать спичку. Он уныло замурлыкал:

— Ой, цветет калина в поле у ручья.
Парня молодого полюбила я!..

Вообще-то певец он был неважный. Имел к тому же дурную привычку: если уж заведет какой-то мотивчик,— на сутки хватит.

Татьяна Спиридоновна, проходя под брезент, сухо сказала:

— Пожалуйста, не пойте.

— Почему это? — встрепенулся Дозоров.

— А потому. Сколько уж цвело этих калин в поле у ручья! Надоели, понимаете?

— Понимаю,— упавшим голосом проговорил Дозоров. Посидев в раздумье, он пришел к выводу, что песня в самом деле не бог весть какая.— Василий! — крикнул он.— Плавник собрал? Сучья приготовил? На «ершик», разжигай костер!

И вспыхнула вторая спичка. Теперь их оставалось пять.

А впереди лежал непочатый край работы и двести километров пути. Подумав об этом, Дозоров взял у Татьяны Спиридоновны патрон и с величайшей осторожностью расколол третью спичку надвое. Опыт удался, и он попытался расколоть еще одну. И неудачно: головка отскочила. Собственно, этого следовало ожидать: слишком уж были спички корявые. Из какого только дерева их делали!

— Так дело не пойдет,— вмешалась Татьяна Спиридоновна, обычно стоявшая в стороне от хозяйственных дел, всецело передоверив их Дозорову.— Уж сколько у нас ни есть спичек, зато они надежные, настоящие спички. А этой твоей половинкой и зажечь-то ничего не успеешь. Пшикнет — и все!

Дозоров помялся, помялся, но экспериментировать со спичками больше не стал. А очень уж чесались руки!

— Завтра у нас переход,— напомнил он.— На новую базу. Километров шесть отсюда, так, что ли, Татьяна Спиридоновна?

— Так.

— Ну вот... Понесем головешку либо две в руках. По очереди. Верное дело.

Утром он разгреб костер, вытащил из него головешку поувесистее и пошел с ней, не дожидаясь остальных. Татьяна Спиридоновна не скоро его догнала.

— Дымит ваша головня,— кивнула она, стараясь идти в ногу с Дозоровым.— Потухнет.

— Поджививм!

Он с маху опустился на колени, сгреб в кучу мох, прутики и сунул в них головешку. Вспыхнул огонь. Дозоров что было силы дул на головню.

Но Татьяне Спиридоновне от его пылающего лица стало почему-то неуютно. Ах, как он молод! Дозоров обернулся — у него обтянулись скулы, опаленные огнем, и глаза сверкнули задорно:

— Вы читали, должно быть, такую книгу «Борьба за огонь»? Рони-старший, что ли, написал...

— Читала.

— Там, должно быть, вот так же огонь переносили, не помните?

— Не помню. Кажется, так.

— В двадцатом, атомном веке уподобились мы первобытным людям. Странно, правда?

— Странно.

Она отвечала односложно, скучновато.

Дозоров опять принялся шагать, как заведенный, и уже не обращал на нее внимания.

Они мало говорили даже в маршрутах. Дозоров молча смотрел, как неутомимо бегает ее карандаш по страницам пикетажной книжки, она тоже молча смотрела на его синие, замерзшие руки, отмывающие в лотке шлих.

Однажды она потеряла эту пикетажную книжку. Хуже беды нельзя было придумать. Записи, ориентиры, описание пород и условия их залегания, характер местности — все было в походном, с черной обложкой блокноте геолога. Она испугалась. Взглянула Дозорову в глаза и еле выговорила:

— Коля... Нет пикетажки.— И повернула назад, в тайгу.

Дозоров отослал рабочих в лагерь, а сам пошел за ней следом. Книжку нашли у ручья, где брали последнюю пробу. Она лежала на кочке, прикрытой сверху беретом пышного белого мха. В порыве радости Татьяна Спиридоновна схватила книжку и, прижав ее к груди, закружилась в танце.

— Спасибо, что пошли со мной.

— Вот еще! А как бы это я не пошел?

— Ну все-таки. Сколько надо было идти назад!

— Мне с вами приятно,— вдруг брякнул Дозоров и покраснел.

— О?..— Веки у нее дрогнули, и она взглянула на Дозорова сквозь сетку мохнатых ресниц черными, изучающими, насмешливыми глазами.— Господи боже ты мой! Никак, вы комплимент сказали? С чего бы это, Коля?

— Ни с чего,— нахмурился он.— Мог бы и не пойти, раз уж на то пошло. Но совесть у меня все-таки есть!

— Да, да,— серьезно кивнула Татьяна Спиридоновна.— Совесть — это редкое качество, но у вас, разумеется, оно присутствует.

А глаза ее смеялись. У нее было хорошее настроение!

— Скажите, Татьяна Спиридоновна,— обескураженно вымолвил Дозоров.— Вот вы смеетесь, я же чувствую... Так вот скажите мне, чего это вам так весело всегда?

— Ну, не всегда, положим,— уточнила она.— Тут особенно не развеселишься. Но бывают моменты, когда и посмеяться не грех.

— Ох, что-то я не вижу таких моментов!

Татьяна Спиридоновна шутливо обняла своего помощника за плечи.

— Милый мой Коля! — сказала она проникновенно.— В молодости я была массовиком, ну, как еще называют, культурником... Мой учитель говаривал мне: «Даже если у вас в доме, Таня, стоит гроб с покойником, вы на службе должны быть веселы и непринужденны. Вы не должны подавать вида! Ваша профессия радостная. Ваша профессия — уметь развлекать, воевать с тоской и скукой». Ну... вот с тех пор я и не подаю вида. Ать, два, три притопа, два прихлопа, взялись за руки, ать, два!.. Хотя где-то в душе... Впрочем, это не важно, что у меня в душе.

Вечером, у костра, Татьяна Спиридоновна запела. Она стояла, прислонившись спиной к черно-синей диабазовой глыбе, и глядела в небо. И пела о черном веере. Пела «Средь шумного бала, случайно...» И пела что-то из «Чио-Чио-Сан»...

А небо нависло неласковое, его краски, лишенные сока и трепета, без остатка растворялись в сумеречной дымке. Вокруг громоздились могучие камни — они выходили к берегу Кыхыттаха грядой монолитов, плотно пригнанных друг к другу, пересекали реку, взбунтовав в ней воду, и уходили вдаль, покрытые густым лиственничным лесом. Отражаясь в реке, он, желтый, по-осеннему немощный, все еще создавал иллюзию красоты, иллюзию буйства и дикости.

Как и в ту ночь, когда Дозоров дежурил у костра, Татьяна Спиридоновна показалась ему прекрасной. И правда, она была красива той тяжкой красотой, которая слепит глаза и давит на сердце сразу, с первого взгляда. В крутом вырезе ноздрей, в грубоватой форме надбровных дуг и мужском рисунке подбородка угадывалась натура упрямая и волевая...

Дозоров отпрянул от костра: зачарованный ее низким бархатистым голосом, он забыл обо всем, и резвый язычок пламени лизнул бровь...

«Так вот почему она запретила мне петь «Ой, цветет калина»,— подумал Дозоров, рассеянно соскребывая с бровей рыжую подпалину.— Песня как будто не из ее репертуара».

— Хватит! — оборвав пение, сказала Татьяна Спиридоновна.— Завтра большой переход. Километров двадцать.

— Столько верст головешку не протащишь,— пробормотал Вася Резина.

— Пойдем без головешки,— мотнула головой Татьяна Спиридоновна.— Время не терпит. Пожертвуем спичкой.

И опять Дозоров без устали вышагивал впереди, насвистывая сквозь зубы уже не «Цветет калина», а «Средь шумного бала...»

Трудно было Татьяне Спиридоновне угнаться за парнем, и она отдышалась только тогда, когда Дозоров «впрягся» в лямку, подменив Лукича.

Каторжное это занятие — по-бурлацки тащить лодку против течения! Был бы берег еще как берег, а то зарос он тальником, кустами и сотнями острых, грязных веток; береговая поросль впивалась в одежду, царапала лицо, лезла в глаза... А пуще всего изматывало то, что лодка носом задевала мыски и зазубрины обрывов, и больших трудов стоило вывести ее опять на ровную воду. Тут, у берега, как будто и мелко было, но Дозоров знал, что мель эта обманчива, и не удивился, когда ухнул в воду до пояса. Шурша, ссыпался за ним с обрыва песок, и неприкаянно покачивались грязные прутья потревоженного тальника.

— Ладно,— сказал он всполошившейся Татьяне Спиридоновне.— Первый раз, что ли?.. Так даже лучше. Пойду водой. Василий, бросай лямку, сам потащу!

Потом, выкарабкавшись на берег и выливая воду из сапог, он покрутил головой.

— Бр-р!.. А водичка-то не того!.. И как это Татьяна Спиридоновна ежедневно до пояса моется?

— Вообще-то зря,— рассудил Вася Резина.— Медведь, он, говорят, вовсе не моется, а ничего, живет.

Пришел черед и Татьяне Спиридоновне впрягаться в лямку. Собственно, ей это было вовсе не обязательно: трое мужчин хотя и с трудом, но все-таки справлялись... Но она не могла оставаться безучастной, глядя на их мокрые, изможденные лица.

Вася Резина с готовностью отдал свою лямку, едва Татьяна Спиридоновна этого пожелала. Но Дозоров резко сказал ему:

— Не смей! Совести у тебя нету, что ли?

— Совесть! — огрызнулся Василий, мотнув рассерженно рукой.— Когда совесть раздавали, я за углом стоял...

— Вот-вот! — засмеялась Татьяна Спиридоновна.— Я вижу, что разговор о совести получит продолжение. Очень любопытная тема! Как-нибудь на досуге я с удовольствием вас послушаю, Коля. И уж непременно что-нибудь в этом роде не помешало бы послушать Василию. Тут он, надо прямо сказать, не подкован.

— Дождется, наверно,— хмуро бросил Дозоров.— Я его подкую!

Вечером, сняв лямки, он подошел к Василию вплотную.

— Эх, Вася, Вася!..— сказал Дозоров и постучал его по лбу согнутым пальцем.

Василий сжал кулаки.

— Брось! — сказал Дозоров глухо и угрожающе, так, чтобы не услышала Татьяна Спиридоновна.— Думаешь, я тебе лекцию читать буду? Мораль?.. Шуточки шутить?.. Зануда ты такая!

Он отошел и, как ни в чем не бывало, зябко поеживаясь, возвестил:

— Ох, и Ташкентище сейчас устроим — чертям жарко станет!

— Ну, давайте, давайте... Ташкент,— покорно сказала Татьяна Спиридоновна, выжимая мокрую одежду.— Хотя надо бы сначала брезент натянуть.

Дозоров взял из рук Лукича пучок смолистой щепы.

— Потом натянем,— сказал он.— С огнем веселее.

Дул ветер, моросил дождь. Погода портилась. И щепки сразу не вспыхнули, как бывало. Они чихали и плевались жирной копотью, пока огонек вовсе не заглох.

— Здорово! — пробормотал Дозоров.— Пропала спичка ни за понюх табаку.

Татьяна Спиридоновна выпрямилась и уронила скрученный жгутом парусиновый пиджак.

— Надо же поосторожней, как вы не понимаете?

— Половинка, — жалобно протянул Дозоров,— половинка спички. Плохо сработала. Пшикнула.

— Ну, а половинку кто придумал, не вы ли?

Ей не хотелось отчитывать Дозорова: этим горю не поможешь. Но тут, право же, не до смеха! Ведь что значила для отряда каждая спичка!

И только тогда, когда был натянут брезент, защитивший людей от дождя и ветра, под ним вновь начали добывать огонь. Потратили еще спичку, но костер все-таки разожгли. Потом его переместили наружу, набросали вперекрест тонких сухих лиственниц, и пламя забушевало.

Блаженно подставляя огню промокшие бока, хлебали мучнистую похлебку.

— С такой еды ноги скоро протянешь,— уныло проговорил Василий, который, очевидно, вовсе упал духом.— А все потому, что не постаралось начальство наше. Ему, начальству, наплевать на то, как рабочие питаются.

Лукич, тщательно облизав ложку, пробормотал:

— Какой ты, Вася, несуразный! Одну же пищу потребляем — что мы, что твое начальство.

Может быть, на Василия больше подействовало недоброе молчание Татьяны Спиридоновны и Дозорова, чем слова Лукича. Он весь как-то в одно мгновение преобразился. Встал. Неестественно вытянулся. Губы задергались.

— Не нравлюсь?.. Так отпустите меня, не желаю я заваруху вашу жрать! Не согласен я!

Вася Резина притих так же неожиданно, как и вспыхнул. Он тяжело дышал, и впалая его грудь ходила ходуном, как кузнечный мех. Татьяна Спиридоновна сожалеюще на него посмотрела.

— Мужчины,— произнесла она тихо и устало,— так нельзя, мужчины... Либо вы будете подчиняться мне, либо...— Она помедлила, и голос ее прозвучал резко: — Либо я заставлю вас подчиняться!

Трещал костер, и мохнатые языки пламени вились по кругу, как ярко-красные шарфы. Низко плыли грудастые облака. Лезли отовсюду голые, едва прикрытые кое-где зелеными бородами травы рыхлые известняки. Неугомонно рокотала река на перекатах.

— Вот так,— продолжала Татьяна Спиридоновна среди общего молчания.— Могу добавить только то, что я уважу просьбу Василия. Он уйдет в Путулан сегодня же. Не один. С Дозоровым. Продуктов у нас, и правда, мало, а объем работ еще порядочный. Возьмете лодку. Мы с Лукичом оставим себе брезент да кое-что из еды — так, чтобы только-только протянуть.

— Татьяна Спиридоновна,— тихо, но упрямо сказал Дозоров, бледнея.— Пусть идет Лукич. В тайге я вас одну не оставлю.

С минуту она смотрела ему в глаза. И отвернулась.

— Хорошо,— сказала она хрипло.— Пусть идет Лукич! Он достаточно набедовался. Оставлять же в тайге на полуголодном пайке всех я не имею права. Возьмете спичку — и берегите огонь, если хотите добра. У нас остаются две. Больше дать я не могу.— Татьяна Спиридоновна через силу улыбнулась.— Что ж, Лукич, передавайте привет Путулану, всем нашим...

Утром выпал снежок, и река показалась черной, как деготь. От нее поднимался пар.

Татьяна Спиридоновна шла от реки с махровым полотенцем, повисшим наискось от плеча, как андреевская лента.

— Вот и остались мы одни,— сказала она грустно.

— Да,— сказал Дозоров.— Одни. Дня через три они добредут до Путулана.

Он сидел на коряге и производил какие-то манипуляции с лупой. То так ее повернет, то этак...

— Что ты мудришь, Коля?

— Да вот мудрю. Огонь добываю.

Татьяна Спиридоновна прикрыла лупу тонкими пальцами.

— Не трать усилий,— посоветовала она.— И солнце не то, и сырость... Ничего у тебя не выйдет.

— Ну, а как вот у Рони-старшего эти самые первобытные люди,— повернулся к ней Дозоров,— смогли бы они добыть огонь с помощью такой лупы?

— Не знаю,— пожала плечами Татьяна Спиридоновна.— Дался вам этот Рони! Может быть. Народ он дошлый, первобытные люди. С огнем-то уж, во всяком случае, обращались бережливей, чем мы. Разогрей-ка банку тушенки. Перекусим и пойдем, надо спешить.

Да, они остались одни. Тайга раскинулась перед ними огромная, сухостойная, неприветливая. Тусклый свет сентябрьского солнца пронизывал ее насквозь. Мхи лежали белые, зеленые, розовые — мягкие, как перины, пористые, как губки. Таял на мхах снежок.

Как широко шагает этот парень! И какие глубокие оставляет он следы! Что он насвистывает? «Средь шумного бала...»? Экое завидное постоянство!

Опять пошел мокрый снег. Одежда быстро намокала. А тут еще Дозоров уронил в ручей алюминиевую миску (ею пользовались вместо рассохшегося лотка).

— Теперь как же? — забеспокоилась Татьяна Спиридоновна.— Тут глубоко!

— Сейчас достану.

И не успела она слова вымолвить, как Дозоров разделся до трусов и медленно сполз в воду. Он долго шарил рукой под корягами, пока не нашел миски.

А снег валил и валил. На обратном пути Дозоров вдруг сказал:

— Что-то жарко мне, Татьяна Спиридоновна. Печет! Вот тут.— Он провел рукой по груди.— И голову ломит.

— Вы заболели! — испуганно воскликнула Татьяна Спиридоновна и потрогала его лоб.— Ну да! У тебя жар...

— Не знаю,— сказал Дозоров.— Что-то печет.

Кое-как они добрались до своего жилища. На месте костра, сбитая дождем в комки, лежала серая зола, и мертво выглядывали из нее черные угли. Дозоров посмотрел на угли отчужденно и, пошатываясь, прошел под брезент, лег на спальный мешок.

— Разденься,— сказала Татьяна Спиридоновна.— Что ж ты в мокром?.. Ну, давай, я тебе помогу.

— Я сам.— Дозоров попытался стащить сапог.

— Лежи уж... Где тебе! Я говорила, надо водой до пояса обтираться. Вода закаляет организм, вырабатывает иммунитет...

— Да? — криво улыбнулся Дозоров.— Иммунитет?.. С меня достаточно, что я каждый день проваливаюсь до пояса. Не в реку съеду, так еще куда-нибудь черт занесет. Уж такой иммунитет...

Татьяна Спиридоновна ушла собирать плавник. Все вокруг было сырым, промозглым, отовсюду текла вода. Она со страхом подумала, что, пожалуй, костра ей не разжечь, и от этой мысли движения ее стали расслабленными, неверными. Она то переносила плавник и веточки с места на место, то совершенно уж глупо, по-детски пыталась высушить, отогреть дыханием мокрую растопку.

Дозоров наблюдал за ней из мешка лихорадочно блестевшими глазами. Они стали какими-то большими, удивленно-беспомощными, будто и тайгу, и реку, и даже Татьяну Спиридоновну Дозоров увидел в освещении необычном, праздничном, диковатом...

— Вы вот что... Вы возьмите мой нож в мешке и построгайте палочку, а то... сырая она...

Татьяна Спиридоновна послушно вынула из рюкзака нож, самодельный, толстой стали, таким можно убить медведя. Строгая палочку, добираясь до сухой ее сердцевины, она размышляла о том, как часто в повседневной жизни люди не придают значения вещам обиходным, не ценят их. Не ценят ножа, без которого в такую вот слякотную погоду не разведешь костра, коробка спичек, иглы с ниткой... А ведь бывает так, что от наличия ножа, спички или английской булавки, из которой можно сделать рыболовный крючок, иногда зависит жизнь человека. Зависела бы и ее жизнь, останься она в тайге без спутников, ну, хотя бы без этого простоватого парня, измученного жаром...

— Ну вот,— сокрушенно заметила Татьяна Спиридоновна,— надымила я... Вы потерпите; вот разгорится, вынесу наружу.

Она обращалась к Дозорову и на «вы» и на «ты», сама того не замечая.

— Ничего... дымите,— хрипло выговаривая слова, сказал Дозоров.

— Вы потерпите,— сказала она тихо.— Я сейчас... Есть у нас кальцекс, пенициллин, есть норсульфазол — собьем температуру. Сварю я вам мучного отвару с тушенкой, чаю горячего вскипячу...

В эту ночь она просидела у спального мешка больного, не смыкая глаз. А Дозоров метался в горячечном сне и скрипел зубами. Что у него, что?.. Пичкает она его всякими лекарствами, может, и невпопад. Скорее всего, простуда...

Хотелось спать. Она пила крепкий чай без сахара и смотрела в огненно-белый, подергивающийся угарной синью огонь костра. Почему-то казалось, что к утру Дозорову станет легче, что ночь пройдет — и сгинут гнетущая тревога, беспокойство за больного, все станет и проще и понятней... А ночь была длинной. Сквозь жиденький лес не брезжили смутные краски рассвета. Земля, задушенная мхами и разлапистыми корневищами лиственниц, скованная льдом вечной мерзлоты, отторженная от дневной суеты и солнечного света, лежала страшная, полная тайн. Огонь костра вырывал из мутной, сырой темноты стайки корявых, искривленных лиственниц, и они, похожие на химер, плясали свой причудливый танец.

Татьяна Спиридоновна отодвинулась под брезент. Дозоров мотал во сне головой. Спутанные пряди волос, жестких и прямых, прилипли ко лбу. Тонкие спекшиеся губы он сжал до синевы. Татьяна Спиридоновна вздохнула, вытерла Дозорову влажным полотенцем лоб.

— Пить,— сказал он сквозь зубы, не разомкнув век.

Она дала ему горячего, с остатками сахара чаю.

К утру Дозоров очнулся.

— Пропотел,— сказал он виновато,— белье хоть выжми. Как меня скрутило!

Татьяна Спиридоновна стояла перед ним, скрестив на груди руки.

— Тебе легче? — спросила она.— Я так боялась! — Минуту она смотрела на него искоса.— У тебя нет белья?

— Есть,— неохотно признался Дозоров.— Грязное. Да и мокрое, должно быть.

— Ну, хорошо. Я тебе дам комбинацию. Она новая. Мне прислали еще зимой в Путулан, и она такая воздушная, что я не осмелилась ее надевать.

До него не сразу дошел смысл сказанного Татьяной Спиридоновной. И когда он увидел этакое изделие из сиреневого шелка с кружевами совершенно нематериальными, бледных небритых его щек коснулся румянец.

— Что вы? — оторопело выдавил он.— Как же это я... в такое выряжусь?

В голосе Татьяны Спиридоновны послышались непреклонные нотки.

— Ну, вам не на пляж идти. Ничего с вами не случится. Снимите белье. Я выйду.

А когда она возвратилась, Дозоров лежал с обескураженной и покорной улыбкой.

— На кого я похож?

Тонкие кружева комбинации сбились на его груди, и сквозь них просвечивали худые, острые ключицы. Усилием воли Татьяна Спиридоновна сдержала внезапно подступившие слезы.

— Вы особенно-то из мешка не вылезайте, прикройте шею,— ворчливо сказала она.

К вечеру, когда Дозорову стало легче, после ужина, состоявшего из галушек и чая, Татьяна Спиридоновна попросила:

— Расскажите о себе, Коля...

Дозоров расстегнул пуговицы спального мешка и сел, придерживая на груди кружева.

— А вы? Ведь не все вы мне рассказали. Так хорошо поете, а...

Татьяна Спиридоновна насмешливо покрутила головой.

— Пение — это еще забава юношеских лет. Ведь я уже говорила, что работала когда-то массовиком. Ну вот... Тогда и пела, танцевала немножко... От скуки на все руки...

Она задумчиво повертела в руках флакон с этикеткой «Маска», в котором была уже только вода, пахнувшая духами, и поставила его в изголовье своего спального мешка.

— Вам, наверное, холодно? Вы лягте!..

Дозоров помотал головой, отказался. Тогда она сняла с плеч пуховую шаль и накинула ее на плечи Дозорова.

— Ну, вот еще...— покраснел он и спрятал заострившийся нос в пушистом ворсе.— О, какая она пахучая! И теплая...

Татьяна Спиридоновна засмеялась.

— «И в легких складках женской шали цвела ночная тишина...»

— Стихи?..

— Да, конечно.

— Чьи же такие?

— Блока.

Дозоров наморщил лоб, подумал, что-то вспомнил.

— Должно быть, хороший поэт. Но я мало о нем знаю. Я вообще... не в ладах с поэзией.

— Это заметно.

Дозоров покашлял и отвернулся.

— Люблю я вас, вот что, Татьяна Спиридоновна. Вы только не смейтесь.

Она не смеялась. Она молчала.

— Это плохо, да?.. Плохо?

— Не знаю,— сказала она напряженно бесстрастным голосом.— Скорее глупо, Коля! Тебе это ни к чему, а мне... поздно, пожалуй. Ты просто болен, вот и приходит в голову разная ерунда.

Размеренно потрескивал костер, выплевывая в небо искры.

— У нас одна спичка,— все тем же ровным голосом напомнила женщина, переводя разговор на другое.— Одна-единственная.

Он, кажется, не придал значения ее словам. Но ведь до Путулана еще далеко, да и съемка не закончена. А огонь для них в эти дни снега и холодов все: в огне и тепло и сытость... В огне, пожалуй, нечто большее. Татьяне Спиридоновне казалось — да так оно и было! — что с каждым костром, разожженным спичкой, первой, и второй, и третьей, четвертой и пятой, отогревается ее сердце и волна теплого неяркого чувства заливает душу. И с каждой вспыхнувшей спичкой подъем этой желанной и нежеланной волны выше, выше...

Да, поначалу она смеялась над неуклюжими, робкими комплиментами Дозорова, и дерзости парня ее тоже забавляли: он был молод и наивен! Собственно, он таким и остался. Но опытному массовику, настроенному чуточку скептически, стало вдруг не до смеха...

Татьяна Спиридоновна ни в чем не могла разобраться, да, может, и не хотела.

Дня через два они пошли дальше — худой, костлявый Дозоров, старший коллектор, и Татьяна Спиридоновна, начальник уже почти не существующего отряда. Переход был недальний, и потому опять несли в руках головешки, отворачиваясь от едкого дыма, оста-

навливаясь для того, чтобы поджививть огонь.

— Факельное шествие,— пошутила Татьяна Спиридоновна.

Дозоров кивнул, не взглянув на нее. После признания в любви он стал хмурым и сосредоточенным. И вряд ли подозревал, что переживает Татьяна Спиридоновна. А ведь и к ней пришло чувство, непонятное, трудное в такие годы. Она видела то, чего мог и не видеть по молодости Дозоров. Она знала, что ничего, кроме позора и слез, это позднее увлечение ей не принесет. И она понимала, что его чувство соткано из непрочной пряжи. Оно недолговечно. Его навеяли холодные ночи у чуть тлеющего костра, изнурительные маршруты по болотам и ручьям, когда сухарь на двоих и глоток кипятка на двоих; его навеяла тяжкая, но уже увядающая красота Татьяны Спиридоновны; его возбудили теплые, ласковые пальцы сестры милосердия, какою стала эта женщина для Дозорова в дни болезни.

Ночью они лежали совсем близко от костра, искры летели на спальные мешки и прожигали в чехлах аккуратные коричневые дырочки.

— Ну, хорошо,— сказала Татьяна Спиридоновна, как бы продолжая неоконченную беседу.— Так расскажите же вы о себе, Коля!

— Что рассказывать? — неохотно отозвался он.— У меня нет биографии. До техникума — это еще в годы войны — пастухом был. Если желаете слушать про пастуха...

— Желаю,— сказала Татьяна Спиридоновна.

— Ну, ладно... Голодно нам жилось. Отец на фронт ушел. И нанялся я скот в соседнем селе пасти. Ночевал по очереди у хозяев, чьих коров пас. И столовался таким же образом. А потом вернулся отец... Вам не надоело слушать?

— Говорите,— попросила Татьяна Спиридоновна сдавленно.

— Ну, отец... Вернулся он из госпиталя, пальцы после ранения плохо шевелились. До войны агрономом он был, вот по специальности и устроился в райземотделе... Там женщины всякие... агрономши... Мать-то полуграмотная была, детей куча, заботы, война, ну, постарела, сдала она здорово за те годы... А отец налился силой, как бык. Что ему там от ранения пальцев? Молодой был, сытый... В общем, стал он ходить на сторону, понимаете?.. Стал ходить, а мать все чахла... А я вскоре поступил в техникум...

— Чем же все кончилось? — настороженно спросила Татьяна Спиридоновна.

— Ну, не все ли равно, чем это кончилось? Не могло хорошо кончиться. Плохо кончилось. Вот и весь сказ! — Дозоров выкарабкался из мешка, зло рванул петельку, мешавшую ему сесть поудобнее.— Спичка у нас одна. Вы знаете... Вы храните ее в нагрудном кармане. Съемка кончается. Э-эх! Теперь только шагай. Переход да еще переход — и мы в Путулане!

Он наклонился к Татьяне Спиридоновне, и блики огня растопили стальной блеск его глаз. Лицо у него было мокрое от снежинок и губы приятно холодны. Она прижалась к этим губам и оттолкнула Дозорова. Оттолкнула легко и беспомощно. Но когда он уже смелее сжал ее плечи, закрытые спальным мешком, Татьяна Спиридоновна задохнулась, крикнула отчаянно и жалко:

— Нет!

Дозоров отвернулся, лег и, закинув руки за голову, сосредоточенно покусал прутик. Четче выступили скулы, железные скулы, и широко раскрытые глаза смотрели в небо, не мигая. А в уголках губ дрожала обида.

— Вот вы говорили, что отец был молод... а мать постарела, зачахла,— примирительно напомнила Татьяна Спиридоновна.— Вы как будто осуждаете отца, не так ли? Но хотя бы вас-то эта горькая история чему-нибудь да научила?

Дозоров закрыл лицо отворотом парусинового чехла и промолчал. Татьяна Спиридоновна подумала, что он уснул. Но Дозоров отозвался:

— То одна история, Татьяна Спиридоновна, а моя история совсем другая. В жизни так на так не получается. Уж лучше вы сразу скажите, что нехорош я для вас, не подхожу, не нравлюсь.

Татьяна Спиридоновна могла бы сказать, что вот теперь, после скупой исповеди Дозорова, она впервые отчетливо и до конца поняла, как не безразличен ей он — крепкий, честный и прямой парень. Но она сдержалась. Она верила парню, но не могла верить времени, которое рано или поздно изменит ее, изменит и Дозорова. И если бы только внешне!

Но что бы там она ни думала, ее влекло, влекло к Дозорову! Это было как наваждение, это казалось сумасшествием... И Татьяна Спиридоновна упрямо твердила про себя: «Нет, я не схожу с ума! Шалишь, Дозоров! У тебя ничего не выйдет!»

Потом они шли весь день по роскошным мхам, белым, зеленым и розовым, шли по сквозной тайге, по сухожилиям бурелома. Весь день за ними гналось низкое отощавшее солнце. И отстало, изнеможенно окунулось во мхи, белые, зеленые и розовые...

Дозоров швырнул рюкзак, уронил на него молоток.

— Шабаш! Заночуем здесь, Татьяна Спиридоновна.

— Заночуем,— равнодушно сказала она.— Я пойду к реке, зачерпну воды. Собери пока дров.

— Ладно, давайте спичку. Где она у вас?

— Спичку? — Татьяна Спиридоновна поколебалась.— Ну, обожди. Вот вернусь с водой...

За ней долго громыхали сорвавшиеся плитки известняков. Прошла минута, две, три... А потом донеслись всплеск и крик. Дозоров метнулся к берегу.

Татьяна Спиридоновна, схватившись за выступ скалы, с трудом взобралась на берег.

— Костра не будет,— сказала она, отводя руку Дозорова.

— Как... не будет?

Она протянула на ладони мокрую спичку, и, так как было темновато, Дозоров не увидел, а скорее ощутил под пальцем расползшееся жестковатое месиво крошечной серной головки.

— Как же это случилось? — глухо спросил Дозоров, сдерживая закипающий в горле крик.— Ведь спичка была в патроне!

— Да... Но я раскупорила патрон, когда шла к берегу, — со странной невозмутимостью проговорила Татьяна Спиридоновна.— Я же не предполагала, что сорвусь в реку. Тут так круто!

— Но я вас предупреждал!

Она вздохнула и прошла мимо него.

— Что же теперь делать? — удрученно говорил Дозоров, воззрившись на мокрые брюки Татьяны Спиридоновны.— Вот и вам надо обсушиться.

— Да! Всенепременно надо мне обсушиться. Я уже закоченела. Так что остается одно — идти.

— Куда?

— В Путулан.

— Но мы не дойдем! У нас не хватит пороху!

— Дозоров! — усмехнулась Татьяна Спиридоновна.— У вас да не хватит пороху? А я-то думала, что вы посильней!

Они, точно по команде, подняли рюкзаки. Дозоров взял молоток.

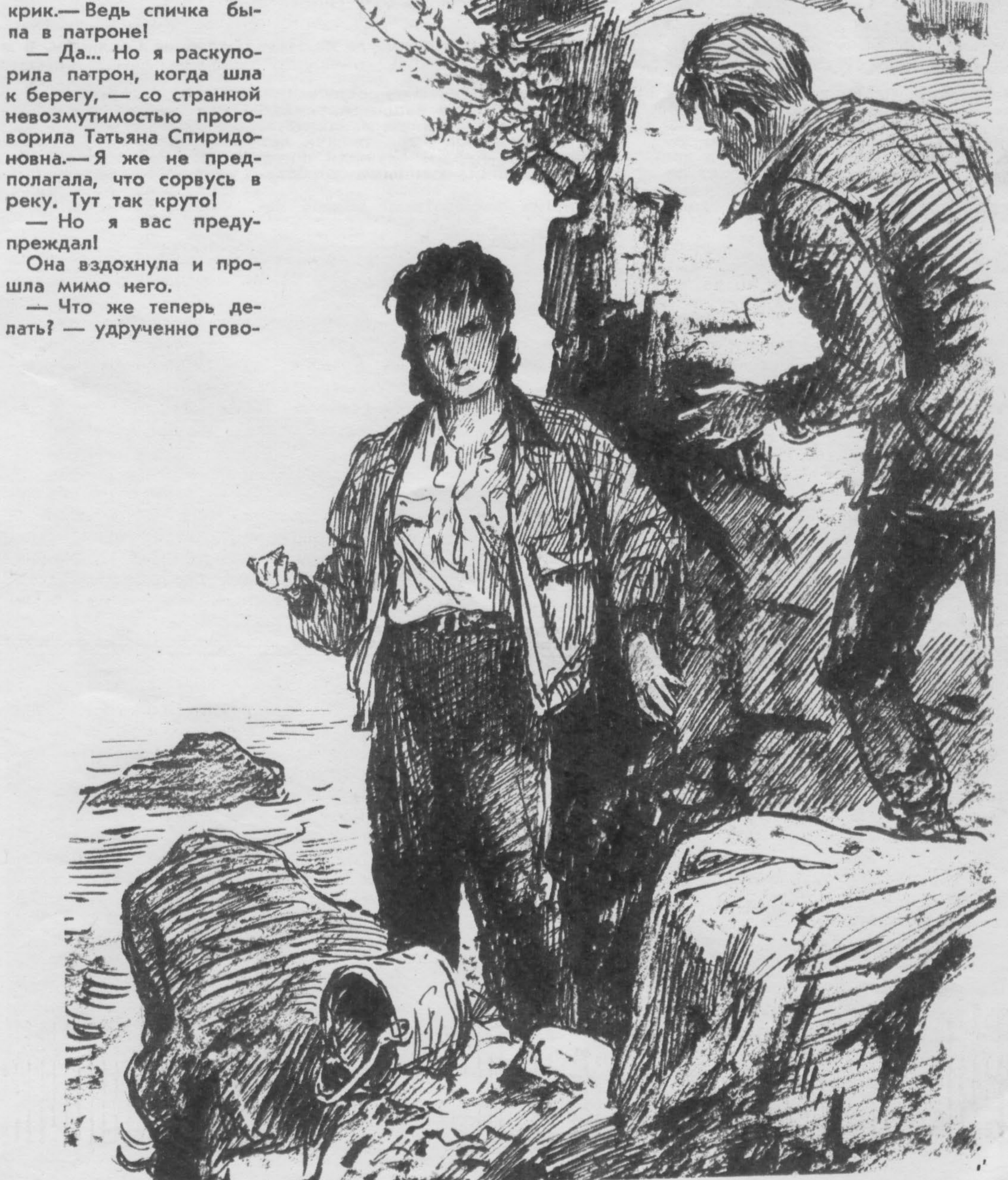
— Хорошо, пойдем,— сказал он.— Я-то ничего, а как вы?.. Что-то вы больно храбритесь.

— Съешьте. Это все,— жестко сказала она, сунув Дозорову мятую банку с колбасным фаршем. И пропустила его вперед.

У нее невыносимо ныли бедра. Болела спина, стесненная рюкзаком. И горели натруженные ступни. Но что ей оставалось делать, как не рискнуть? И она рискнула, не жалея ни себя, ни Дозорова. Она сорвалась в реку, хотя могла бы и не сорваться. Она ушла от последней спички, от последнего костра, от рук ее спутника.

А Дозоров уже как будто примирился с потерей спички, как будто вошел в ритм перехода. Он ни о чем не догадывался. Он шел в Путулан — в поселок, где лежали сотни, тысячи коробков спичек. Склад огня! Море тепла и света! Там, на людях, забудутся его обиды, его незначительные горести.

В заботах и делах подернется пеплом забвения и костер, вдруг вспыхнувший в сердце Татьяны Спиридоновны. Подернется пеплом и будет тлеть под золой воспоминаний — и только. Потому что не хватило огня. Того огня, который, возможно, таился в маленькой седьмой спичке, размокшей в стылой воде Кыыттаха.

Это не монастырские послушницы, а молодые, жизнерадостные девушки из деревни Нулви в Северной Сардинии.

Население Сардинии страдает от недостатка пресной воды. Во втором по величине городе — Сассари — вода подается лишь в течение нескольких часов раз в два дня. Женщины Сардинии носят воду на голове в пятнадцатилитровых кувшинах из отдаленных колодцев.

ОСТРОВ НУРАГОВ

Курт **ЗЕЛИГЕР**,
австрийский журналист

Островом нурагов иногда называют Сардинию — второй по величине остров Средиземного моря. Нураги — это циклопические сооружения из камня, словно башни вздымающиеся среди местного ландшафта. Две с половиной — три тысячи лет тому назад нураги служили жителям Сардинии военными укреплениями.

Многих завоевателей видело население Сардинии. В маленьком городке Альгеро жители еще и теперь разговаривают на каталонском диалекте — это потомки испанцев, поселившихся здесь сотни лет назад. В Доргали можно видеть темнокожих мужчин и женщин с черными, как смоль, волосами. Предки этих людей — сарацины (арабы) — в средние века побывали в островной стране. Финикийцы и карфагеняне, вандалы, византийцы, Габсбурги — кто только не пытался подчинить себе население Сардинии!

Сейчас Сардиния — тихий остров, населенный энергичным, свободолюбивым народом, ревниво охраняющим свои старинные народные обычаи.

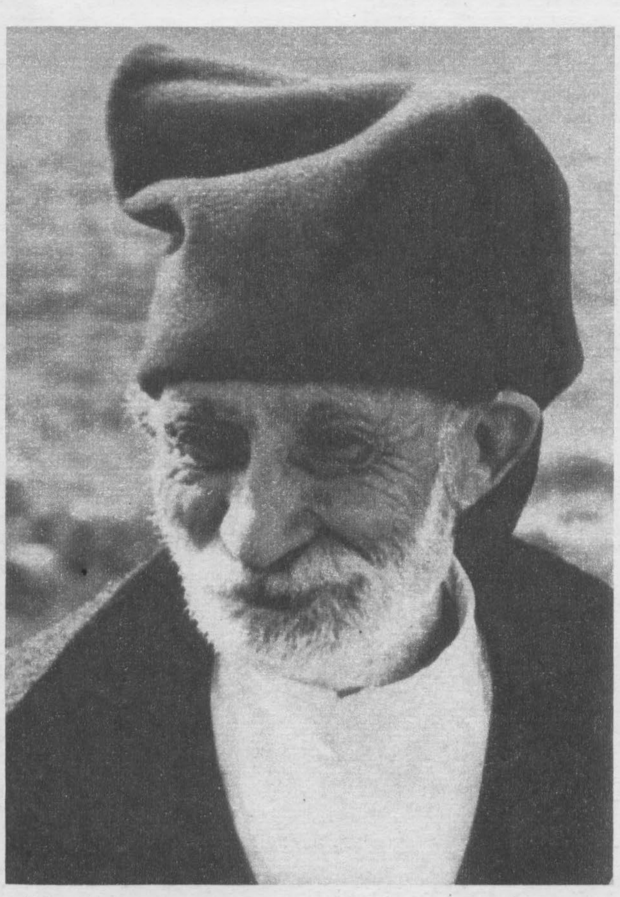
Жизнь людей здесь трудная, труднее, чем на континенте. И все же у жителей не иссякает извечное, традиционное гостеприимство. В праздничные дни из шкафов извлекаются старинные одежды, своеобразием украшений и великолепием красок оставляющие у каждого, кто их видит, неизгладимое впечатление.

Если присмотреться к жизни здешних простых людей: корзинщиц, горняков и рабочих солепромыслов, крестьян, батраков и пастухов,— то Сардиния — страна бедная. На острове, насчитывающем 1 300 тысяч населения, не меньше 50 тысяч безработных. Некогда процветавший здесь пробковый промысел находится в упадке.

В провинции Нуоро больше половины населения спит на голой земле или, в лучшем случае, на соломенных циновках. Средняя продолжительность жизни человека в итальянских провинциях Пьемонт или Лигурия составляет 63 года, а в провинции Нуоро она

В праздники жители Сардинии выходят на улицы, надев старинные одежды. Эта пара из села Синнаи, на юге острова.

Старый пастух из провинции Нуоро — наиболее отсталого района острова.

На дорогах Сардинии.

снижается до 43 лет! В местечке Оргосоло, которое долгие годы привлекало внимание итальянской печати и парламента свирепствующим в нем бандитизмом и кровной местью, 60—70 процентов населения неграмотно. В этом местечке перед войной из каждых десяти детей восемь болели трахомой.

Но в то же время Сардиния — страна богатая, если иметь в виду содержание ее недр: ее уголь, железо, серебро, свинец, а также соль, апельсиновые и лимонные плантации, прекрасные пробковые леса и разбросанные по пастбищам сотни тысяч овец.

В Сардинии можно встретить лишь редких туристов, хотя ее укромные бухты и горные районы предоставляют многие возможности для отдыха. С гор Лимбара, в северной части Сардинии, можно видеть в ясный день соседнюю Корсику, а от южной оконечности острова, от мыса Теулада, всего двести километров до берегов Африки...

«Забытым островом» называли когда-то Сардинию. Тот, кто, путешествуя сейчас по Сардинии, увидит ее пустынные ландшафты и, проехав 40—50 километров, не встретит ни одного человеческого поселения, подтвердит вам, что это название и поныне не потеряло своего значения.

Девушка из района Темпио. Северная Сардиния.

← Во многих местах острова люди вынуждены жить в пещерах. Население этих пещер в селе Седини все же может считать себя счастливым, потому что в их жилищах есть окна, подведено электричество и вода. Хуже положение обитателей пещер в Сант-Антиоко и Кальяри, никогда не видящих в своих жилищах луча солнца.

Кальяри—столица острова. Это городок, полный контрастов. Наряду со сверхсовременными зданиями здесь можно встретить кварталы ужасной нищеты. Кальяри — самый крупный порт Сардинии, а вокруг него расположены горняцкие районы, в которых большинство рабочих — верные сторонники Коммунистической партии. →

← Селение Доргали в провинции Нуоро.

Нураг Сант-Антине находится вблизи селения Торалла в Северной Сардинии. На острове насчитывается около семи тысяч таких нурагов. →

Перевоплощения актрисы

Н. ГОРЧАКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Фото М. Чернова и А. Воротынского.

1948 год. Торжественный выпускной вечер в Государственном театральном училище имени Б. В. Щукина. В зале педагоги, воспитатели еще одного поколения молодых советских актеров — старшие «вахтанговцы» А. Орочко, И. Толчанов, Б. Захава, Е. Алексеева, В. Львова, В. Москвин, Е. Понсова. С каким волнением следят они за тем, что происходит на сцене, прислушиваясь и к тому, как реагирует небольшой зрительный зал учебного театра на игру их питомцев!

Идут отрывки из малоизвестной пьесы А. Островского и П. Невежина «Блажь», из пьесы С. Герасимова «Учитель». Находящиеся в зале тепло встречают появление молодой артистки Борисовой. Ведь еще в период учения всем запомнилась ее Наташа Ростова в небольшом фрагменте романа «Война и мир».

Выпускной экзамен окончен. Юлию Борисову принимают в труппу Театра имени Евг. Вахтангова. Играть ей теперь приходится, как говорится, все: и небольшие эпизодические роли, иногда даже бессловесные, иногда очень ответственные. Театр поручает Эпонину в «Отверженных» В. Гюго, Магду в «Заговоре обреченных» Н. Вирты. Она играет Геро в шекспировском спектакле «Много шума из ничего».

Идут годы, накапливается профессиональный опыт.

И вот сезон 1955—1956 года.

...В полупустую «залу» когда-то богатого уральского золотопромышленника стремительно вбегает высокая, чуть угловатая девушка. Порывисты ее движения, явна ее озабоченность, быстры смены выражения подвижного лица, чисто по-детски непосредственна она. Это своенравное существо очаровательно. В памяти невольно возникают Ася И. С. Тургенева, Вера из «Обрыва» И. А. Гончарова, сложные характеры замечательных русских девушек. Так воспринимаешь первое появление молодой актрисы Ю. К. Борисовой в роли Анисьи в спектакле «На золотом дне» («Золотопромышленники») Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Сстрые сцены и диалоги первого акта отлично и смело решены режиссером спектакля А. Ремизовой и артисткой, но сколько еще впереди превращений этого образа! Невольно тревожишься, сумеет ли актриса «найти себя» в дальнейшем развитии сюжета пьесы. Не так легко складывается судьба девушки, обдуманно вышедшей замуж за старого золотопромышленника, чтобы «отомстить» разлюбившему ее товарищу детских игр, герою ее романтических грез.

Но вот следующий акт, и... все сомнения отпадают. Девушка превратилась в молодую богатую, властную женщину. Она сохранила свое обаяние, она, пожалуй, стала еще красивей, научилась отлично носить дорогие платья и шляпки, проявлять тиранию над мужем, над молодой падчерицей, над своим прежним возлюбленным. Для каждой молодой актрисы такое перевоплощение, да еще в пределах двух смежных актов, труднейшая сценическая задача. Ю. Борисова справляется с ней блестяще. И когда дальше развертывается трагедия молодой женщины, которая не в силах побороть свою первую любовь, превратившуюся в подлинную страсть, Ю. Борисовой веришь до конца во всех сложных, порою мелодраматических положениях ее героини. И не только веришь, но глубоко сочувствуешь, сожалеешь о печальной участи ее Анисьи.

У Ю. Борисовой редкое сценическое свойство: не ослабляя отрицательных или характерных черт образа, вызывать сочувствие к трудно сложившейся судьбе женщины. Так происходит и в спектакле «Одна» С. Алешина.

Ф. Кнорре «Две сестры». Люся — Ю. Борисова, Фетисов — А. Граве.

Ю. Борисова по-настоящему переживает на сцене драматическую, сложную историю любви своей героини.

Благородством и чистотой веет от образа комсомолки Наташи в пьесе А. Арбузова «Город на заре». Этот образ был создан Ю. К. Борисовой после Анисьи в «Золотом дне», после Вари Нефедовой в пьесе «Одна». И все же вам кажется, что Наташа — это самый юный, самый первый сценический образ Борисовой, что с него-то и начинает молодая актриса свой творческий путь. Такова ее органическая способность к перевоплощению — одно из редких свойств актерского мастерства. И приятно отметить, что Борисова, обладая этим свойством, развивает его, не ограничиваясь лишь тем, что материал некоторых сценических образов совпадает с ее творческой индивидуальностью.

Сейчас Ю. К. Борисова снимается на «Мосфильме» у кинорежиссера И. А. Пырьева в роли Настасьи Филипповны (идет экранизация романа Ф. Достоевского «Идиот»). От комсомолки Наташи до Настасьи Филипповны — диапазон большой. Но когда же и дерзать, как не в молодости, как не в счастливую пору расцвета сил художника!

Заслуженная артистка РСФСР Юлия Борисова в роли Анисьи. «На золотом дне».

И. Е. Вилковир. НА СТРОЙКЕ.

А. Н. Варнавицкая. МЫ НЕ ХОТИМ ВОЙНЫ.

Л. И. Бродская. МОРОЗНОЕ УТРО.

О. И. Колмакова. ДЕВУШКИ.

М. В. Савченкова. СЧАСТЬЕ МАТЕРИ.

Благословенный бандитизм

Живописное полотно, репродуцированное в журнале «Лайф», воспроизвело давнюю расправу бандитов под водительством Аль Капоне с «конкурентами». Нынче настала очередь Анастасиа. Как видите, американские гангстеры имеют и свои традиции и «свое» искусство.

Галина ШЕРГОВА

1. Кинобоевик

Роскошный лимузин остановился на углу 7-й авеню и 51-й улицы, у парикмахерской Крассо. Респектабельный господин кивнул шоферу и скрылся в дверях фешенебельной парикмахерской. Парикмахер приступил к священнодействию: ножницы, как стрижи, выписывали вираж за виражом над головой господина.

И вдруг (без этого «вдруг» нет боевика) двое неизвестных в масках вошли в парикмахерскую. Тусклый блеск вороненых кольтов. Пять пуль в спине недостриженного господина. Труп, распростертый у кресла. В наступившей тишине один из пришельцев в маске бросает парикмахеру:

— Выключите к черту вашу машинку! Она меня нервирует!

Парикмахера не пришлось просить дважды, ибо он знал правило: нельзя нервировать гангстеров. Охрана их душевного покоя занимала не только скромного цирюльника,— люди в более высоких государственных чинах пеклись об этом денно и нощно. Однако об этом ниже.

Не нужно думать, будто изложенная нами история — пересказ одного из бесчисленных голливудских боевиков. Все действительно так и было. Люди в масках (в середине XX века!), труп у кресла и убийца, чувствительный к назойливым шумам.

Так закончил бренное существование Альберто Анастасиа — глава всеамериканского «Синдиката убийц». Так совершался «государственный переворот» в монархии гангстеров. Молодые претенденты на престол смещали «старую рухлядь». Американская и западноевропейская печать захлебывалась в сенсациях. Вспоминались лирические подробности жизни династии Анастасиа (пять братьев — бандиты и один брат — священник). С восторгом перечислялись все десять арестов покойного Альберто (пять — за убийство). В заголовках пестрело: «Он лично убил от 30 до 60 человек!» И, разумеется, журналы и газеты давали подробнейшую характеристику личности покойного. А из нее следовало, что

а) бедняжка имел доброе сердце: он никого не убил «из ненависти»;

б) он любил свою старенькую маму;

в) он был очень одаренным человеком: начав «на пустом месте», составил капитал, измеряемый миллионами долларов;

г) он отлично стрелял! (Правда, говорят, что другой бандит, Гурино-Цыпленок, стрелял еще лучше.)

И некоторые журналы (как, например, «Пари-матч») утирали слезы: если бы несчастный мог присутствовать на своих похоронах, он бы огорчился: разве это погребение стоило того почета, которым было окружено имя покойного при жизни? Вот его брата, Жозефа, хоронили, как главу государства: гроб из мрамора и бронзы ценой в 6 тысяч долларов, 100 музыкантов, счета цветочных магазинов на 15 тысяч долларов. Так надо хоронить бандита в Америке! А Альберто? Да, бедняга, видимо, утратил вес в обществе!..

2. Пастораль с облавой

...Нежное осеннее солнце золотило зеленую траву на лужайке перед домом. В белоколонном портике звенели беспечные голоса гостей. Слуги радушного хозяина Джозефа Барбары разносили салаты на полированных подносах, в кухне соблазнительно шипели на сковородках бифштексы.

Уснувшее стадо «кадиллаков» и «крейслеров» отдыхало на траве.

И вдруг (в идиллиях тоже бывают роковые «вдруг») все 12 сторожевых собак хозяина завыли. И гости — а надо сказать, что тут были только солидные, пожилые люди, облаченные в костюмы стоимостью не ниже 125 долларов,— гости бросились врассыпную. Кто устремился к своей машине, кто, используя старый, надежный способ, втиснулся под кровать, а некоторые стремглав понеслись к ближайшему леску и залегли, точно ожидая пулеметной очереди.

Птицы щебетали в осенней листве. Залегшие молчали. Неожиданно нервный смешок пробежал по цепи спасающихся и кто-то сказал вслух: «Это всего лишь полиция!» Сообщение приободрило гостей Джо Барбары. Еще бы! Среди них не было объектов для полицейского преследования: никто из них не нарушил правил автомобильной езды, ни у кого не было недозволенного для ношения оружия. Правда, в их биографиях присутствовала одна незначительная подробность: гости были вожаками гангстерских банд, съехавшимися со всей Америки на совещание к Барбаре после убийства Анастасиа. Но разве это повод для ареста?!. А они-то думали, что к дому Барбары приближается одна из конкурирующих гангстерских корпораций, и... может быть, грянет новая Варфоломеевская ночь! Лес огласился шепотом: «Слава богу! Слава мадонне!.. Это всего-навсего полиция!..»

И опять мировая буржуазная печать стала корчиться в конвульсиях восторгов. Теперь говорили о Джозефе Барбаре и его гостях.

Неискушенному человеку может показаться, что газеты, расхваливая Альберто Анастасиа, просто следовали римской мудрости: «О мертвых — или хорошо, или ничего». Но чем они руководствовались, вознося песнопения Джозефу Барбаре,— это уже ставило в тупик. А, представьте, он, оказывается, такой демократичный: всем жителям местечка Аполачьено, где расположена его вилла, говорит: «Хелло!» Он трогательный папа: купил шестнадцатилетней дочке машину и норковое манто... В общем, достоинств не счесть.

Действительно, есть ли основания бояться полиции этому кандидату в архангелы?

А события раскручивались, обретая все новые и новые формы.

3. Роман с одиноким героем

Единственным человеком, который не верил в неуязвимость гостей Барбары, был местный полицейский сержант Эдгар Кроссвелл. Узнав, что вся верхушка гангстерской Америки собралась где-то под боком его полицейского участка, Кроссвелл по молодости лет — а юность всегда наивна — решил захватить бандитов оптом. Более того: он осуществил это намерение. Но уже через час наивный сержант был посрамлен. Арестованные, поблескивая бриллиантами, украшавшими их подтяжки, один за другим доставали из внутренних карманов документы. И тут выяснилось, что они все вполне добропорядочные американцы: у Кастелино — мясная торговля, Магадино — владелец похоронного бюро, Гуарнисто — мануфактурщик. А

Соратники выносят гроб Анастасиа. Действительно, у бандитов вполне добропорядочная буржуазная внешность.

прежние судимости — о, это уже зарубцевавшиеся раны!

Напрасно Кроссвелл пытался доказать, что их имена известны всей Америке, напрасно он листал досье, запечатлевшие историю преступлений этих седовласых бандитов с мирными бюргерскими брюшками,—все было тщетно. Отчаявшись, сержант понял, что ведет одинокую битву в пустыне: высшие полицейские власти оставили его.

— С ними невозможно бороться, — заявил шеф американской полиции.—Мое единственное оружие — сделать для них Нью-Йорк не слишком комфортабельным.

Уолтер Арм, генеральный комиссар полиции Нью-Йорка, вторил со вздохом:

— Эти парни слишком хитры, и к их услугам лучшие адвокаты.

А сами адвокаты даже подводили «теоретическую базу» под безнадежность борьбы с гангстеризмом.

— Видите ли, — разглагольствовал Бентин Грем, одна из звезд адвокатуры, — у нас очень сложная судебная процедура. Она не всегда на руку людям, случайно

Герцогиня Пуссини в восторге вздымает руки в келье патера Бландино.

осужденным, но профессиональных преступников это спасает.

Впрочем, нужно быть объективным и признать, что полиция скромничала, утверждая, будто она делает жизнь бандитов «не очень комфортабельной». Полиция была заботливей. Вот ведь не выпустила же она на улицу шофера и поверенного убитого Анастасиа, опасаясь за его жизнь, ибо тот мог пасть, как и его патрон, от руки соперников. А если полиция Нью-Йорка и позволяла себе «беспокоить» гангстеров, то они переплывали Гудзон и строили виллы в соседнем штате — Нью-Джерси.

Как бы то ни было, горячие порывы сержанта Кроссвелла потонули в холодной пучине полицейской «опытности». Кроссвеллу, оставшемуся в классическом одиночестве, ничего не оставалось, как только снова и снова листать досье, воскрешая историю американского гангстеризма.

4. Исторический экскурс

Вы, вероятно, уже обратили внимание на то, что все перечисленные нами имена бандитов итальянского происхождения. Да, большинство гангстеров Америки — члены или потомки членов итальянской бандитской организации «Мафия».

Некогда «Мафия» была объединением крестьян, боровшимся против земельной аристократии. Но эти времена канули в забвение, и члены «Мафии» стали заурядными убийцами и грабителями.

В прошлом веке, почувствовав, что Америка — наиболее благоприятное поле для бандитской деятельности, многие члены «Мафии» перекочевали в Штаты. И тут, обретя американскую деловитость, поставили дело на организованную основу. В 20—30-х годах нашего века в США были созданы крупные гангстерские организации, а в 1934 году возник «Синдикат убийц». В него входили «светила» гангстерского мира: Лукки Лучиано, Джо Адонис, Франк Костелло, Альберто Анастасиа и многие другие.

«Синдикат» скоро взял под свой контроль все игорные дома, алкоголь, руководил «рекетом» — шантажом и, следуя примеру американских промышленных синдикатов и корпораций, подмял мелкие бандитские организации и «неорганизованных конкурентов».

Созывались съезды, разрабатывались планы. Была создана собственная гангстерская полиция. Ее усилиями перекочевали в лучший мир многие звезды «ножа и отмычки». В их числе был и Эйб Риллс, пытавшийся купить прощение судебных властей рассказом о деяниях друзей. Риллса нашли выброшенным из окна отеля. Эта акция сопровождалась исполненным мрачного юмора замечанием бывших соратников:

— Птичка умела петь, но не умела летать.

Время от времени кого-нибудь из бандитов все-таки арестовывала полиция. Иные даже попадали на электрический стул. Но то были единицы. Адвокат Бентин Грем оказался проницателен: судебная процедура выглядела жалким кроликом перед могучими и гибкими удавами гангстеризма. Например, неожиданно «исчезали» (то есть попросту оказывались мертвыми) все до одного свидетели обвинения, и загипнотизированный кролик правосудия пластался перед хищником, на которого он осмелился поднять куцый хвост. Особенно виртуозным в вопросах «изъятия» свидетелей был обладатель нежного сердца — Альберто Анастасиа.

Разумеется, в Америке есть люди, ставящие целью жизни борьбу с этим национальным бедствием. Но и их постигала тяжелая участь. Когда, например, журналист Виктор Ризель выступил с разоблачительными статьями, ему плеснули в лицо серной кислотой, и он ослеп.

Таким образом, одинокому и беспомощному в своих побуждениях провинциальному сержанту Кроссвеллу нашлось над чем подумать, роясь в старых досье. Однако причины неуязвимости бандитов были глубже и носили, так сказать, «социально-экономический» характер.

5. Социально-экономический анализ с долей философии

Как мы уже сказали, США очень обогатили итальянских бандитов организационным опытом. Но промышленные тресты и картели поделились с «Синдикатом убийц» и кое-чем другим.

Гангстеры рассуждали с прямолинейностью здравого смысла: если промышленные синдикаты и объединения накладывают руку на государственную и политическую машину, влияют на результаты выборов, на деятельность профсоюзов, чем же хуже «Синдикат убийц»? Действительно, чем хуже?

И деятели бывшей «Мафии» протянули руки к различным органам управления. Прежде всего между главарями были разделены «сферы влияния» в профсоюзах. Так, Анастасиа достался профсоюз нью-йоркских портовых рабочих, в котором долгие годы он действовал как единоличный босс, взимая дань и с рабочих и с хозяев, но в конечном счете всегда оставаясь на стороне последних,— ведь сам он был тоже «хозяин». Когда честные работники профсоюза восставали против этого «владычества», они исчезали один за другим.

Но профсоюзы — это еще полдела. Были и другие органы, которые не брезговали сделками с гангстерами. Говорят, что на последней межгангстерской конференции некий Вито Геновезе, из «молодых», бросил Альберто Анастасиа обвинение в «преступных связях с ФБР». И если бандитов «шокировала» связь с американской охранкой, ФБР никогда не считала этот контакт противоестественным или позорным.

В «империи доллара» властвуют деньги. А деньгами гангстеры располагают в достатке — следовательно, они могут рассчитывать и на вес в обществе. Судите сами. Федеральный прокурор Поль Вильямс исчисляет ежегодный доход «бизнеса взломов и убийств» в 2 280 миллионов долларов. По другим исчислениям, все виды преступлений изымают каждый год из американского национального дохода 20 миллиардов долларов, что в 2 раза больше активов мощнейшей автомобильной корпорации «Дженерал моторс»!

На этом строят свои «исследования» некоторые американские социологи. Но что же это будет за исследование, если оно не сдобрено философствованиями? Написаны десятки книг: Клифорда Шоу «Районы преступности», Дональда Клеммера «Тюремное сообщество», труды психиатра Ральфа Бренкейла и т. д., и т. п. Авторов интересуют «корни» американской преступности. Действительно, ведь бандитизм и преступность приобрели в Америке угрожающее распространение. Детская преступность достигла рекордных цифр; это пугает даже при исконно американской любви ко всяческим рекордам.

Журналы тоже не желают отставать от пухлых «трудов», и там то и дело публикуются статьи о преступлениях.

Разверните хотя бы декабрьский номер журнала «Лайф» за 1957 год — страницы под глубокомысленным заголовком: «Что рождает преступление?». «Многие корни преступлений лежат в сознании»,— утверждает журнал. Правда, читателю довольно трудно «извлечь корень» из этих пространных рассуждений. Гораздо проще рассмотреть восемь страниц цветных репродукций с картин (!!), запечатлевших убийства и ограбления всех родов, под общим аншлагом «Незабываемые преступления». Здесь же, в аннотации, вы можете прочесть подробное описание содеянных злодейств, учесть промахи, допущенные уголовниками, и использовать, если угодно, их опыт в собственной практике: ведь рядовому читателю тоже не отказывается в праве иметь в своем «сознании» зародыши преступности. Однако, мысля примитивнее, но точнее, можно просто сложить факты и обнаружить следующее: процветанию бандитизма в Америке крайне способствует некий «культ», возникший вокруг этого явления. Власти склоняются перед гангстерами, некоторые государственные органы не чураются контакта с ними, их «вес в обществе» воспевается прессой, все виды искусства — книги, живопись, кино — с упоением гурмана смакуют доблести бандитов. А если говорить о «социально-экономических» корнях всерьез, то их можно сформулировать довольно просто: в стране, где богом объявлена нажива, независимо от способов ее достижения, где маньяки, готовящие новую войну, «взращивают» преступные наклонности личности, массовый бандитизм закономерен.

Таким образом, гангстеру обеспечен рай на земле. А если вы думаете, будто небесный рай для него закрыт, то... то вы ошибаетесь...

6. Кольт над распятием

Герцогиня Пуссини всплеснула руками, и слезы умиления увлажнили титулованные очи: «Святое небо! Как трогателен этот патер Бландино!»

Ну, разве не могут растрогать два мрачных кольта, повешенных над распятием в скромной келье францисканского монаха!

Итальянский патер Бландино привык к эмоциональным всплескам благочестивых дам, посещающих его обитель. Дело в том, что кольты в келье — это символ. Святой отец принял на себя довольно странный апостолат... опеки над душами гангстеров.

Когда мы упоминали о «борьбе» американской полиции с гангстерами, мы не рассказали об одной полицейской мере: власти США выслали в Италию целую плеяду бандитов итальянского происхождения: пусть, мол, резвятся на просторах старушки Европы!

Среди высланных были «магнаты» типа уже памятного нам Лукки Лучиано. Но более 500 гангстеров остались без гроша на отвернувшейся от них родине, хотя и успели уже проникнуться американским духом «супермена» (сверхчеловека) и уже презирали «этих грязных итальянцев».

Вот о душах этих-то гангстеров-пролетариев и взял на себя заботы преподобный отец.

Однако душа душой, но практичный патер понимал, что и бренное тело его подопечных нуждается в заботах. Поэтому он организовывал в их пользу благотворительные концерты, совершал турне по домам состоятельных экс-гангстеров, собирая подарки для несчастных, заблудших овец.

Да, нельзя не умиляться, узнавая о деяниях святой католической церкви, пекущейся о душах гангстеров! Ведь это последний необходимый штрих в заботах о их благополучии. Теперь можно с уверенностью сказать, что бизнес гангстеризма получил благословение и земли и неба.

В ПОИСКАХ

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото участника экспедиции О. Соколова.

Сплошные неудачи

Рыболовецкий рефрижератор «Казань» взял курс на острова Мадейра...

Миля за милей. Сутки за сутками. Уже пройден Бискайский залив. Позади Азорские острова. Больше месяца «Казань» «колесит» по океану.

Это первая научно-поисковая экспедиция, отправившаяся в среднюю и южную Атлантику, чтобы установить промысловые районы сардины и тунца.

Люди на пароходе томятся от жары и ожидания. В каютах, в столовой команды, в кают-компании одни и те же разговоры:

— Ловили у нас дальневосточные сардины, то есть иваси, в Японском море до сорок первого года, а потом ушла рыба из этих мест, как говорится, в воду канула. А славу хорошую о себе оставила, были такие консервы «Маяк», помните? А вот тунца никогда мы не ловили. Какой он? Говорят, не рыба это, а морская курица.

Были и такие, которые говорили о бесплодности поисков. Зачем затевали эту экспедицию! О сардине и тунце мы знаем немногое, старые промысловые районы сардины были прибрежными. А есть ли сардины в океане? Какие орудия лова надо применять там на промысле?

Спорили, строили догадки и предположения. А по вечерам собирались в каюте начальника научной группы Валентина Алексеевича Бородатова. Выслушав сомнения, Бородатов задорно смеялся:

— Зачем научная экспедиция? Зачем поисковая? Шли бы сразу на промысел — и баста. Так ведь?

И рассказывал о прошлогодней экспедиции. Тогда в далекой северной Атлантике открыли богатый промысел морского окуня. А ведь тоже поиски были нелегкими.

Но эти рассказы не поднимали настроения участников экспедиции. Конечно, гидробиологам и гидрологам унывать некогда. Вот Аня Жукова каждый день узнавала что-то новое о тайнах океанских глубин. Ну, а каково инженерам-добытчикам, рыбакам? Что им делать? Еще и еще раз проверять все многочисленные орудия лова, приготовленные для сардин и тунца. А понадобятся ли те орудия? Или, скажем, технологи, рыбные мастера, сойдутся вместе и погрустят: начнется ли когда-нибудь обработка рыбы? И уже совсем плохо чувствовали себя гидроакустики, точно они были виноваты, что их гидроакустический прибор, установленный в штурманской рубке, каждый день дает одни и те же записи: две тол-

Вот она, сардинелла аурита! Снимок сделан в районе Зеленого мыса.

«Казань» вернулась на Родину. Фото Р. Лихач.

стые полосы — грунт и поверхность воды. И ни единой черточки — признаков косяков рыбы.

Прошло еще полмесяца. И вдруг... Это случилось ночью, в районе Зеленого мыса.

Странное поведение сардинеллы ауриты

Стояла такая жара, что спали все на палубе.

Ночью Валентина Алексеевича Бородатова кто-то энергично потряс за плечо. Спросонья он не сразу понял, что перед ним инженер-светотехник Олег Соколов.

— Гидроакустический прибор показывает интересную запись,— возбужденно проговорил он.

— Может быть, просто большое количество планктона?

— Нет, скорее всего рыба.

Сейчас же «Казань» легла в дрейф. Соколов включил прожектор. Яркая полоса света уткнулась в воду. И вдруг запись на приборе пошла вниз, а потом совсем исчезла.

Странно! Если это рыба, то почему она так реагирует на свет? Кильку на Каспии ведь только и призлекают на свет.

Спустили разноглубинный трал. Первые пять килограммов рыбы. Среди них сардина. Неужели здесь?

Вновь брошен трал. Пусто. Так повторили несколько раз. Пусто и пусто...

Дождались утра. Снова забросили трал. Улов небольшой. Но теперь удалось определить сорт сардины: из трех существующих эта оказалась сардинеллой ауритой. Почему она так реагировала на свет? Оказывается, сардинелла пуглива, осторожна, ходит плотными косяками и от малейшего звука исчезает просто фантастически. К утру она уходит на дно, а к вечеру поднимается на поверхность. Яркий прямой свет пугает ее.

Первые радости

Прошел день, и гидроакустический прибор показал плотную запись: идут косяки рыбы. Спустили донный трал. И вдруг — чудо! Улов оказался столь громадным, что мешок не выдержал и лопнул.

Снова трал — и на палубе полно рыбы. Похожая на сельдь, она бьется в мешке и кажется огромной глыбой живого серебра. Трал, рассчитанный на 10—15 тонн рыбы, приволок 20 тонн. Поистине это был большой праздник на судне.

Рыбой заполнена вся палуба, бункера, фабрика. Район Зеленый мыс — Фритаун оказался «серебряным дном». Сардинелла аурита найдена!

Теперь перед экспедицией встала уже другая задача: как сохранить такое огромное количество рыбы до ее обработки? Температура воздуха — больше тридцати градусов. Сначала сардинеллу пробовали складывать в ящики и пересыпать льдом. Затем ее просто оставляли на палубе и опять щедро покрывали льдом. Ни то, ни другое не помогало. Лед быстро таял, и сардинелла портилась под жарким африканским солнцем.

Тогда на палубе и на фабрике рефрижератора установили брезентовые чаны с водо-ледяной смесью. Там свежая рыба сохранялась 18—20 часов, вплоть до обработки.

Дневник Ани Жуковой

Обо всем этом нам рассказали участники рейса. Мы познакомились с ними в тот день, когда «Казань», завершив экспедиционное плавание, вошла в Калининградский порт. За 150 суток судно прошло 20 тысяч миль.

В трюмах — консервы и мороженая рыба. На палубе разложены дары экспедиции музеям и научно-исследовательским институтам. Вот электрический скат, хищница мурена, рыба сабля, рыба молот, звездочеты, океанские раки. И мы понимаем, сколько в пути было интересных встреч с обитателями океана! Нам захотелось подробнее узнать о буднях экспедиции.

— Вел ли кто-нибудь на судне дневник?

— А вы обратитесь к гидробиологу Жуковой,— посоветовали нам.

Так мы и сделали.

— Мои записи неинтересны,— сказала Аня.— Я подробно записывала, как распределяется корм рыб в океане, какие перспективы для пищи рыбы...

— Ну, а дневник?

— Дневник?

Аня смутилась и выложила на стол две толстые тетради.

Открыта первая тетрадь.

«...Мы уходим из Калининграда. Поднят трап. Почему-то грустно. Володя Демидов вытаскивает из кармана ветку березы. Это очень трогательно и очень кстати. С нами идут два судна — сейнер и средний рыболовецкий траулер. Мы их ласково прозвали «малышами».

...Море цветет. Я никогда не видела такой зеленоватой, пушистой грязи.

...Первые сборы для коллекций. Морские звезды, моллюски, актинии. В воде они похожи на распускающийся цветок. Вода такого необыкновенного цвета, что если бросить в море белую бумагу, то она сразу окрасится в ярко-синий цвет.

...Проходим Бискайский залив. Снова васильковая вода. Мы одни в пустом океане. Нет даже птиц.

...Вечер. В трал попали осьминоги. Это — страшное зрелище. На палубе копошатся отвратительные щупальца. Начинают появляться экзотические рыбы. Они разноцветные: красные, желтые, голубые.

...Недалеко от берегов Португалии мы увидели местных рыбаков. На маленьких судах они ловят тунца. У этой рыбы серо-синяя спина и белое брюхо. Она хитрая, быстроходная и по своему виду напоминает торпеду.

...Ловлей тунца занимались наши маленькие суда. Они же доставляли нам свою добычу в бочках. Бочки вообще-то оказались прекрасным передаточным транспортом. Мы в них посылали нашим «малышам» питание и даже кинокартины.

...В трал попала мурена. Это очень хищная рыба, напоминающая змею. Тело ее покрыто темно-коричневыми пятнами. Она долго извивалась на палубе. В древнем Риме к мурене в бассейн бросали рабов, так называемых морских гладиаторов.

...Сегодня очень грустно. Наши маленькие суда уходят в Калининград. Мы им завидуем.

...Рефрижератор заходил в Гану.

...В Аккре — столице Ганы — нашу делегацию принял премьер-министр Куаме Нкрума. Тем временем на «Казани» были беспрестанные гости. Жители Ганы оказались заядлыми спортсменами. И вот в Такоради решили устроить волейбольные состязания. Несмотря на то, что наши негритянские друзья три раза потерпели поражение, спортсмены с «Казани» высоко оценили их хорошую игру. Мы расстались друзьями и увезли из молодой республики самые лучшие воспоминания».

Экспедиция продолжается

Когда мы вошли в каюту начальника экспедиции И. И. Карцыганова, у него шло совещание. Из Москвы уже приехали конструкторы-судостроители советоваться о новых траулерах. Теперь для промысла тунца будут строиться новые суда типа клиперов.

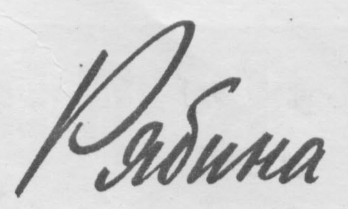
Наша встреча с Ильей Иосифовичем Карцыгановым была короткой.

— Что я могу сказать об экспедиции? Мы открыли места лова сардины и тунца, узнали, какими орудиями лова надо пользоваться на промысле, и установили, каким путем можно сохранять рыбу и при высоких температурах. Но это далеко еще не все. Экспедиция продолжается. Чтобы посылать так далеко суда, надо хорошо изучить эти районы в различные времена года, надо лучше понять поведение рыбы. И чем больше узнает научно-поисковая экспедиция, тем эффективней будут работать промысловые суда и тем скорей мы сможем порадовать советских людей новыми вкусными консервами — сардинеллой в масле, настоящей сардиной! Несомненно, все полюбят консервы из тунца. По вкусовым качествам эта рыба напоминает курицу. Тунца так и называют морской курицей.

...«Казань» уже ушла во второй рейс. Будем ждать от нее новых добрых вестей.

После дружеского матча в Такоради.

Рябина

Александр КОВАЛЕНКОВ

Куда торопишься,
Летишь стремглав откуда,
Одолевая воздуха пустырь,
Мой давний друг,
Приятель красногрудый —
Снегирь!

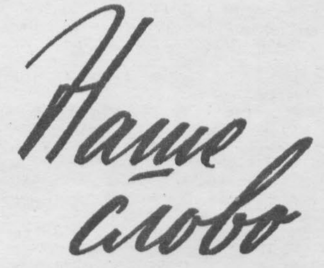
Зима взялась в лесу за рукоделье,
Медведь сказал,
Что надо шубы шить,
И спать ушел.
К нему на новоселье
Тебе, пожалуй, незачем спешить.

Гулянки кончились.
Все двери на запорах.
Синица к белке просится в дупло.
Как в госпитальных
Строгих коридорах,
В березняках пустынно и бело.

Осталась в девках пасмурная елка,
Досадует,
Что не пришли за ней;
Тем более,
Что есть в лесу светелка,
Откуда весны новые видней.

Там солнце задержалось
на смотринах,
Зиме мешая кружево плести;
Горит, не осыпается рябина,
Да так горит,
Что глаз не отвести.

Ты, значит, на последнее свиданье
Торопишься;
Ну, что ж, снегирь,
Давай,
Наверстывай размолвки,
опозданья
И, как всегда,
Дроздам не уступай.

Наше слово

Маргарита СЕНГАЛЕВИЧ

Наши ткани, как яркое лето
И цветы небывалой весны:
Мы хотим, чтоб красиво одеты
Были женщины нашей страны.

Мать сказала, склоняясь
к прилавку:
— Ну и ткань, до чего
хороша!
И закутала в мягкую байку
Потеплей своего малыша.

Поутру надевая рубаху,
— Нету сносу! — сказал
паренек.
Похвалил он ткачиху, и пряху,
И хороший советский станок.

Расцветают веселые ситцы,
Белоснежный струится миткаль,
В деревнях, городах и столице
Любят нашу узорную шаль.

Дали Партии верное слово —
Наши нити крепки и тонки,
Не порвется тугая основа...
И бегут и спешат челноки...

Гарантия без гарантии

Л. КАФАНОВА

Фото О. Кнорринга.

«Купить или не купить?» — вот вопрос, который обсуждался на семейном совете. С одной стороны, 900 рублей — деньги немалые, а с другой — очень уж удобная вещь. «Купить!» — решили единогласно.

И вот однажды в квартиру супругов Ложкомоевых внесли белую, сверкающую никелем и эмалью красавицу — стиральную машину «Тула». Ее поставили в ванной комнате, загрузили бельем, залили водой и включили в сеть. На первую торжественную стирку собралась вся семья. Глава семьи Александр Андреевич вслух читал инструкцию, а его жена Александра Ивановна в точности выполняла все его указания...

Вечером мы навестили Ложкомоевых. К нашему удивлению, красавицы «Тулы» в ванной комнате не оказалось. Она стояла в кладовке рядом со старым примусом и дырявым корытом. А ее хозяева, Александр Андреевич и Александра Ивановна, расстроенные, сочиняли письмо на завод.

— Что случилось? — спросили мы.

Оказывается, произошло вот что: ровно через десять минут после того, как включили машину, мотор неожиданно заглох, диск перестал вращаться. Пришлось вытаскивать невыстиранное белье. А когда стали откачивать воду, патрубок насоса слетел со шланга. Сколько ни старались наладить машину, сколько ни вчитывались в инструкцию, надеясь там отыскать объяснение непонятному поведению машины, — ничего не получилось. Новенькая «Тула» не работала.

— Неприятность с гарантией вышла. Уже и в магазин возили. Обратно не принимают, — рассказывали хозяева. — Говорят, обращайтесь в мастерскую гарантийного ремонта.

Что такое гарантийный ремонт, мы плохо себе представляли и поэтому решили поехать в мастерскую.

В мастерской гарантийного ремонта на Ленинградском проспекте, 26, было много народу. В очереди стояли с унылыми лицами еще недавно счастливые владельцы бытовых электроприборов.

— Пусть даже нам и починят его, — посетовала женщина, державшая в руках пылесос «Вихрь», — все равно мы будем к нему без души. Собирались, покупали, выбирали, и вот тебе на! После первой же уборки несем ремонтировать!

— Что же такое гарантийный ремонт? — поинтересовались мы.

— Это ремонт, который производится бесплатно, в течение определенного гарантийного срока, — пояснил нам заведующий мастерской Виктор Петрович Грошев.

Гарантийный срок... А это что такое?

На высоких полках, тесно прижавшись друг к другу, стояли пылесосы: красные, синие, серебристые, круглые, сигарообразные. Рядом с ними положили свои тяжелые лапы электрополотеры. С маленьких полочек, точно оскалив зубы-лезвия, улыбались электробритвы. А дальше виднелись проигрыватели, магнитофоны, радиограммофоны. Все вещи новые, почти не бывшие в употреблении.

Поймав наш недоуменный взгляд, Виктор Петрович добавил, словно кого-то оправдывая:

— Промышленность наша, конечно, дает сейчас много всяких машин, облегчающих быт советского человека. И немало среди них машин хороших. Ведь это только небольшой процент от всей выпускаемой продукции...

«Да, — подумали мы, — мал процент, да, видно, дорого он обходится...»

Всем хорош радиограммофон «Юбилейный»: и на вид красив, и звук у него приятный, и головка с двумя иглами — одна для простых пластинок, другая для долгоиграющих. А вот переключатель игл такой хрупкий, что, едва его тронешь, он выходит из строя. Именно из-за этой детали-малютки (на снимке в круге) попали в ремонт все эти радиограммофоны.

Деликатного, прямо-таки нежного обращения требует и проигрыватель «Ласточка». Чтобы пустить диск, головку надо отводить в сторону, что называется, не дыша, иначе сломается «автостоп». Уже в шестой раз в течение гарантийного срока приносят в мастерскую свой проигрыватель сестры Тамара и Лидия Вернер.

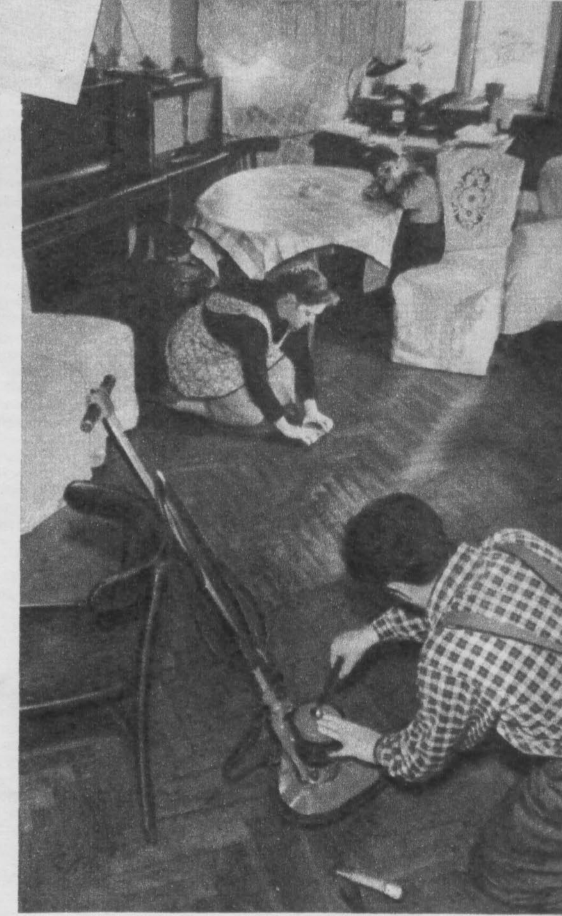
— Неужели, чтобы послушать музыку, надо получить специальное техническое образование? — возмущаются они.

←

Папе надоело носить в ремонт ленинградскую электробритву, и он отдал ее Вове. Пусть поиграет, все равно бритва не работает.

→

Так нередко случается, когда покупают электрополотер марки «ЭПМ-1»...

Выпуская бытовые электроприборы, предприятия обычно устанавливают гарантийный срок. Казалось бы, этим должен определяться срок бесперебойной работы прибора, гарантируемый заводом. А на деле выходит, что это всего лишь время бесплатного ремонта. Понятие «гарантийный срок» выворачивается наизнанку: заводы заранее ставят под сомнение качество своих изделий, как бы «гарантируют» поломки.

С каждым годом население городов и сел приобретает все больше бытовых электроприборов. Всем — и заводам, и покупателям, и работникам гарантийных мастерских — станет, надо полагать, намного спокойнее, если понятие «гарантийный срок» обретет свой прямой смысл. А что касается упомянутых нами заводов, то повесть о «неприятности с гарантией» ждет своего продолжения. Слово за директорами, за совнархозами — Тульским и Ленинградским, которым подчинены поставщики этих машин и приборов.

МЫ ЖИЛИ ВМЕСТЕ С ЗОЕЙ

Партизанка Валентина Степанова с группой разведчиков. Снимок сделан в декабре 1941 года.

В Риге живет Валентина Ильинична Шепилова-Степанова, которая осенью 1941 года служила в одной из разведчастей Западного фронта вместе с Зоей Космодемьянской. Мы попросили Валентину Ильиничну поделиться своими воспоминаниями. Она охотно рассказала о незабываемых встречах с прославленной героиней Зоей.

— Война застала меня в стенах Всесоюзного института кинематографии,— сказала Валентина Ильинична.—Я была студенткой 2-го курса кинооператорского факультета. Однажды, после того как нам сообщили, что институт должен эвакуироваться в Алма-Ату, ко мне вбежала моя подруга и соседка Шура Белова. «Хотела бы ты работать в немецком тылу?— выпалила она.— Подумай, какую пользу мы могли бы принести Родине!»

Предложение было так неожиданно, что сразу я не смогла ей ответить, но через полчаса мы обе пришли в райком комсомола. А 21 октября Шура и я прибыли в разведчасть, базировавшуюся в Кунцеве. Там мы и встретились с Зоей Космодемьянской. Зоя ходила в длинном не по росту пальто, обшитом мехом, лицо ее было красивым и очень юным.

Через неделю группа, в которую входили мы с Шурой, получила задание заминировать Звенигородское шоссе.

За десять суток в тылу врага погибла и пропала без вести большая часть нашей группы. В Кунцево вернулись только четверо. Моя подруга Шура, посланная на разведку в деревню Шараповку, была схвачена фашистами.

Командир отпустил меня в Москву на пять суток. С тяжелым чувством подходила я к дверям своего дома. Что мне сказать Шуриной маме? Но мальчишки, встретившие меня радостным криком, сообщили приятную весть: Шура была уже дома. Она бежала из плена и прибыла в Москву раньше нас. А когда мы с Шурой вернулись в Кунцево, снова встретились с Зоей.

Зоя теперь жила в одной комнате с нами, ее кровать была напротив моей.

Помню, сидит Космодемьянская на тумбочке и читает газету «Сталинский сокол». На минуту оторвав от газеты глаза, она поворачивает голову к нам и говорит:

— Только подумайте, девушки, какие есть герои! Как я им завидую!..

В этот же день мы обсуждали эпизод, случившийся с Шурой. Глаза Зои вдруг заблестели, и она проговорила:

— Если бы меня схватил немецкий офицер, то я бы плюнула ему в лицо и крикнула: «Сволочи, победа будет за нами!».

И так не подходили эти резкие слова к Зое, что даже самые бойкие девчата широко открыли рот.

Однажды группу, в которую входила Зоя, вызвал на инструктаж приехавший из Генерального штаба полковник. Группы инструктировали всегда отдельно друг от друга. Когда Зоя пришла в комнату, я спросила ее:

— Ну, что говорил вам полковник?

— Если тебе нужно будет знать, тебе скажут,— твердо ответила Зоя.

И уж больше никто не задал ей ни одного лишнего вопроса. Именно тогда я почувствовала в Зое настоящего солдата.

Это было последнее задание, которое выполняла Космодемьянская. Как стало известно потом, ей поручили поджечь помещения, занятые немцами. Аналогичное задание получили через несколько дней и мы...

С тех пор прошло немало лет. Но передо мной как живая стоит Зоя Космодемьянская, девушка, имя которой никогда не будет забыто...

Ю. ВЕРНИК

НОВАЯ ПЕВЧЕСКАЯ ТРИБУНА

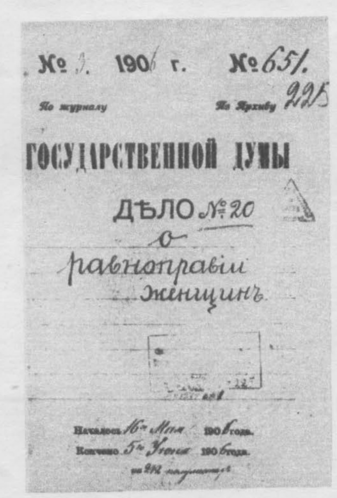

К певческому празднику 1960 года в Эстонии будет построена новая певческая трибуна — большое сооружение с акустическим экраном. Проект разработали архитекторы «Эстонпроекта» во главе с А. Котли.

На снимке: испытание одного из макетов трибуны.

Фото С. Розенфельда.

Дело № 20

№ 3. 1906 г. № 651.

По журналу По Архиву 225

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ДѢЛО № 20

о равноправіи женщинъ.

Началось 16 Мая 1906 года.

Кончено 5 Іюня 1906 года.

Перед нами — объемистое дело Государственной думы за 1906 год под № 20: «О равноправии женщин». В нем подшито множество заявлений женщин в Государственную думу с требованием предоставления им политических прав наравне с мужчинами. Есть также коллективная «петиция женщин России, Польши, Литвы и Белоруссии», под которой стоит около 8 тысяч подписей женщин.

Эти и другие неопубликованные документы о борьбе женщин за равноправие обнаружены в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде.

Вот дело за 1907 год на 509 листах. Содержащееся в нем коллективное заявление составлено от имени «20 женских обществ и 6 903 отдельных лиц», среди которых — женщины различных губерний, городов и сел, разных профессий и национальностей.

В заявлении группы московских женщин, поданном в Государственную думу 19 июня 1906 года, говорится: «Женщины составляют половину всего российского населения, и страдания их превзошли всякую меру. Ведь они матери, воспитавшие граждан! Они — жены, иначе говоря товарищи, делящие страдания современного мужчины! Они — дочери, надрывающие юный организм свой в труде. Противниками женского равноправия могут быть или люди наивные в своем черном невежестве, не решающиеся отрешиться от последнего вида рабства, или с виду хотя и культурные люди, но в сущности сторонники старого режима, в которых внедрилась привычка смотреть на женщину только со стороны флирта и «мифических амазонок».

Большой интерес представляет петиция латышских женщин Николаю II и в Совет министров. Они требовали свободного доступа в высшие учебные заведения, оплаты женского труда наравне с мужским, освобождения женщин на некоторое время от работы до и после родов с сохранением заработной платы, устройства яслей и детских садов. Латышские женщины добивались даже введения гражданского брака, они заявляли категорический протест против узаконенной проституции.

Крестьянки Зеньковского уезда, Полтавской губернии, узнав, что некоторые депутаты Государственной думы высказались против равноправия женщин, заявляли председателю царской думы: «Больно нам слышать такие бесчеловечные речи. Мы, замужние крестьянские женщины, требуем прав и человеческого отношения к нам и всем женщинам».

Заявления женщин с их политическими требованиями были положены под сукно. Государственная дума и Совет министров даже не обсуждали их.

И. КОВАЛЕВ, старший научный сотрудник Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде.

Автоматы «торгуют»

В зале магазина «Українська паляниця».

Фото Я. Табаровского.

Новый магазин «Українська паляниця» популярен у киевлян. Привлекает новинка: здесь в торговом зале работают 27 этажерочных автоматов. Вы, скажем, хотите взять украинскую паляницу. Получите в кассе жетон, опустите его в прорез шкафчика, и автомат выдаст покупку.

Механические продавцы отпускают сладкие булочки, батоны, калачи, плетенки с маком, хлеб всех сортов — надо только взять в кассе соответствующий жетон. Очередей нет. Тишина. Сверкают отполированные детали механизмов. Чисто, гигиенично. Конечно, любителям поговорить с продавцами приходится молчать, но, кажется, эта беда не столь велика. К тому же на качество продукции киевского хлебозавода можно не обижаться.

Во многих магазинах и киосках Киева «торгуют» автоматы. Их количество все увеличивается. В этом году в городе будет установлено свыше шестисот автоматов по продаже газированной воды, пива, соков, хлеба, закусок, пышек, кондитерских изделий, мороженого, тетрадей, карандашей, спичек, папирос. Подсчитано, что если летом полностью механизировать продажу газированной воды, то в Киеве освободится почти четыре тысячи продавцов. Еще одно достоинство у автоматов: они работают без устали круглые сутки.

Опустите пять копеек, и шипучая вода наполнит стакан.

В магазинах Киевпромторга установлены аппараты по продаже одеколона. В магазинах Киевмолокоторга работают кофеварки, в диетических столовых — автоматы по продаже вареников.

Где делаются эти полезные машины? Их производит Киевский завод торгового машиностроения. Его продукция расходится по всему Союзу. Киевские аппараты «торгуют» в Одессе и Новосибирске, в Харькове и Омске. Даже за Полярным кругом, в Норильске, можно обнаружить десятка два киевских автоматов, продающих холодные закуски, пиво, воду.

— Что нового в производстве торговых автоматов? — с таким вопросом мы обратились к директору завода Александру Павловичу Кольдерцову.

— Сейчас мы работаем,— сказал он, — над автоматами по продаже охлажденного пастеризованного молока стаканами, горячих первых и вторых обеденных блюд, сосисок. Интересным будет устройство, которое в присутствии покупателя приготовит и отпустит ему порцию какао, кофе. План выпуска торговых автоматов намного увеличивается. Мы должны дать в этом году свыше десятка тысяч механических продавцов.

В. ШУМОВ, М. БОЙКО

Маленький гигант...

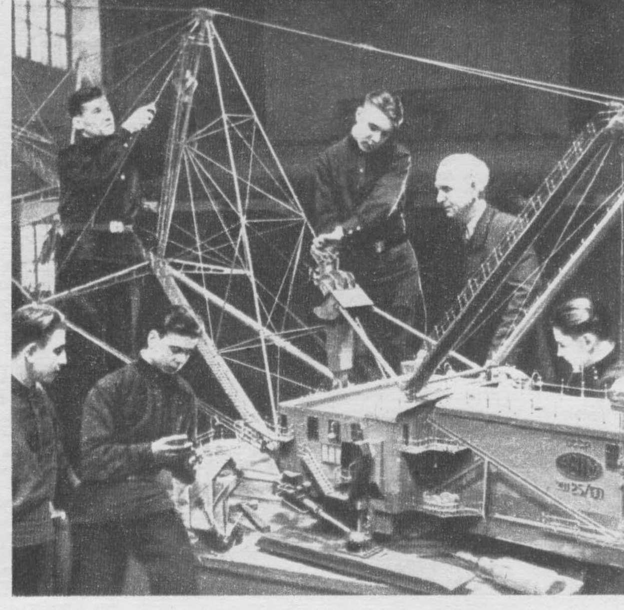
— Внимание, начали!..

Сергей Степанович Белов нажал один из рычагов пульта управления. Мягко загудели электромоторы, и платформа экскаватора с маркой «УЗТМ» начала медленно вращаться. Стрела опустила ковш и, когда был зачерпнут грунт, отнесла его в сторону.

— Смотрите, шагает! — послышался чей-то восторженный возглас.

И действительно, машина медленно пошла вперед. За движением ее «ног» наблюдали десятки внимательных глаз.

«ЭШ 25/100» — новый, крупнейший в мире шагающий экскаватор Уральского завода тяжелого машиностроения. Цифры на его борту расшифровываются просто: двадцать пять — это число кубометров, вмещающихся в ковше, а сто — длина стрелы в метрах. Гигантский механический землекоп весит две тысячи шестьсот тонн. За одну минуту он вскроет породу, поднимет ее на высоту десятиэтажного дома и перенесет на двести метров от места вскрыши. Породой, что вмещается в ковше экскаватора, можно загрузить шесть семитонных самосвалов. Годовая производительность новой машины — шесть миллионов кубометров, она заменит труд двадцати тысяч землекопов.

Группа учащихся свердловского ремесленного училища № 1 за сборкой модели шагающего экскаватора «ЭШ 25/100». Второй справа — заслуженный мастер профессионально-технического образования РСФСР С. С. Белов.

Фото И. Тюфякова.

Уникальная землеройная машина уже готова, но... только в одну двадцать пятую натуральной величины. Действующую ее модель сделали учащиеся свердловского ремесленного училища № 1. Четыре месяца под руководством опытных мастеров работали юные слесари, формовщики, токари, фрезеровщики. По чертежам заводских конструкторов им пришлось изготовить около пяти тысяч различных деталей, немало потрудиться над сборкой сложного агрегата. Ведь все в нем должно быть, как в настоящем 25-кубовом экскаваторе. А такие машины нигде еще не производились.

— Создание действующей модели «ЭШ 25/100» оказалось замечательной производственной школой для наших молодых умельцев, — сказал нам заслуженный мастер профессионально-технического образования РСФСР С. С. Белов, руководивший работами.

И вот теперь ремесленники с гордостью смотрят на творение собственных рук.

Модель механического землекопа — в училище ее назвали «маленький гигант» — будет демонстрироваться на Всемирной выставке в Брюсселе.

А как обстоит дело с созданием самого экскаватора? На Уралмашзаводе нам сообщили:

— Сейчас в цехах разгар работ по изготовлению деталей новой машины. Первый экскаватор «ЭШ 25/100» будет выпущен в середине июля этого года, к двадцатипятилетию завода.

А. ГРИГОРЬЕВ

Цветы путешествуют по свету

В это время года никто сюда не заглядывает. Моросят дожди. Туманы, поднявшись с моря, путаются в мокрых обнаженных ветвях деревьев. Именно в эту пору, когда все здесь кажется, замерло и остановилось, начинается то, без чего не мог бы существовать ни один ботанический сад мира, — в движение приходят сами растения.

Семенная лаборатория — зимний штаб Батумского ботанического сада. Отсюда начинается путь семян в разные концы земного шара: на Памир, в Канаду, Наннин, Париж, Сидней, Калькутту. Их тут отбирают, взвешивают, заключают в пергаментные пакеты.

С острова Сицилия просят батумцев прислать семена колхидского плюща. Кавказский подснежник и аджарский цикламен отправляются в Торонто. В маленький чехословацкий город Усти в адрес кружка любителей-цитрусоводов готовятся пакеты с семенами цитрусовых.

Бывает и так. В саду погибла вся коллекция кавказского рододендрона Семенова. Об этом узнали польские ботаники. И вот от ученого Владислава Бугала пришел из Варшавы пакет с гербарием, фотоснимками и семенами этого рододендрона, завезенного некогда и сохранившегося в парке Института дендрологии и помологии Польской Академии наук. «Дорогие друзья, — пишет Владислав Бугал, — будьте добры обращаться со всякими вашими нуждами относительно материалов, которые можно было бы доставить вам из Польши...»

А это письмо из Лос-Анжелоса от Ральфа Пира — известного в Соединенных Штатах Америки знатока и коллекционера камелий. В ответ за океан отправятся тщательно упакованные черенки камелий, произрастающих на Черноморском побережье Грузии.

Кстати, о камелиях. Это одно из немногих растений Батумского сада, которое начинает свое цветение в зимние теплые дни и продолжает цвести в течение нескольких месяцев. Нет, далеко не все безжизненно в эти зимние месяцы в Батумском саду. Цветет ирис, вероника. Выбросила свои желтые пушистые шарики желтая мимоза — ее хотят заполучить в свой сад ботаники из Дублина.

На самом крайнем участке сада, в маленькой бамбуковой хижине, мы познакомились с селекционером Василием Маркозовичем Шанидзе. Он сидел под гирляндами свисающих с низкого потолка бесчисленных мешочков и мешков. В этих мешочках самое ценное, что может быть для селекционера, — луковицы новых растений.

Тропические растения укутаны на зиму в марлю.

Фото В. Джейранова.

Четыре года назад в руках Шанидзе оказались 10 (всего лишь десять) луковиц голландских гладиолусов. Сейчас их тысячи. Но это уже не чистые «голландцы». Шанидзе произвел 45 тысяч скрещиваний с ашхабадским диким гладиолусом и вывел 36 совершенно новых оригинальных сортов, отличающихся необычно смуглой окраской. Красавцам даны имена: «Отелло», «Шахиня Сорейя», «Огонек», «Поль Робсон», «Батумское лето»... Мы застали селекционера в торжественный момент передачи 5 тысяч луковиц новых гладиолусов «в производство» Батумскому зелентресту. Наступит лето, и город на Черном море станет свидетелем прекрасного союза уроженца Нидерландов с его среднеазиатским родичем. И где-нибудь в Канаде зацветет по весне аджарский цикламен. А на острове Сицилия потянется к солнцу зеленый колхидский плющ.

Стоит зима, а цветы путешествуют по свету.

И. МЕСХИ

Красиво и дешево

Вокзал на станции Минеральные Воды. Пилястры, колонны, обрамления окон выполнены из искусственного мрамора.

Фото Н. Резниченко.

Кавказский курорт Минеральные Воды обогатился в прошлом году новым вокзалом. Кто отдыхал там, видел, конечно, красивое здание, отделанное светлым мрамором. Но мало кто знает, что это совсем не мрамор и стоит он в 10—15 раз дешевле настоящего камня.

Что же это такое?

Изобретатели Д. М. и С. И. Лихтенштуль предложили новый способ отделки зданий. Сущность его сводится к следующему: плиты или блоки, из которых выкладываются стены, отделываются одновременно с их формовкой. Поверхность опрыскивается жидким красящим составом. При обработке изделия состав глубоко проникает в толщу бетона и окрашивает его. В результате получается поверхность под ценные породы дерева, камня, даже с орнаментами и инкрустацией.

Главное достоинство нового способа отделки — в максимальной механизации всего производственного процесса. Отделка крупных блоков и панелей стоила раньше примерно 40 рублей за квадратный метр, а теперь — от 3 до 5 рублей.

В. ВАСИЛЬЕВА

Четверть века — в библиотеке

Вот уже двадцать пять лет подряд Елена Федоровна Смышникова работает в научно-технической библиотеке Ворошиловградского тепловозостроительного завода имени Октябрьской революции. Эту скромную женщину хорошо знают тысячи заводских читателей. Недавно заводская общественность отметила юбилей своего библиотекаря.

На снимке: Елена Федоровна Смышникова в книгохранилище научно-технической заводской библиотеки.

Фото Б. Градова.

Трудные судьбы

В заключительной главе романа В. Устиновой «Простая история» описывается разговор главной героини произведения Галины Голубковой с генералом Михайловым. Генерал спрашивает Галину:

— А как вы, собственно, попали на фронт?

— Простая история, товарищ генерал. Такая же простая, как и тысячи других. Трое товарищей-студентов в первые дни войны пошли на фронт...

Суровый голос Голубковой насторожил Михайлова, он с любопытством спросил:

— Ну, и где же еще двое? Как сложилась их жизнь?

— Один из них не выдержал испытания, другая отдала свою жизнь Родине. Вот и все.

В этом диалоге — главная мысль романа. Советские люди защищают свою родину — простая история для многих и многих, кто в годы гитлеровского нашествия, не колеблясь, стал в ряды воинов и знал только одно: победа, пусть даже ценою собственной жизни.

В центре книги — судьбы трех студентов, трех комсомольцев: Галины, Саши, Игоря. По-разному сложились они на фронте. Не выдержал Игорь Немилов. Длительное испытание огнем и железом оказалось выше его сил, он отказался от борьбы, от жизни. Выстояли, пройдя через многие невзгоды, Галина и Саша. Отступление, гибель товарищей, горе народа не надломили их воли.

Автор показывает становление характера, мужание человека в неимоверно тяжелых условиях войны, где «за один год можно увидеть и передумать столько, чего не узнаешь за всю остальную жизнь».

В. Устинова — участник войны. В судьбе Галины много не только виденного автором собственными глазами, но и прочувствованного собственным сердцем. Впрочем, не только Галины, а и других персонажей. Повествование писательница ведет тем взволнованным голосом, в котором отчетливо ощущаешь и горячую похвалу хорошему, и осуждение временных слабостей человека, и гневное обличение плохого. Эта искренность подкупает, создает атмосферу доверия к автору.

«Простая история» — первое крупное произведение писательницы. И, как многие книги начинающих, оно не свободно от излишней риторичности, уравнительного показа более и менее важного. Будем верить, что это трудности роста.

И. КОЗЛОВ

Вера Устинова. Простая история. Роман. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1957. 383 стр.

Сильнее ночи

Квартал Сен-Лазар, в центре которого находится большой вокзал, один из самых населенных в Париже. Здесь живут парижские рабочие и служащие; они населяют многоквартирные дома, откуда каждое утро выходят на работу и куда скрываются по вечерам. Здесь мы и познакомились с героями книги Пьера Гамарра «Сирень Сен-Лазара».

Простые люди живут каждый своей жизнью на страницах романа Гамарра. «У каждого свое горе», — говорит консьержка мадам Вердье. Она могла бы сказать «у каждого своя жизнь», и это тоже было бы верно. Ведь в жизни есть не одно только горе — есть и радости. И многие из наших новых знакомых, жителей квартала Сен-Лазар, узнают первые радости солидарности, сплоченности, борьбы.

Немного событий в романе Гамарра, но каждое из них — шаг людей к сближению. Пытается кончить жизнь самоубийством тихая, незаметная женщина, мадам Рессегье. И понемногу сближает жильцов борьба за жизнь этой малознакомой им женщины. Весь Париж облетела весть о смерти старейшего деятеля революционного движения Амбруаза Круаза; и наши знакомые из дома Сен-Лазара вместе с другими парижанами идут за гробом этого замечательного человека, о ком уже думают, как о друге, о товарище. Это еще один шаг к единению людей.

А люди эти разные. Джьякетто, отец маленькой Флоры, — коммунист, активный работник партии, всеми уважаемый человек, кое-кому кажущийся чудаком. Не понимает Этьен Руа, служащий одной из бесчисленных контор Парижа, зачем такому почтенному человеку, как Джьякетто, у которого такая очаровательная дочка, подвергать себя опасности. Зачем он ходит по квартирам и собирает подписи под Стокгольмским воззванием? Самое интересное, что Этьен тоже за мир, но подписываться? Нет, он этого делать не будет, ведь у него есть работа, и он не хочет лишиться ее.

П. Гамарра.

Робкий и несколько инертный Этьен волею обстоятельств попадает в самый водоворот событий тревожного 1951 года.

Жизнь то и дело зовет его вмешаться: одному оказать помощь, с другим вместе порадоваться, с третьим разделить его горе. Этьен глубоко задумывается над жизнью, над поступками людей, над своей судьбой. И мы понимаем: у этого человека наступил перелом.

Большая общественная проблема ответственности каждого человека за судьбу всех людей облечена в волнующую поэтическую форму романа.

Чем-то знакомым и в то же время поэтически неповторимым повеяло от картин Парижа, нарисованных в романе Гамарра. Любуясь величием любимого города, писатель остается верным себе. Ведь он считает, что «нет очарования архитектуры без творческих рук ее создателей». Через всю книгу проходят образы ночи и дня, за которыми стоят значительные социальные понятия. В финале романа ощущается победа дня, света, идеи мира.

Жизнь простых людей освещена в романе большой идеей, которая сегодня владеет сотнями миллионов людей на всем земном шаре. Эта идея проходит и через другие романы Гамарра, впервые выступившего в литературе в 1948 году. Молодой писатель — автор нескольких новелл и романов, среди которых выделяются «Полночные петухи», «Дети нищеты», «Сирень Сен-Лазара».

Роману «Сирень Сен-Лазара» предпослано письмо Гамарра советскому читателю, написанное в январе 1957 года. «Если моя книга,— пишет автор,— может преподать урок, имеющий какую-то ценность, позвольте мне думать, что состоит он в следующем: честные люди сильны, когда соединены их руки, и сила эта может одолеть мрак и заставить цвести сирень».

Урок этот ценнейший. Недавно Гамарра снова написал приветственные строки советским людям и снова подчеркнул: «Сегодня, как никогда, искусство является глашатаем братства, дружбы и мира».

Лидия **ФОМЕНКО**

Пьер Гамарра. Сирень Сен-Лазара. Роман. «Нева» № 4, 1957.

Записки кинооператора

Кинооператор Евгений Яцун, автор книги «На льдине через полюс», провел на дрейфующей льдине 376 дней. С полярниками он разделял их труды, радости и тревоги. Во мгле полярной ночи автор вместе с зимовщиками просыпался от страшного скрежета движущихся льдов, когда палатка оказывалась на самом краю льдины, а в двух — трех метрах зияла черная водная бездна.

И, читая записки кинооператора, видишь, как нужны в трудных арктических условиях и крепкая товарищеская спайка, так характерная для советских людей, и единство цели, и добрая человеческая шутка. Недаром поется в песне зимовщиков:

Далеко от юга, где мороз
и вьюга,
Где, куда ни глянешь, всюду
лед,
Начал жизнь на льдине
в северной пустыне
Наш неунывающий народ.

Книга Евгения Яцуна посвящена работе станции «Северный полюс-3». Это книга о советских людях, о советском трудовом коллективе, который, по свидетельству автора, «был связан хорошей, проверенной дружбой и прожил год на льдине бодро, с юмором, с презрением к мелочным неудобствам и нетерпимостью ко всяким проявлениям слабости». Просто, живо, с улыбкой Е. Яцун рассказывает в книге о своих друзьях-полярниках, скромных, героических людях.

В. ГАЛИН

Евг. Яцун. На льдине через полюс. Записки кинооператора. Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 253 стр.

ДЕТИ РИСУЮТ

Елена **БЛАГИНИНА**

Это был нервный, хрупкого сложения, с болезненным самолюбием мальчик лет восьми — девяти. С тех пор, как мы познакомились, прошло много лет. Где-то он теперь?

Смотреть на его рисунки было чуть-чуть жутковато: настолько они были необычны. Особенно запомнился один, выполненный акварелью. Назывался этот рисунок «Осенний вечер».

На небольшом куске ватмана шумел обнаженный сад. За черными деревьями золотистые квадраты окон струили грустный свет, вырывая из потемок исхлестанные ветром ветки. Не знаю, какими средствами маленький художник достиг этого эффекта, но за домом и садом сдержанно гудел большой город.

Почему же не стал художником этот маленький чародей? Не погубил ли его местный «патриотизм», которым порой страдают не только родители, но даже педагоги? Все может быть.

Рассматривая рисунки участников одиннадцатой Всесоюзной выставки изобразительного искусства детей, снова и снова дивишься красоте, разнообразию и свежести талантов.

Идет бой. Через зимний лес мчатся всадники с саблями наголо. В расстановке фигур — напряжение борьбы, решимость, близкая победа. А кругом — скромные елочки под снегом, голый кустик на первом плане, во всем кроткое ожидание тишины. Так выглядит рисунок Коли Вакина восьми лет.

На другой картинке семилетняя Лена Коротаева изобразила Африку. Что за чудесная Африка! Добрую половину картинки занимает преогромное животное — неистовый плод детского воображения. Этот диковинный зверь весь в пятнах, голова его поднята к солнцу, ноги скрещены, в них мощь. В крайнем углу справа — колючка, алый цветок и дерево, сильно смахивающее на русскую березку. Слева — еще один колючий куст. В небе — солнце. Жарко и жарко!

«Привет делегатам фестиваля» — так назвала свою композицию одиннадцатилетняя Галя Железнова. В окнах автобуса — гости. Хозяева снаружи — цепочкой у автобуса. В рисунке выразительно передано настроение сердечной встречи. Особенно трогателен пионер. Он тянется к окошку с цветами и письмом: советские школьники любят переписываться с зарубежными друзьями.

Торжественная напряженность, несомненно присутствующая в цирке Наташи Плотниковой, лубочная яркость парада четырехлетней Ирины Зарон, морской прибой Майи Табака, очаровательный вокзал на коллективной картинке малышей, лирическая весна Рубена Гевондяна — в каждом рисунке своя индивидуальность, свои краски, своя интерпретация темы.

Спрашивается: как же быть со всем этим богатством? Как добиться того, чтобы такие мальчики, как мой знакомый, не исчезали бесследно? Как добиться, чтобы человек, выбравший себе другую профессию, не думал, что его увлечение живописью было пустой детской забавой, а полюбил бы искусство и научился ценить его по-серьезному?

Задача трудная. Решить ее полностью нельзя ни обязательным образованием в школе, ни выставками, конкурсами, премиями. Нам кажется, решать ее надо вкупе с художниками, литераторами, издателями, педагогами и фабриками, где производится все необходимое для живописца.

Разве в достаточном количестве есть у нас хорошие дешевые краски, кисти, мольберты и прочее?

А репродукции? Вряд ли поднимешь общественный вкус открыточками с изображением «цветиков-букетиков». Не лучше ли в миллионных тиражах репродуцировать образцы отечественного и зарубежного искусства, да так, чтобы это было дешево и красиво.

А где монографии? Если они есть, то подступиться к ним трудно. Меж тем спросите любого школьника о Федотове, Иванове, даже Сурикове, и вы услышите в ответ что-нибудь очень общее, малоразумительное или просто не услышите ничего.

Вот почему нужны многотиражные дешевые монографии, жизнеописания, путеводители, каталоги. Нужны интересные лекции, передвижные и выездные выставки — все это в крупных масштабах большой страны.

А постоянный журнал? Где он? Почему не выходит «Юный художник», игравший когда-то такую важную роль в воспитании молодежи?

Вот и хочется, чтобы объединились все эти усилия. Тогда культура молодых художников страны пошла бы не только вширь, но и вглубь.

НА ВОКЗАЛЕ. **Коллективная работа. Детский сад № 7.** Ленинград.

ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА ДЕТЕЙ

ВЕСНА. **Рубен Гевондян, 14 лет.** Ереван.

МОРЕ. **Майя Табака, 16 лет.** Рига.

ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ ФЕСТИВАЛЯ. **Галя Железнова, 11 лет.** Москва.

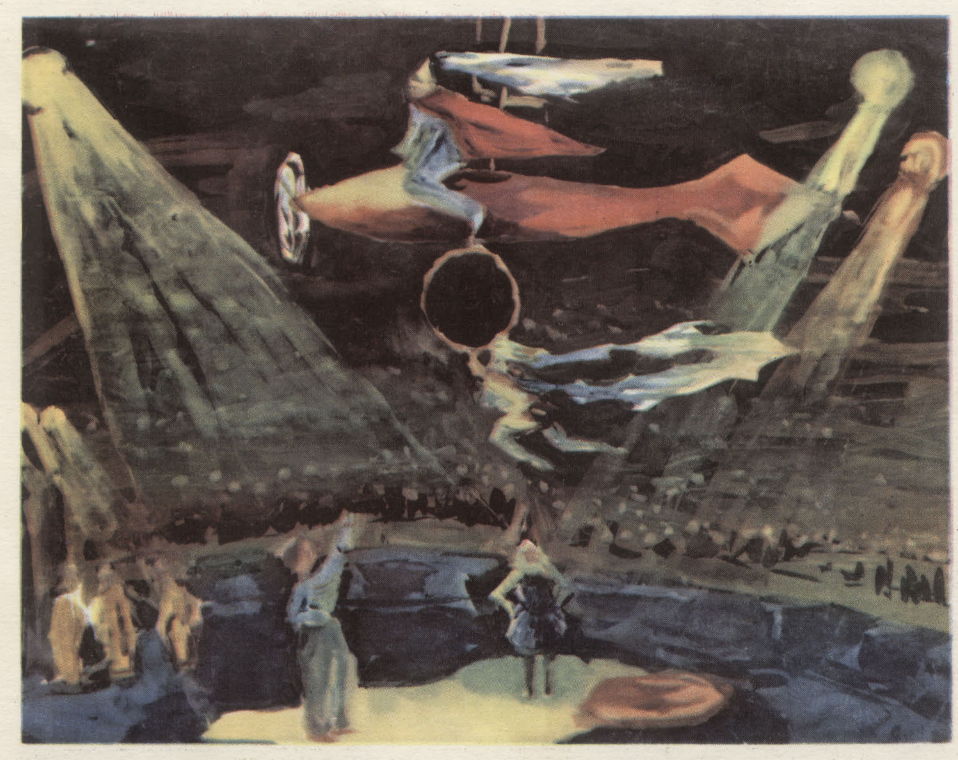
ИДУТ НА ПАРАД. **Ира Зарон, 4 года.** Орджоникидзе.

ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ. **Коля Вакин, 8 лет.** Ленинград.

МОРОЗНОЕ УТРО. **Таня Шитке, 8 лет.** Москва.

В ЦИРКЕ. **Наташа Плотникова, 11 лет.** Ленинград.

АФРИКА. **Лена Коротаева, 7 лет.** Москва.

ЛАУРА

А. СТАРКОВ

В № 10 «Огонька» за 1957 год был напечатан очерк «Они среди нас».

Рассказ о героинях Крымского подполья периода гражданской войны Е. И. Гордиенко-Григорович, М. А. Кубанцевой и А. П. Селеневич-Блохиной вызвал много читательских откликов.

Меж других писем было и такое:

«Товарищ автор!

Вы пишете в своем очерке о людях, которые скромно, неприметно живут «среди нас», и мы порой не подозреваем, какая героическая жизнь, какие славные дела у них за плечами.

Я хочу сообщить вам еще об одном таком человеке.

Е. Р. Багатурьянц и А. А. Гамалова — студентки женского Политехнического института в Петербурге.

Если вам доведется проходить как-нибудь ранним утром в районе станции метро «Краснопресненская», вы, быть может, встретите пожилую женщину, которая медленно прогуливается по Конюшковской улице, ведя на поводке маленькую собачку из редкой породы «крысоловов».

Вы скажете: «Старушка как старушка...» Но я живу с ней в одном доме и знаю, что Евгения Романовна Багатурьянц — член большевистской партии с 1909 года, известная в подполье, как «Лаура». С 26 октября 1917 года, то есть со второго дня революции, она работала в Смольном одним из секретарей Военно-революционного комитета под непосредственным руководством Я. М. Свердлова. Затем ее послали в Крым. Приехав туда за несколько дней до занятия полуострова немецкими войсками, она осталась в тылу у интервентов, являясь членом подпольного обкома партии. А когда снова вошли красные, стала председателем Крымского ревкома...

Но не буду рассказывать вам подробно биографию этой бесстрашной женщины. Скажу только, что ее жизнь достойна того, чтобы поведать о ней людям...»

Отправляюсь по следам письма. И вот уже сижу в большой, светлой комнате и слушаю рассказ Евгении Романовны. Хотя говорит, собственно, не она; говорят ее старинные приятельницы Александра Артемьевна Гамалова и Мария Александровна Кубанцева. Гамалова — подруга еще с гимназических лет, с той поры, когда посещали нелегальный марксистский кружок. Вместе поехали из Симферополя в Петербург, поступили в женский политехнический институт, вместе бывали на студенческих революционных сходках и демонстрациях, вели пропаганду на заводах, в солдатских казармах, вместе явились в Смольный. «Мы и Кирочку вместе рожали»,— шутит Евгения Романовна. Кира — ее дочь, инженер-химик. Александра Артемьевна помогала подруге нянчить и воспитывать дочку, нянчить и воспитывать внуков. Только вот до правнука не дотянуться: далеко годовалый Алешка — в Китае... У Гамаловой не было своей семьи: личную жизнь она посвятила семье Багатурьянц, с которой никогда не расставалась.

Кубанцева моложе. Она сблизилась с Евгенией Романовной в крымском подполье во время деникинщины.

Так что говорят в основном Гамалова и Кубанцева. Евгения Романовна слушает их, насупившись, то и дело подавая сердитые реплики, бдительно следя за тем, чтобы не расписывались ее заслуги. На коленях у нее свернулся калачиком прославленный «крысолов» Бишка...

...Она не носила кожаной тужурки и скрипучих армейских сапог. В кремовом чесучовом платье с гипюровой отделкой, или в розовой батистовой блузке с отложным воротничком и галстуком-бабочкой, или в синем, строгого английского покроя костюме она не была похожа на предревкома. Об этой суровой ее должности напоминал лишь неизменный браунинг в кармане.

Приказы ревкома она подписывала своим подпольным именем — Лаура. Она взяла его в честь авиньонской красавицы, воспетой Петраркой, и в честь любимой дочери Карла Маркса. Это нежное, поэтическое имя очень шло ко всему ее женственному, привлекательному облику. Но оно не диссонировало и с теми приказами, под которыми стояло, хотя они были и суровы.

Лаура — стояло под первым же приказом ревкома: всем учреждениям и частным предприятиям функционировать нормально, всем работникам находиться на своих местах!

Лаура — подписано было решение о национализации банков, фабрик, железной дороги, портов, помещичьих имений, царских дворцов.

Именем Советской власти действовал ревком. Боролся с саботажниками и спекулянтами. Громил бандитские шайки. Рассылал продотряды. Заботился, чтобы была засеяна вся свободная пахотная земля. Открывал детские дома для беспризорных, школы с бесплатным обучением. Брал под охрану культурные ценности...

В Симферополе в областном архиве хранятся приказы и постановления Крымревкома.

Гамалова показывает мне копию одного из таких документов, датированного 4 мая 1919 года:

«1. Объявить дом Антона Павловича Чехова в городе Ялте национальным достоянием.

2. Назначить Марию Павловну Чехову пожизненной хранительницей дома Чехова, выдав ей авансом в счет жалованья две тысячи рублей».

— Эта историческая бумага,— говорит Александра Артемьевна,— подписана нашей Лаурой...

— Твои комментарии,— сердится Багатурьянц,— совершенно излишни.

Но Гамалова, игнорируя замечание, протягивает мне еще один листок, стершийся на сгибах, пожелтевший:

«Получив от председателя Алуштинского Военно-Революционного Комитета уведомление, что Вами предложено «беречь личности писателей С. Сергеева-Ценского и Ив. Шмелева», мы выражаем Вам живейшую признательность за эту заботу о нас.

С. Сергеев-Ценский
Ив. Шмелев

12 мая 1919 года, г. Алушта».

— Записка,— снова комментирует Гамалова,— написана рукой Сергеева-Ценского и прислана на имя нашей Лауры...

Летом девятнадцатого Крым был захвачен войсками Деникина.

Лаура в подполье. В Симферополе, где ее знает каждый мальчишка, скрываться трудно. И она вместе со своим другом Павлом Ивановичем Новицким, учителем литературы (ныне профессором), пробирается в Севастополь. Живут у знакомых Новицкого. Но есть сигнал, что квартира, кажется, под подозрением у контрразведки. Нужно переменить адрес.

За Лаурой и Павлом Ивановичем заходит слесарь местного депо, который ведет их к себе. Они идут огородами, боковыми проулками. В одном месте, у вокзала, надо пересечь железнодорожный путь. В это время подходит паровоз с тремя пассажирскими вагонами. Выскакивает целая орава молодых офицеров. Прибыли, видно, для «дальнейшего прохождения службы»... Багатурьянц и ее спутники пытаются прошмыгнуть сторонкой.

Но долговязый юный офицерик в пенсне уже кричит тонким, бабьим голосом: «Держите ее, господа! Большевичка!» О, она знает этого паршивца! Из студентов. Служил у нее в ревкоме секретаришкой в одном из отделов. Был угодлив, подобострастен до отвращения. Все собиралась выгнать его, да так и не собралась. И вот теперь он кричит: «Хватайте! Большевичка!»

— О беде, которая стряслась с Женей,— говорит Александра Артемьевна,— я узнала из газеты. В «Крымском вестнике» было напечатано сообщение: «На днях в Севастополе арестована Лаура, бывший председатель большевистского ревкома». Об этом на всех перекрестках кричали газетчики. И в голосах газетчиков было явное сочувствие нашей Лауре... Я поехала в Севастополь. Тамошние подпольщики рассказали, что Лаура сидит в городской тюрьме и допрашивает ее сам Меншиков. Это был еще сравнительно молодой человек, отпрыск знаменитых Меншиковых, князь. Лощеный, внешне галантный, этакий, знаете ли, комильфо, он зарекомендовал себя как самый безжалостный из всех контрразведчиков. Допрашивал заключенных с какой-то особо изощренной жестокостью. Вот к нему попала Лаура. Севастопольские товарищи

Е. Р. Багатурьянц и А. А. Гамалова. 1958 год.

Фото Б. Кузьмина.

сказали, что ведет она себя на допросах геройски...

— Ну, вот что,— перебивает Евгения Романовна.— Тебя уже не удержишь. Завелась! Пойду-ка я лучше прогуляюсь с Бишкой.

И уходит.

Рассказ Гамаловой льется теперь свободней.

— Стало известно, что Лауру собираются перевезти в Симферополь и там судить. А контрразведчики не раз уже именно в пути убивали арестованных, «при попытке к бегству». Нам удалось узнать, когда, в каком поезде и даже в купе какого вагона повезут Лауру. И вот в соседних купе ехали наши люди и прислушивались к малейшему шуму за стенкой...

В Симферополе Женя сидела не в тюрьме, а в самой контрразведке, которая занимала гостиницу на углу Пушкинской и Екатерининской. Номера были перегорожены и превращены в клетушки-камеры. Окна заколочены. Но в отношении Лауры была проявлена величайшая благосклонность. Ей разрешалось выходить в коридор, а он представлял собой застекленную галерею. И Лаура могла немного постоять у окна, а иногда даже открывали форточку, дабы она подышала свежим воздухом. Эта хитрость легко разгадывалась. Расчет был такой: подпольщики узнают, что Лаура подходит к окну, и, возможно, захотят воспользоваться этим, чтобы связаться с ней. Начнут приходить к гостинице, начнут подавать какие-то сигналы и тут будут схвачены.

И действительно, знаете, приходили. Только совсем не те, кого поджидала контрразведка.

Окна галереи были обращены во двор. А двор проходной. И вечно тут шел и шел народ. Пробегали гимназисточки — в гимназию и обратно. На обратном пути те, что поменьше, задерживались во дворе. Положат ранцы на скамейку, начертят «классы» и скачут. Или раздобудут где-то мяч — и в «школу-мячики»! А где игра, там считалочка:

Стакан-лимон —
Выйди вон!
Стакан воды —
Выйди ты!

За считалочкой песенка, веселая девчоночья песенка, к которой никто особенно не прислушивается. Никто, кроме Лауры: для нее она и предназначена. Тот, кто научил девочек этой частушке-скороговорке, ловко ее составил. Словцо — другое, и Лаура уже знает, что дочка ее у надежных людей в Евпатории, что мать, сестры в добром здравии. И уже легче у Лауры на сердце! А гимназисточки, подхватив ранцы, побежали по домам. И кому из контрразведчиков придет в голову, что вот эти вот девчушки и есть подпольщицы, выполнившие очень важное задание?..

И кто догадается, что две армянки — мать и дочь,— живущие на первом этаже, каждое утро громко ссорятся у раскрытого окна, кричат, оскорбляют друг друга только для того, чтобы Лаура, прислушавшись к их крику, получила информацию о событиях на воле?..

А на воле идет борьба за жизнь Лауры, борьба, которую возглавил подпольный обком партии.

Я помню, что арест Лауры и известие о том, что ее предают военно-полевому суду, взволновали людей из самых различных слоев населения. Семью Багатурьянц хорошо знали в Крыму. Знали отца — известного просветителя, автора книги, по которой училось языку не одно поколение армян. Знали всех трех сестер — Варвару, Елизавету, Евгению-Лауру — как превосходнейших преподавательниц математики. Они вели этот предмет в частной гимназии Станишевской и составили ей славу. Естественно, что директриса чрезвычайно ценила своих лучших учительниц. А со средней сестрой, Елизаветой, Валентину Александровну Станишевскую, кроме служебных отношений, связывала еще и глубокая личная дружба. Она, Валентина Александровна, была натура мягкая, отзывчивая, склонная к сентиментальности. Вы поймете дальше, почему я подчеркиваю это.

Лаура была большевичка. Но ее уважали не только те, кто исповедовал коммунистические идеи. Лауру уважали все, кто помнил ее благородную деятельность на посту председателя ревкома. Кто знал, как она преследовала разную анархиствующую шваль, пытавшуюся разграбить под шумок музеи, дворцы, картинные галереи. Кто видел, как с маленькой кучкой бойцов угомонила она сотню махновцев, ворвавшихся средь бела дня на городской базар. Кто, подобно Сергееву-Ценскому и Шмелеву, получил от нее «охранные грамоты»...

Поэтому призыв свидетельствовать в защиту Лауры нашел отклик во многих сердцах. Тридцать человек согласились дать показания в ее пользу. Помню, что были среди них Сергеев-Ценский, Константин Тренев, Иван Шмелев, профессор классической филологии Деревицкий... Все они подписали письмо председателю военно-полевого суда с требованием вызвать их на процесс.

Председателем суда являлся генерал Станишевский.

Да-да, судить Лауру должен был родной брат Валентины Александровны! Добрая, чувствительная душа, она ужасно переживала это обстоятельство. Ей хотелось как-то помочь своим друзьям — семье Багатурьянц. Но как? С братом они враги. Год назад произошла тягчайшая ссора, и теперь ничто не может их примирить. Она лежит смертельно больная, обреченная; у нее рак печени,— и старик ни разу не навестил умирающую сестру. И ей бессмысленно обращаться к нему с просьбой посодействовать в деле Лауры. Он отвергнет любую ее просьбу, а тем более такую. Есть только один выход: Олежка! Олежка, ее трехлетний внучек, сиротинка. Он крестник генерала и единственное существо, обожаемое этим каменным, бесчувственным человеком. Старик души не чает в мальчике, которого вот уж год не видел. И Валентина Александровна пишет письмо брату от имени Олежки. Послушайте. Я помню его наизусть.

«Мой дорогой деда!

Ты будешь судить мою любимую тетю Лауру. Если ты ее накажешь, я тебе этого никогда-никогда не забуду. А если спасешь, буду всегда очень-очень любить.

Твой крестник Олег».

Забегу вперед. Скажу о судьбе Олежки. После смерти Валентины Александровны его усыновила семья Багатурьянц, вернее, Елизавета Романовна, одна из сестер Жени. Вырос Олежка, стал моряком дальнего плавания. В войну погиб под Сталинградом...

Затея с письмом кажется вам, наверно, наивной. Да и нам она в ту пору казалась такой. Не верили мы, что руку, подписавшую уже не один смертный приговор, остановит это немудрящее сентиментальное послание. Но Валентина Александровна настаивала, и письмо было отправлено. И кто его знает, может, и затронуло оно какую-то струнку в душе генерала. Может, и дрогнула эта струнка. Не забудьте, что Станишевский был уже глубокий старик, заканчивавший свой век.

Генерал разрешил вызов в суд тридцати свидетелей защиты. Это уже сам по себе факт необычайный в истории военно-полевого суда. И, конечно, очень радостный для нас: коль вызвали свидетелей, их показания нельзя будет игнорировать. Спешим сообщить Лауре эту приятную для нее новость. Сейчас уж не помню, как она была передана. То ли гимназистки пропели, то ли женщины-«скандалистки» прокричали.

Наступает день, когда Лауру выводят из контрразведки. До здания суда с полкилометра. Надо пройти людными улицами. На всех углах народ. Стражники разгоняют толпу, а она, растекаясь, снова собирается. Лаура окружена взводом солдат. Это здоровенные, рослые ребята, из-за которых маленькую нашу Лауру почти не видно. Мелькают только ее белое шелковое платье и элегантная, из красных перьев, шляпка, которые были на ней в момент ареста.

Процесс длился день — с утра до позднего вечера. И мы все время стояли в толпе у здания суда. Стражникам надоело гонять нас с угла на угол, и они только не разрешали подходить близко к подъезду. Судебное заседание было закрытым, туда никого не пускали. И все-таки — я отлично это помню! — к нам то и дело просачивались сообщения из зала суда. Мы знали, что старик Станишевский трижды спрашивал Лауру о ее партийной принадлежности и она трижды отвечала: «Член РКП(б)!». Знали, что писатель Константин Тренев произнес яркую речь в защиту Лауры.

Она еще не вышла из зала, а мы уже знали: оправдана! Знали и готовились кинуться ей навстречу, обнять, расцеловать. Но ее вывели под конвоем. Оправдать-то ее Станишевский оправдал под нажимом общественности, но вынес определение: пока приговор не утвержден высшей инстанцией, меру пресечения оставить прежней. А ведь имел право выпустить с подпиской о невыезде. Не решился: побоялся контрразведчиков, которые и так были раздражены решением суда.

И снова Лаура в застенке. Меншиков — помните, контрразведчик из князей — издевается: «Все равно повесим!» Он, Меншиков, уверен, да и мы это чувствуем, что высшая инстанция — командующий округом генерал Шиллинг, находящийся в Одессе,— не утвердит оправдательного приговора и прикажет пересмотреть дело. И, значит, опасность продолжает висеть над Лаурой. Значит, надо вызволить ее как-то из контрразведки, пока судебные документы будут идти в Одессу и обратно... Родственники Лауры ходят по инстанциям, хлопочут и добиваются наконец согласия выпустить ее на поруки какого-нибудь влиятельного лица. Но где найти такое лицо? Кто из влиятельных поручится за большевичку?

Думаем, перебираем имена. Кто-то называет князя Оболенского. Что ж, это, кажется, резон. Старенький, но молодящийся князь, предводитель таврического дворянства, любит пофрондировать, поиграть в либерала. Он внучатый племянник декабриста Оболенского, просидевшего тринадцать лет в Нерчинских рудниках. Князь гордится своим дедом, хранит кандалы, в которые тот был закован...

К Оболенскому отправился Павел Иванович, друг Лауры. Князь был мил, приветлив, и просьба Новицкого явно импонировала ему. «Лаура? Какое чудесное имя! Женщина, которая носит его, должна быть красива. Армянка? Превосходно! Нет ли у вас, сударь, ее карточки? Жаль! О, это будет весьма оригинально! Потомок, внук декабриста, выручает коммунистку! Весь город заговорит об этом... Кому послали на утверждение приговор? Шиллингу? С удовольствием насолю этому выскочке из немецких баронников... Да-да, я согласен, я даю поручительство...» Вот так примерно говорил князь, и Павел Иванович ушел от него с соответствующей бумагой.

Лаура освобождена. А недели через две приходит ответ из военного округа: генерал Шиллинг отменил приговор и приказал доставить Лауру в Одессу для пересмотра дела... А Лауры и след затерялся. Скрылась Лаура. Контрразведчики к князю Оболенскому: «Вы давали поручительство...» Но что поделаешь с предводителем дворянства! Разводит руками: «Я не думал, что большевики обманут меня...»

Теперь Лаура укрыта надежно. И контрразведка, хватая всех женщин, похожих на Лауру, так и не смогла напасть на ее след. Обнаружилась она лишь в тот день, когда... Прочитайте, пожалуйста, вот этот документ.

...И Гамалова протягивает мне листок, склеенный по сгибу. Читаю:

«Мандат № 56.

Предъявитель сего т. Лаура состоит председателем комиссии по организации встречи регулярных советских войск.

13 ноября 1920 года».

Вот и закончен рассказ. Но Мария Александровна Кубанцева хочет дополнить его двумя словами о поездке в Крым, которую они совершили недавно с Евгенией Романовной. Кубанцева рассказывает столь же образно, я бы сказал, зримо, как и Гамалова. Все, о чем она говорит, видишь.

И я вижу стоящий на главном Севастопольском рейде крейсер. Вижу, как подходит к нему белый катер. Для встречи гостя спущен парадный трап — широкий, с ковром. Кто же прибыл на корабль? Маленькая, худенькая, совершенно седая старушка. Два матроса подхватывают ее под руки, чтобы помочь взойти на палубу. А там уже выстроился экипаж «по большому сбору». И командир крейсера капитан 1-го ранга отдает рапорт гостье. Несколько сот пар молодых, зорких, добрых глаз устремлены на нее. И она, легендарная Лаура, стоит перед этими сильными, плечистыми юношами, одетыми в морскую форму, и руки ее невольно вытягиваются, как и у них, по команде «смирно», а глаза застилают слезы...

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ НАШИХ ДНЕЙ

Альберто **ЯКОВЬЕЛЛО**

Письмо из Италии

Мауро Белланди надевает обручальное кольцо на палец жены в присутствии мэра, который сочетал их браком.

Мауро Белланди было немногим более двадцати лет, когда он участвовал в бою партизанского отряда с гитлеровцами, был ранен и попал в плен; фашисты отправили его в лагерь смерти Бухенвальд. О том, как отразилось на нем пребывание в концентрационном лагере, можно судить по тому, что раньше он весил сто восемнадцать килограммов, а в момент выхода на свободу — всего лишь пятьдесят четыре.

Вернувшись в родной город Прато, он вступил в Итальянскую коммунистическую партию и стал одним из руководителей местной партийной организации. Он полюбил Лориану Нунциати и женился на ней. Хотя девушка была верующая, она согласилась с предложением жениха оформить свой брак в муниципалитете, а не венчаться в церкви. Брак зарегистрировали в полном соответствии с законами итальянского государства. В Италии уже немало людей регистрируют брак таким образом. И хотя эти браки, по церковному каноническому праву, считаются «недействительными», еще не было случая, чтобы духовенство выступало с персональными нападками против тех, кто не захотел венчаться в церкви.

Но Мауро Белланди оказался под обстрелом католической реакции. Это, конечно, не случайно. Он был очень уважаемым и популярным человеком в Прато. Местному духовенству не удавалось подорвать влияние коммунистической партии, и оно решило скомпрометировать одного из ее деятелей. Епископ города Прато прислал священнику прихода, где живет семья Белланди, пастырское послание, в котором мечет гром и молнии против «греховной» молодой пары, находящейся якобы во «внебрачном сожительстве» и посему достойной «всеобщего осуждения». Священник прочел послание епископа верующим сразу же после богослужения, а затем опубликовал в приходской газете. Кое-кто в городе начал избегать супругов Белланди. Последние возбудили против епископа судебный иск за нанесение ущерба их репутации. Тут-то и началась свистопляска. Местные клерикалы обвинили Белланди в «святотатстве».

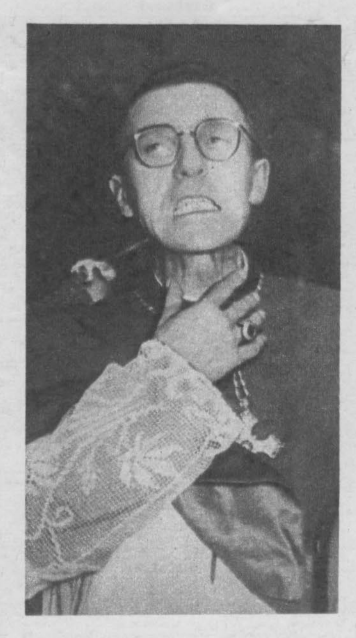
Ежедневно Мауро Белланди получал сотни анонимных писем, полных оскорблений и угроз. Другого рода письма получала его жена: в них ей советовали уйти от мужа и публично покаяться в своем «грехе». Но муж и жена любят друг друга и мужественно сопротивляются.

Однажды вечером, когда Белланди сидел за рулем своего маленького автомобиля, он почувствовал себя очень плохо. Его немедленно отвезли в больницу. Диагноз гласил: кровоизлияние в мозг и потеря речи. Позже стало известно, что за несколько часов до того, как Мауро Белланди заболел, он испытал сильное душевное потрясение: его двухмесячный ребенок был тайком от него и от жены отнесен в церковь и окрещен. Волнение передовой части граждан Прато перешло в негодование. Но мракобесы не унимались; они начали распространять версию, будто болезнь Белланди — это «божья кара».

Этот возврат к средневековью вызвал возмущение далеко за пределами города. Юристы, чьи имена известны всей стране, осудили действия епископа из Прато. Была организована всенародная подписка, чтобы помочь жене Белланди вырвать Мауро из когтей смерти.

Теперь его жизнь спасена, однако он лишился речи. Но, уже находясь дома, он продолжает получать анонимные письма с требованиями взять обратно свой иск против епископа. Белланди читает эти письма и отрицательно качает головой. Его решимость символизирует рост гражданского самосознания итальянского народа, который возмущен действиями церковников. Мужественная борьба супругов Белланди встречает широкое сочувствие, о чем свидетельствуют тысячи писем, получаемых ими со всех концов Италии и даже из других стран. Авторы этих писем морально поддерживают чету Белланди и призывают их продолжать борьбу.

Остается только упомянуть, что Прато находится не в каком-либо захолустном районе Сицилии, а в самом центре Тосканы, одной из самых передовых областей Италии. Трудно предсказать, какой оборот примет судебное дело, возбужденное против епископа из Прато. Ясно одно: церковным мракобесам удалось физически измотать своего противника, но они не сумели сломить его волю и гражданское достоинство. Мауро Белланди стал для Италии символом цивилизации, восстающей против средневекового варварства.

Епископ Прато монсиньор Фьорделли, главный организатор травли супругов Белланди.

Лориана Белланди на прогулке с ребенком.

К 80-летию освобождения Болгарии от турецкого ига

Подвиг подполковника Калитина

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР хранятся многочисленные документы о русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Эти документы повествуют о героизме русских воинов и болгарских ополченцев при освобождении Болгарии от пятисотлетнего господства турецких феодалов.

Кровь русских воинов и болгарских патриотов, совместно пролитая при защите Старой Загоры, при обороне Шипкинского перевала, при форсировании Балкан зимой 1877—1878 годов, на вечные времена скрепила дружбу двух славянских народов.

Болгарский народ до сих пор хранит светлую память о русских воинах-освободителях. Среди них — подполковник П. П. Калитин. Недавно найден послужной список этого храброго и самоотверженного командира.

К началу русско-турецкой войны он, уже кадровый офицер, по собственному желанию отправился на Дунай. Там он был назначен командиром 3-й дружины.

Июль 1877 года... Русская армия, форсировав Дунай, ведет осаду турецких крепостей... Прорвав оборону противника на горных перевалах, небольшой отряд генерала Гурко вместе с дружинами ополчения вышел в Болгарию с целью поднять болгар против их вековых врагов. С радостью и воодушевлением встречало болгарское население русских солдат и своих земляков-ополченцев.

Напуганное успехами отряда, турецкое правительство спешно перебросило из Черногории обстрелянную и опытную армию Сулейман-паши.

Тридцать пять тысяч кадровых турецких солдат были брошены против небольшого отряда русских и еще не бывавших в боях дружин болгарских ополченцев. Первое боевое крещение дружины получили под Старой Загорой — важным узлом путей сообщения.

19 июля 1877 года... Небольшой отряд русских кавалеристов и ополченцев-болгар ведет бой. Но силы неравны. На позицию 3-й дружины Калитина Сулейман бросает основную массу своей армии. Навстречу им поднимаются для штыкового удара болгарские дружинники и с песней «Болгары юнаци» бросаются на атакующих. Резкие порывы ветра колышут знамя Самары, присланное дружине Калитина двумя месяцами раньше. Раненые остаются в строю.

Подполковник Калитин объезжает ряды защитников, подбадривая ополченцев, под пулями говорит что-то смешное, и по рядам проносится дружный хохот.

Сулейман бросает в атаку все новые и новые силы. Над дружиной нависает угроза полного окружения и уничтожения.

Калитин, уже дважды раненный, отдает приказ перейти в контрнаступление. Во время штыкового боя убит знаменщик 3-й дружины. Знамя, подаренное Самарой, упало на землю. Калитин соскакивает с коня, подхватывает знамя и кричит своей дружине: «Ребята! Знамя наше с нами! Вперед за ним, за мной!»

Ополченцы ринулись вперед. Турки дрогнули, но в это время залповым огнем подполковник Калитин был убит. Вокруг знамени и тела Калитина завязалась жестокая рукопашная схватка. Ополченцам удалось отбить знамя, зажатое в мертвой руке Калитина...

Боевые дела 3-й дружины и ее командира подполковника Калитина до сих пор живы в воспоминаниях жителей Старой Загоры.

Б. ФИЛИППОВ,
Е. ХЕТАГУРОВА,
научные сотрудники Центрального государственного военно-исторического архива.

Египетское „кольцо"

Решающие километры... Скоро Каир!

Эд. МАРКАРОВ,
руководитель советской спортивной делегации на велогонке в Египте

Фото автора.

Каир, Порт-Саид, Александрия... Здесь уже выступали наши борцы и штангисты, футбольные и баскетбольные команды. А велогонщикам недавно особенно посчастливилось! Они увидели не только большие города, но и «глубинку» Египта, исколесили в долине Нила без малого две тысячи километров. В этом году советские спортсмены впервые участвовали в многодневной международной кольцевой гонке, проводимой Египетской федерацией велосипедного спорта.

Гонка велась по интересной трассе. От гигантского «кольца», проложенного в северной части страны, протянулся к югу еще и длинный «луч», упирающийся в город Луксор. Отсюда, за 675 километров от Каира, начинались соревнования. Современный Луксор вместе с ближайшими к нему деревнями вырос на месте столицы древнего Египта — знаменитых Фив, воспетых поэтами. С интересом осматривали мы стены храма, заложенного в XV веке до нашей эры, величественные гробницы фараонов и другие исторические памятники.

В Луксор прибыли команды велосипедистов девяти стран: Болгарии, Венгрии, ГДР, Египта, Ливана, Румынии, Сирии, СССР и Турции. Местные жители встретили спортсменов с большим радушием. Особым вниманием пользовалась наша делегация. Чуть ли не каждый, кто с нами разговаривал, просил передать Москве привет и слова горячей благодарности за поддержку Египта в трудную для него минуту. А сколько было расспросов, сколько приглашений распить вместе по чашечке кофе!

Накануне дня старта луксорцы устроили молодежный фестиваль в честь участников соревнований. Зазвучала своеобразная восточная музыка, послышались мелодичные и протяжные песни. На стадионе начались большие спортивные выступления.

Самой интересной для нас частью программы была демонстрация национальных видов спорта.

Под стук барабанов появляется главный судья предстоящего фехтования на палках. Голову его украшает высокий позолоченный убор, руки почти до локтя закрыты тяжелыми старинными браслетами.

Фехтовали луксорские спортсмены с большой ловкостью. Движения их очень ритмичны, напоминают танец. Затем начались состязания в искусстве высшей школы верховой езды на арабских скакунах. Большое оживление среди зрителей вызвали скачки на верблюдах и ослах. Скачки носили комический характер. Всаднику давалась ложка, а на ней сырое яйцо, которое надо было доставить к финишу в полной сохранности. Участвовать в этих скачках приглашались все желающие. Взгромоздился на ослика и наш массажист Олег Макаров. Но вскоре на землю полетели не только ложка, но и Олег.

Велосипедисты стартовали из Луксора на следующее утро. Первые два этапа маршрута пролегали по скверной проселочной дороге, таившей много неприятных сюрпризов. Проколы и падения следовали одно за другим. Скорее бы началось шоссе!

Советская команда состояла из молодых спортсменов. Самый опытный из них, капитан команды Анатолий Черепович, сумел мобилизовать волю наших велосипедистов, правильно распределить силы, и уже после второго этапа мы стали лидерами гонки, опередив болгар.

Гладкая асфальтированная лента зашуршала под колесами машин на третий день пути. Все вздохнули свободней. Теперь дорога шла по почти непрерывным аллеям финиковых пальм. Небо безоблачно, термометр показывает выше двадцати градусов. Не верилось, что в Москве сейчас трещат морозы. По правую сторону от шоссе колыхался в низких берегах Нил. Еще в Луксоре кто-то поинтересовался, имеются ли в реке крокодилы. Нет, они ушли гораздо выше по течению Нила. Единственного крокодила мы увидели висящим в засушенном виде над входом в мастерскую кожевника. Он заменял вывеску.

— Какие тут крокодилы, когда мы каждый год проводим по Нилу марафонский проплыв! — говорили нам египетские спортсмены.

Справа и слева от шоссе зеленели поля, на которых усердно работали крестьяне — феллахи. Раньше, при колонизаторах, в Египте выращивали только хлопок. Теперь тут и сеют пшеницу и расширяют сады.

Через множество деревень и городков, где не было этапных пунктов, гонщики мчались без остановок. Стремительно убегали назад белые одноэтажные домики с плоскими кровлями, виднелись улыбающиеся лица людей, поднявших в приветствии руки. До нас доносилось:

— Садака! Дружба!

В ответ пятерка советских велосипедистов кричала:

— Яхья Маср! Да здравствует Египет! Салям алейкум! Мир вам! Садака! Садака!

На остановках для отдыха наше общение с египтянами, конечно, не было столь мимолетным. Сразу после финиша гонщики в окружении сотен местных жителей шли к дому, где для спортсменов был заботливо приготовлен ночлег.

На каждой остановке спортсмены старались всячески развлечь, сделать наш отдых наиболее удобным и приятным. В одном городе давали концерт, в следующем угощали изысканным национальным блюдом: фаршированными голубями, — в третьем везли к историческим достопримечательностям.

А с каким разнообразием подбирались призы, которые город вручал победителям очередного этапа! Тут были шкатулки и чаши, художественные вышивки, альбомы, ковры, а один из советских гонщиков получил даже верблюжье седло, инкрустированное перламутром.

Советская команда не без труда удерживала лидерство. Борьба в гонке шла остро. Каждый из сорока пяти велосипедистов выкладывал все силы, прибегал к тактическим хитростям, ревниво следил за временем соперников... Таков спорт! И вместе с тем между гонщиками независимо от их национальности складывались хорошие, товарищеские отношения. Такова другая особенность спорта.

Мы крепко подружились с велосипедистами из арабских стран — египтянами, сирийцами, ливанцами. Все они славные, симпатичные ребята.

Египетский спортсмен Гани Хусейн побывал в прошлом году в Москве на Всемирном фестивале молодежи. Он и сейчас полон восторженных воспоминаний.

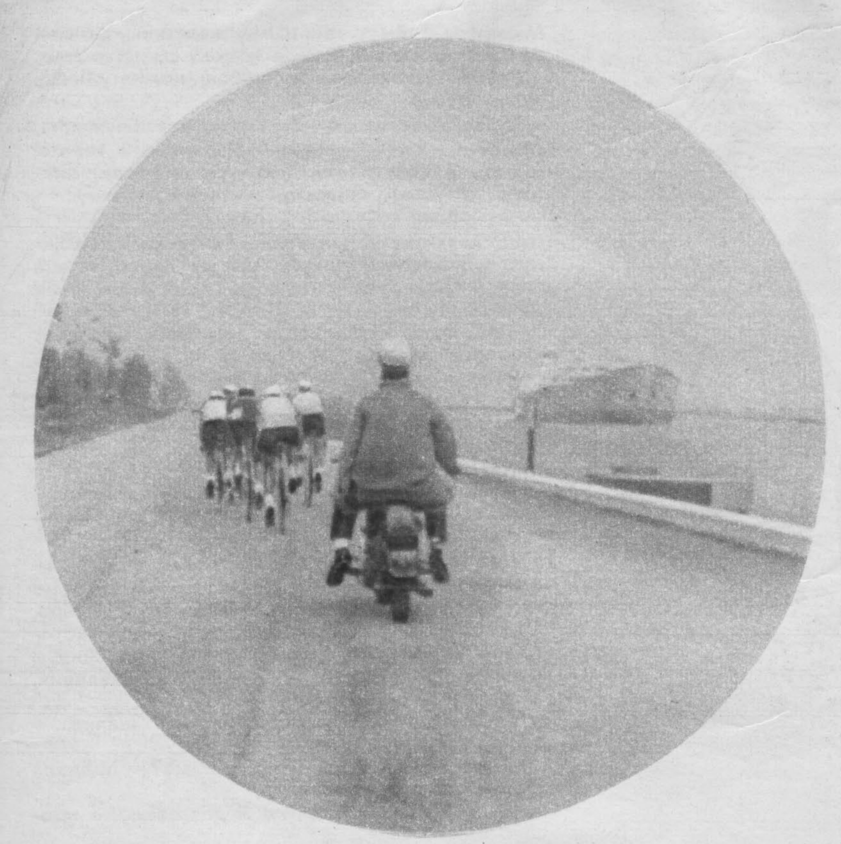
По условиям соревнований, взаимопомощь команд в пути запрещена. Однако это правило не распространяется на остановки. В пунктах отдыха возле нашей «технички» всегда можно было встретить спортсменов-арабов. Советский механик помогал им в текущем ремонте машин, снабжал запасными частями.

— Шукран! Спасибо! — говорили египтяне или сирийцы.

Наш механик не знал, как сказать по-арабски «пожалуйста», по-

Передышка во время тренировки на берегу Нила. Слева направо: советские велогонщики А. Петров, Ю. Мелехов, А. Олизаренко и Г. Сайдхужин.

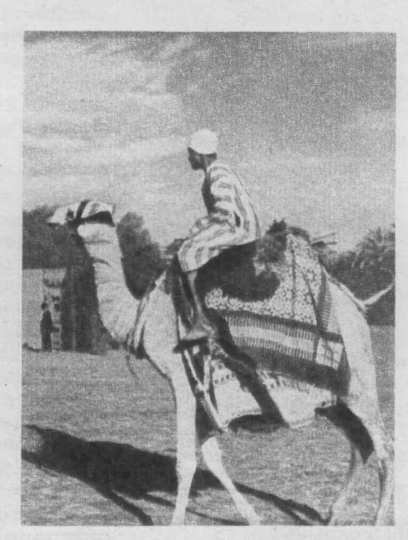
Вдоль Суэцкого канала.

этому отвечал хорошо известным ему словом:

— Садака!

Когда позади остались Зохаг, Асьют, Миния, Файюм, гонщики свернули у самого Каира на восток, в сторону Суэца. Лишь теперь мы выехали на «кольцо». Впереди еще две трети пути.

В Суэце, у ворот в Красное море, нас ждала, как и повсюду, горячая, трогательная встреча. Следующий этап пошел уже вдоль Суэцкого канала. Мы знали, что судоходство по каналу полностью восстановлено, однако приятно было увидеть это собственными глазами. Среди многочисленных судов, идущих меж берегов Африки и Азии, мы увидели и танкер под родным советским флагом.

Идут гонщики.

Арабы называют Порт-Саид египетским Сталинградом. С понятным волнением знакомились спортсмены с городом-героем. Его раны уже залечены. Повсюду кипит мирный труд. В Порт-Саиде велогонщики ночевали. А затем пошли дальше. Лидерство в гонках по-прежнему принадлежало советским спортсменам, но от ближайших соперников — болгар — нас отделяли лишь минуты. Старались догнать лидеров и немцы и румыны. Успокаиваться нам рано! Кто победит? Это решится только на последнем этапе.

И вот последняя остановка — город Александрия. Гонщики получают день на отдых. Впрочем, отдых у нас довольно активный: погуляли по нарядным улицам и бульварам, съездили в знаменитый дворец-музей, а вечером — в цирк.

В Александрии гастролировала советская цирковая труппа. Публика с восторгом принимала наших акробатов, жонглеров, клоунов и силачей. Мы прошли за кулисы, чтобы поздравить соотечественников с успехом да и просто поговорить. Между прочим, артисты сообщили забавную подробность о дрессированном льве. Оказалось, что лев родился в советском зоопарке и только благодаря цирковым гастролям цирка посетил Африку — землю своих предков.

Утром жители города проводили нас в путь. Этап Александрия — Каир не из легких. Шоссе проходит через окраину Ливийской пустыни. Пески заметают асфальт. Кроме того, перед самым финишем есть подъем в гору. Все равно — надо удержать первенство! Наши сильней жмут педали...

Как известно, в гонке, продолжавшейся две недели, победу одержала команда Советского Союза. Личное первенство завоевал молодой ленинградский активный спортсмен Анатолий Олизаренко. На втором месте был тоже ленинградец, Алексей Петров.

Команда привезла из Каира на Родину переходящий приз соревнований — большой серебряный кубок, врученный нам от имени президента Гамаль Абдель Насера.

Но мы привезли с собой еще и другое: самые лучшие воспоминания о египетском «кольце», о людях, которых встречали на своем пути, о наших далеких, но искренних друзьях. Связи с ними все крепнут, в том числе и спортивные.

Февральские голы

Зимний спортивный сезон еще в разгаре, а многие команды, не дождавшись московского солнца, уехали на юг. «Динамо», «Торпедо» и «Локомотив» тренируются на Черноморском побережье, «Спартак» выехал в Индонезию, армейцы — в Германскую Демократическую Республику, а сборная команда Советского Союза — в Китай.

Всюду начались тренировки.

Сезон нынешнего года особый. Розыгрыш первенства мира, который состоится в июне в Швеции, внес изменения в привычный ритм подготовки советских футболистов.

После непродолжительного отдыха все команды мастеров в январе уже начали заниматься в залах, а в феврале вступили в соревнование на южных полях.

Телеграф принес известие о победе «Зенита» над тбилисскими динамовцами (2 : 1). Матч состоялся в местечке Леселидзе, под Гагрой. Там же готовится к сезону и чемпион страны — московское «Динамо».

Молодые спартаковцы (семь футболистов основного состава находятся в Китае в числе игроков сборной СССР) провели две встречи в Индонезии и обе выиграли.

В начале февраля начала тренировки сборная команда Советского Союза. Тепло встреченные китайскими спортсменами, советские футболисты вели регулярные тренировки на острове под Кантоном, а 23 февраля переехали в Шанхай.

Первый матч сборная СССР провела на кантонском стадионе с футболистами Чанчуня. Тридцать тысяч зрителей приветствовали советских спортсменов и награждали их аплодисментами после каждого успеха и даже после каждого красивого удара. Советские футболисты первую встречу выиграли со счетом 4 : 0.

Второй матч состоялся со студентами Шэньянского института физкультуры. Его также выиграла наша сборная. Результат — 5 : 0.

После этого были проведены две тренировочные игры: одна с командой «1-е августа» (команда Китайской Народно-освободительной армии) и вторая встреча с чанчунцами. Оба соревнования выиграли советские футболисты — 4 : 0 и 5 : 0.

Во время двух последних матчей тренеры иногда останавливали игру и делали указания как своим, так и китайским футболистам. Затем соревнование вновь продолжалось.

21 февраля в Кантоне состоялся открытый матч сборных СССР и города Пекина. Состязание прошло в напряженной борьбе и закончилось ничейным итогом — 1 : 1. С таким же счетом закончилась 22 февраля игра сборной с коллективом «1-е августа».

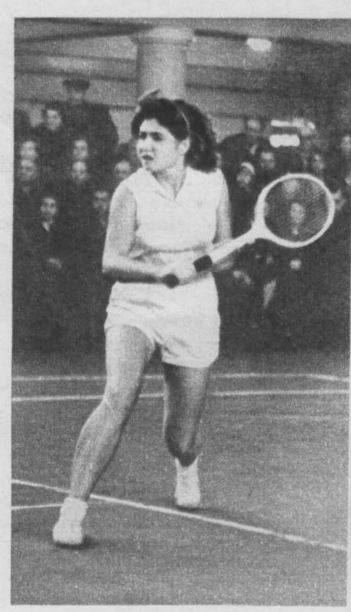
Сборная команда СССР выступает в различных составах. Наряду с опытными мастерами — Л. Яшиным, Б. Кузнецовым, И. Нетто, Н. Симоняном, В. Ивановым, А. Ильиным и В. Бузуновым — выступает и молодежь — В. Понедельник, А. Коршунов, Г. Гусаров и другие.

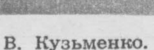
Наш корреспондент беседовал по телефону с начальником сборной команды СССР тов. В. В. Машкаркиным.

— Китайские спортсмены,— сказал он,— создали нам исключительно хорошие условия для подготовки. Мы это чувствуем на каждом шагу. Тренировочная работа проходит нормально. Последние матчи показали, что китайские футболисты заметно повысили свой класс игры. Они сейчас более тренированны, чем наши спортсмены. Объясняется это, видимо, тем, что местные футболисты раньше начали подготовку к сезону.

— Кто из наших футболистов играет хорошо?

— Вы мне задали тяжелый вопрос,— ответил тов. Машкаркин.— Никого нельзя выделить, все играют средне. Но постепенно входят в форму. Нам предстоит еще матчи в Шанхае и Пекине. В Москве мы будем в середине марта. Все игроки сборной разойдутся по своим клубам на полтора месяца. В мае сборная вновь соберется и проведет последний перед отъездом в Швецию тренировочный сбор.

В. Кузьменко.

С. Андреев.

Фото А. Бочинина.

В прошлое воскресенье на закрытых кортах стадиона «Динамо» закончились Всесоюзные командные и личные соревнования по теннису. В них приняли участие сильнейшие спортсмены Советского Союза.

У женщин первое место завоевала киевлянка В. Кузьменко, а у мужчин — москвич С. Андреев, который лишь после напряженного матча в пяти партиях добился победы над восемнадцатилетним Андреем Потаниным (Ленинград).

4 марта начнутся международные состязания с участием сильнейших теннисистов Франции и Бельгии. В Москву приезжают Поль Реми, Роберт Айе, Жак Бришан, Филипп Вашер, Сюзанн ле Бенерэ и другие спортсмены.

ЖЕНСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Рассказ

Ст. Ц. ДАСКАЛОВ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Одно только плохо было в селе Красавине: по два — три раза в год меняли председателей сельсовета. Наконец женщины одолели и выбрали Радку Писарскую.

Девчонке еще двадцати лет не исполнилось, но даже старые женщины уважали ее и любили. По лестнице не идет, а перескакивает через три ступеньки. Ребенок! Как войдет в канцелярию, нет чтобы сделать выговор деду Мото, сама схватит метлу и запоет:

Рано Радка ходила
На белый Дунай за водой...

Сидит дед Мото в коридорчике на стуле, слушает и думает... Из всех мужчин в сельсовете остался только он, испытанный служака. В канцелярии работали одни девушки, веселые, говорливые, услужливые, аккуратные. Они выметали сор из пыльных углов, вытирали столы и шкафы, весь день держали окна открытыми. Улетучился из помещения затхлый воздух, с улицы веяло ароматом лип, а в комнатах царила молодость. Дед Мото вспоминал о том решающем дне, когда старого председателя выгнали за то, что он частенько посещал места, где гнали самогонку, старого писаря — за грубость, старого архивариуса — за то, что забывал заявления у себя дома и превратил его в склад входящей и исходящей корреспонденции.

«Нет больше жизни нам, мужчинам! — вздохнул дед Мото и печально покачал головой.— Одолели бабы, поднялись, как сорняк над пшеницей, и задушат нас!»

Вдруг он вздрогнул от тихого женского плача.

«Это опять Леца!» — подумал он и не успел еще встать, как Леца появилась на верхней ступеньке. Опустив голову, согнувшись, она вытирала слезы фартуком, покачивалась и приговаривала:

— Чтоб ему ни дна, ни покрышки!

— Кому это?

— Моему... Дай бог, чтобы руки у него отсохли до локтей!

Дед Мото безутешно кивнул: «Опять Василь ее бил!» И сразу же остановил Лецу у двери:

— Стой! Посмотрим еще, примет ли тебя председательница. Это вам не как раньше, при старом-то председателе, каждый лез, когда ему вздумается.

Но Леца ворвалась вслед за ним и выпалила изумленной молодой девушке:

— Нет, Радка, не жизнь это! Бьет меня мой, моченьки больше нету!

— Опять? Не угомонился этот человек? — оцепенев, прошептала Радка и подала Леце стул.— Садись, успокойся! Раз он не понимает советов, мы ему покажем, что значит наша организация. Мы не позволим, чтобы над нашим примерным работником издевались, как над рабыней...

Леца села, вытерла слезы рукавом, но, начав говорить, опять заплакала.

— Пришел домой, нализавшись, как свинья... Со старым председателем пили самогонку... Ох, Радка, прошу тебя, арестуйте его, пусть гниет в тюрьме, как я от его побоев! — Она подняла платье и показала бедра, покрытые синяками.

Радка нахмурила изогнутые брови, щеки ее вспыхнули, как садовый цветок, плечи задрожали.

«Сейчас его арестуют»,— сказал себе дед Мото и выскользнул незаметно.

— Ты молчи, мы его поставим на место. Мужчины поймут, что и мы, женщины, можем за себя постоять.

Радка побежала в соседнюю комнату и позвала Дешу.

Пришла большая, сильная, как мужчина, Деша, в прошлом связная партизан, а теперь писарь в сельсовете. Нахмурила брови, кивнула девушкам и взяла винтовку:

— Пошли со мной!

Увидев, как Деша взяла винтовку и, щелкнув затвором, вскинула ее на плечо, Леца тревожно заерзала. Быстрые шаги девушек даже испугали ее.

— Сейчас его приведут, и пусть не ждет уж никакой милости! — успокаивала ее Радка.

Леца взволнованно приподнялась, и какая-то мольба готова была сорваться с ее сухих и потрескавшихся губ, но произнести ее она не посмела. Она только закрыла лицо фартуком и начала всхлипывать:

— Пойду и я, погляжу. Этот сумасшедший может что-нибудь наделать, вы не знаете его...

Дед Мото вернулся, всем своим видом показывая, как он глубоко задет тем, что не его послали арестовывать Василя Тишлера. Он вертелся возле председательницы, которая с волнением просматривала прошения и жалобы людей, словно читала не заявления, а трогательный роман.

— Стал я вроде моей рваной шапки...— бормотал дед Мото.

— Что ты хочешь этим сказать? — подняла голову председательница.

— Да что уж говорить! Я для вас, что прошлогодний снег...

— Потому что арестуем его без тебя, да?

— Не к добру это, милая, что встреваете вы между мужем и женой. Так я думаю, а там делайте, что хотите...

— Оставить его в покое, чтобы он пьянствовал и бил жену? Сколько раз уже приходила Леца вся избитая! Мы не дадим ему позорить нашу власть!

— Да когда муж бьет, не больно. Ты еще молода, вот выйдешь замуж, поймешь. Леца дурит, как все бабы. Ну, ущипнул ее Василь, а она и пищать... Женщина — это вроде, как бы тебе сказать... Ты еще почка, а когда распустишься, сама поймешь... Еще мужская рука тебя не стукнула, как же тебе понять? Женщина, как выйдет замуж, связывается с мужем, словно пуповиной... И сейчас вы посягаете на эту самую пуповину...

— Я ведь тебе запретила говорить неприличные вещи! Хватит болтать! Вот возьми эти извещения и разнеси их по селу,— подала она пачку листочков.

— Черт возьми, уж и ругнуться нельзя! И что это за правление такое, если нельзя облегчить душу, когда тебе тошно... Поп Ставри, тот и в церкви иной раз словечко отпустит, а вы деревню в женский монастырь хотите превратить?! — сказал дед и пошел к двери.

Но тут показались девушки. Впереди шла Деша.

— Где же это ваш Василь? А? — ехидно спросил старик, покашливая.

— На этот раз он убежал, потому что ты предупредил его! — вспылила Деша.

— Кто? Моя милость?

— Ты агент мужчин! Шпионишь и доносишь! Но все равно не спасешь его! Здесь будет спать, в подвале.

Однако они не догадывались о существовании мужской организации, которую дед Мото создал в самом сельсовете. Как только услышит, что говорят против мужчин, сразу же передает сторожам, а те уж знают свое дело. Так они предупредили и Василя. То же самое произошло и вечером. Но команда Деши застала его таким пьяным, что он не смог даже встать. Девушки подняли его и поддерживали, чтобы он мог идти. Он только размахивал руками, сжимал кулаки и опускал их, словно на голову Леци. Сделает один, два шага, остановится и, покачиваясь, прокричит:

— Буду пить, назло буду пить! Я... эту женскую власть не признаю!

— Иди, иди, признаешь! — подталкивала его Деша.

Люди смотрели и посмеивались: «Такого мы еще не видели, чтобы бабы мужика водили!» Леца, постояв в воротах, поспешила вслед за мужем, чтобы на прощание помахать ему ру-

кой. Но увидев людей, перед которыми пролила столько слез и произнесла столько проклятий, остановилась, смущенная и испуганная.

Вдруг Леце стало страшно. Что будет с Василем? Да эти сумасшедшие девки действительно запрут его в холодном подвале, куда девятого сентября сажали фашистов!

«Ох, Василь, Василь, посадила я тебя! — приложила она руку к губам. Раньше она плакала из-за мужа, а сейчас сердце ее наполнилось жалостью к нему.— Что я наделала! Какая я жена! Сама ему яму вырыла!»

Она вернулась домой и увидела его одежду, висящую на крюке.

— Да он совсем раздетый ушел, простудится еще! — всхлипнула она в темноте и прижала одежду к своей груди. Она забыла, что много ночей Василь спал в сарае гол-голешенек, потому что не мог дотащиться до порога, и ничего с ним не случалось; что среди зимы находила его окоченевшим от холода, засыпанным снегом у крыльца,— и словно ничего не бывало; что сама сбрасывала его с кровати на пол...

Вспомнила она немногие хорошие дни, которые прожила с ним, первые дни после свадьбы. Ясные, радостные дни! Не было у Лецы ни свекрови, ни свекра. Жили они одни, как голуби, в маленьком домике на краю села. Она носила в ведрах желтую глину и мазала домик. Когда Василь заставал ее за этим занятием, он хмурил брови и сердито кричал:

— Леца, разве я женился на тебе для того, чтобы ты носила мне глину?

Он хватал ведра и бежал к берегу. Слезы выступали на глазах Лецы. И не успеет, бывало, она оглянуться, как Василь возвращается с полными ведрами. В селе смеялись над ними. К такой нежности женщины здесь не привыкли. Однажды на престольный праздник, когда водили хороводы, ей стало плохо. Василь не дождался ни телеги, ни лошади, схватил ее на руки и понес домой через все село. Парни улюлюкали, старухи, остолбенев, смотрели и крестились, бабы посмеивались. Может, от смеха Леце внезапно пришла в себя, захотела соскочить на землю, но Василь набросил ей на глаза шелковую косынку и, развеселившись, бежал по улицам, неся ее, как ребенка...

А когда умерла доченька, свет погас в их доме. Леца ходила по двору, как сонная, а Василь помрачнел, и никто уже не слышал его смеха. Возвращался он поздно, и Леца еще издали чувствовала запах самогонки, но молчала. А когда уже не могла больше терпеть и выругала его, он поднял руку и закричал:

— Молчи!.. Бездетка!..

Грохнулся на кровать и заплакал...

Все это припомнила Леца, сидя на кровати в пустом, неприбранном доме. Из глаз ее текли слезы, и все сильнее охватывала ее глубокая печаль и нежность к непутевому Василю.

«А Кынчо Трыстикаджия! И он не цветок заморский! А ведь жена не посадила его...» Она вскочила и вскрикнула:

— Да ведь он ушел голодный! Что я наделала! — Она шептала и всхлипывала, вытирая слезы ладонью.— Там куска хлеба ему не дадут! Если бы мужики были в совете, а то — бабы. Мы куда безжалостнее мужчин! Какая я жена, что я со своим мужем сделала! В тюрьму бросила его!

Всхлипывая, она лихорадочно рылась в сумке, отломила кусок хлеба, положила в корзинку горшок творогу, луку, красного перца, помидор — все то, что так любил Василь.

И только она направилась к выходу, как вдруг остановилась и всхлипнула:

— А вода? Эти бешеные бабищи капли воды ему не дадут, умрет, несчастный, без воды! Ох, Василь, если и ты меня оставишь, что я буду делать одна-одинешенька?..

И какое-то глубокое чувство озарило ее лицо, забота о муже сделала ее как-то моложе, вернула былую красоту...

Леца пошла в погреб, потрясла бутыль и с радостью услышала, что на дне ее плещется жидкость.

— Ох, слава богу, не вылакал всю! Да ведь ты у меня хороший хозяин, оставил на черный день.— Она обрадованно подняла бутыль и налила водки в фляжку.— Промочит себе горло, а то ведь умрет от холода!.. Ох, Василь, Василь, муженек мой, что я наделала! Этим бешеным бабам предала тебя. Боже! — простонала она, остановившись посреди погреба.— Да они могут и поколотить его, эти сумасшедшие! С мужчиной еще можно договориться, а с женщинами — не дай бог, если налетят! Ночь, никого нет, и некому его защитить! Ой, чего же я стою!

Она забыла о синяках, полученных от Василя, и побежала. Мрак окутал село. Ни души. Леца подошла к подвальному окошечку.

— Кто тут? — выскочил из темноты мужчина с ружьем.

— Прошу тебя, дядя Мото, пусти меня. Я ему поесть принесла.

— Дай еду, я сам передам, а тебе там делать нечего! — ответил дед строгим басом.

— Как это не пустишь меня? Да я мужа своего видеть хочу! Что он, у вас масло и брынзу съел, что ли?..

— Он объявлен аморальным! — медленно произнес дед Мото, топчась у дверей.

— Пустите, я хочу посмотреть, что вы сделали с моим мужем! Только увижу, жив ли, и уйду...

И, словно до сего момента говорил кто-то чужой, незнакомый, дед Мото внезапно размяк и превратился в прежнего добродушного старичка:

— Ну, ну, вишь, как он тебе мил стал! Да как тебя пустить, Леца? Хочешь, чтобы со службы меня того... Ты знаешь, что эта Писарская взяла меня на мушку?

— Ох, дед Мото, если хочешь, поклянусь тебе, что никому ни слова не скажу. Никто меня не увидит... Мне только посмотреть на него... Били его? Ой боже, били его, не скрывай, избили его!

— Да он еще не протрезвился! Не слышишь, что ли, храпит, как паровоз...

— Ой, он душу отдает! Дай войти и прощения попросить... Смилуйся. На, выпей, и пусти меня!..

Дед Мото оживился, взял флягу, сделал два — три глотка и открыл дверь.

— Иди, только ненадолго! Будешь знать, что мы, мужчины, куда лучше вас!

Леца просунулась в дверь и пропала в темноте. Было слышно, как она шепчет:

— Василь, где ты, Василек?

— Кто это? — проревел Василь.

— Я, Василек,— еще больше разнежилась Леца.— Не бойся, я принесла тебе проклятую, вот она, пей. Ох, порази меня господь! Пей, я подержу, пей!..

Дед Мото потоптался у дверей, как-то неспокойно засопел, услышав жадные глотки Василя, и сказал:

— Почему бы и мне не пойти сделать глоток — другой да и вздремнуть! — Он зевнул и затопал в темноте.

На следующее утро, когда Радка Писарская открыла дверь подвала, она в изумлении отшатнулась. В углу рядом с Василем сидела Леца в расстегнутой рубахе, с распущенными волосами. Она прижалась к нему и что-то умильно шептала. Оба они выглядели в сумраке бледными, невыспавшимися, но кротость светилась в их глазах, словно этой ночью они объяснились и простили друг другу.

— Тебе чего здесь надо? — строго спросила председательница.

— А как же! — проворно вскочила Леца.— Ведь муж он мне!

— И водку ему принесла! — отступила в ужасе молодая девушка.

— Да ведь надо же было ему опохмелиться! Ведь надо же на работу ему идти. Вот заработает, брюки ему сошью!

— Все ты погубила! Честь женщин, нашу силу.. мораль. Ну, убирайтесь! Тебя, оказывается, и жалеть нечего! — махнула рукой председательница и, нахмурившись, остановилась в дверях.

— В-о какая ты, Радка!.. Ведь муж он мне, как я его оставлю!.. Пошли, Василь!

Василь расправил сильные плечи и поднялся. Он смотрел на председательницу смущенно, словно стыдился ее, и радовался словам Лецы.

— Смотри под ноги, не споткнись, Василек! — ласково погладила его Леца по рукаву, взяла его за руку и повела по освещенной утренним солнцем улице.

Председательница смотрела им вслед все так же презрительно.

— К телефону! Председательница! — крикнул с балкона дед Мото. И когда она обернулась, он многозначительно бросил: — Кажется, опять этот из околийского комитета.

Радка забыла о Василе и Леце. Словно какой-то вихрь поднял ее наверх по лестнице и втолкнул в комнату. Она схватила трубку и жадно закричала: «Алло, алло!».

Дед Мото смотрел, как она сияла от радости, и, погладив пожелтевшие усы, прошептал:

— Эх, женщина есть женщина! Пусть даже министром станет, все равно женщиной останется.

Он повернул голову и стал смотреть вслед Леце и Василю до тех пор, пока они не скрылись за густыми фруктовыми деревьями.

— Лучшим судьей Василя все ж вышла его жена! Чем черт не шутит, вдруг и непьющего из него сделает,— тихо рассмеялся дед.

— Что, что ты сказал? — прервала его председательница, которая незаметно стала сзади него.

— Да болтаю себе, как пустая мельница! Будете меня увольнять как агента мужчин? Увольняйте! Раз уж я родился в мужском образе, а не в женском, то и поступить по-иному не мог.

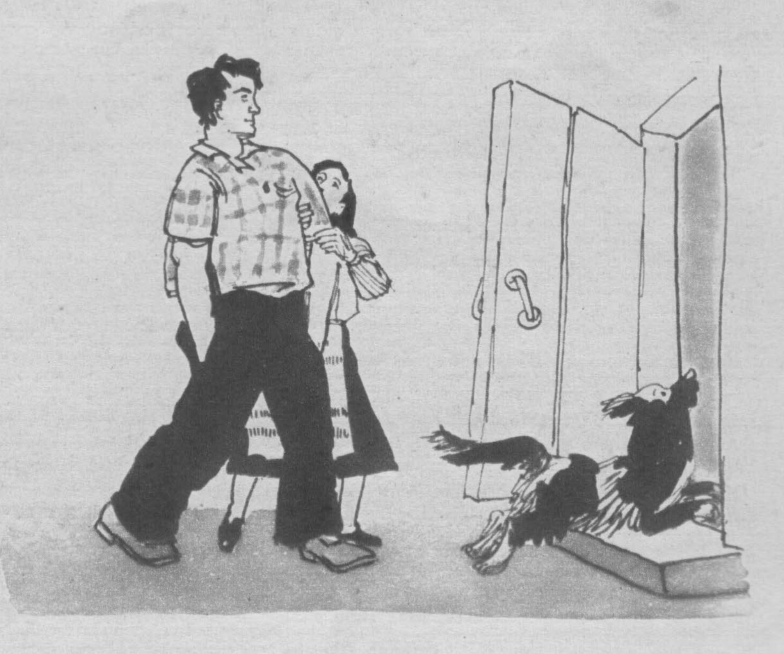
— А зачем тебя увольнять? — улыбаясь, ответила Радка, как-то изменившись после разговора по телефону.— Оказалось, что нужен и мужской ум в женских делах! Если бы мы не арестовали Василя, а ты не пустил к нему Лецу, не ушли бы они сейчас, как молодожены.

— Ну и времена! — Дед Мото почесал в затылке и весело посмотрел на председательницу.— А ты только сейчас была зеленая, как почка, и что это случилось с тобой? Уж не с партизаном ли совещалась? Все мне кажется, что мужским умом, как этим ветерком, повеяло от тебя!

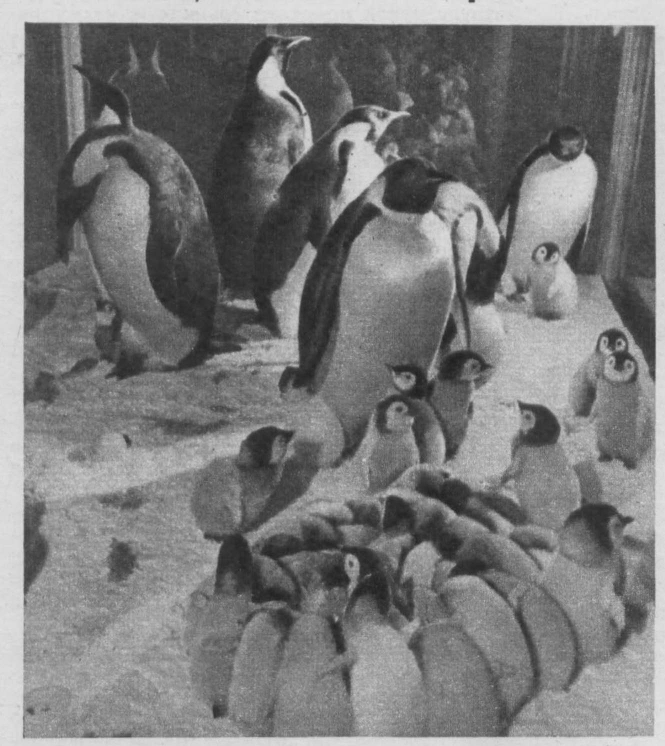
И, радуясь своему глубокомыслию, начал напевать ее любимую песню:

Рано Радка ходила
На белый Дунай за водой...

Перевод с болгарского.

Пингвины из Мирного

Пингвины в Зоологическом музее.

Фото Б. Уткина.

Маленькие пингвины, сбившись толпой на льду, образовали сплошной пушистый ком. Нелегко зимовать в таком возрасте: температура — минус семьдесят градусов, а на теле ни одного перышка, только пушок. Малышей, спасающихся от лютого холода, стережет «нянька» — императорский пингвин. Никакой мороз ему не страшен. Мелкое оперение настолько густо, что кажется, он одет в панцирь.

Недалеко от «няньки» еще несколько пингвинов. У каждого свои обязанности: один брюшной складкой обогревает яйцо весом в четыреста пятьдесят граммов, ждет, когда из него вылупится пушистый птенец. Другой — ростом более метра — согревает выводок. А рядом пингвин занят еще более серьезным делом: он кормит малышей.

Эти пингвины в разное время «переселены» из Антарктики в Ленинград. Участники научной экспедиции Е. Короткевич, П. Ушаков, А. Андреяшев, Г. Бродский отобрали их в районе поселка Мирный.

Из Антарктики пингвинов везли в замороженном виде на судах «Обь» и «Кооперация». Некоторое время они хранились на ленинградском холодильном комбинате. Отсюда их небольшими партиями забирали в лабораторию музея и здесь размораживали и обрабатывали чучела. Художник М. Заславский точно воспроизводил облик птиц и обстановку в Антарктике.

И вот сейчас в Зоологическом музее Академии наук СССР в Ленинграде воссоздан небольшой кусок жизни самой южной части земного шара. В экспозиции свыше ста пингвинов. Внизу короткая табличка с надписью: «Гнездовая колония императорских пингвинов. Антарктика. Поселок Мирный».

К. ЧЕРЕВКОВ

— В чем дело, почему остановка?
— Наверное, опять двигатель разболтался.

Л. Самойлов,
Рига.

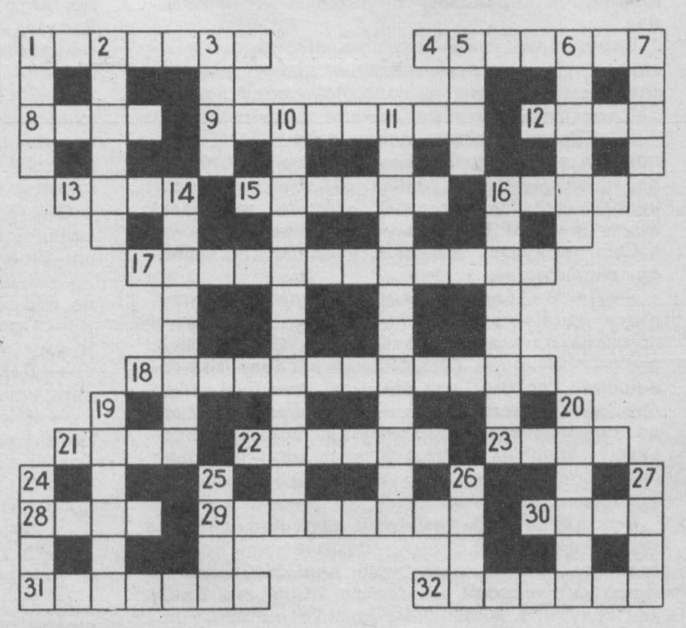

«ПОДСАДИЛ».

Л. и Ю. Черепановы.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Герой в «Поднятой целине» М. Шолохова. 4. Работница текстильной промышленности. 8. Кондитерское изделие. 9. Альпийская фиалка. 12. Латышский писатель. 13. Древнеримский трагический актер. 15. Войсковая единица у запорожцев. 16. Женская одежда в Индии. 17. Революционер-демократ в одной из поэм Н. А. Некрасова. 18. Труд, занятие. 21. Река в Таджикской ССР. 22. Опера А. А. Спендиарова. 23. Порт на Азовском море. 28. Мера скорости судов. 29. Город в Донбассе. 30. Название памятников древнескандинавской литературы. 31. Повествовательное произведение. 32. Продление звука или паузы в музыке.

По вертикали:

1. Песчаные холмы. 2. Горы во Франции. 3. Домашнее животное. 5. Часть денежной единицы в Киевской Руси. 6. Вид внешней торговли. 7. Восточнославянские племена. 10. Действующее лицо комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». 11. Цельность, единство. 14. Городская улица. 16. Век. 19. Фламандский живописец. 20. Глубина погружения судна. 24. Парусные сани. 25. Струнный инструмент. 26. Ткань. 27. Полярная утка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

5. Заслонов. 7. Промотор. 8. Трансвертер. 10. Лилль. 11. Мосин. 12. «Оплот». 15. Тютчев. 16. Рапорт. 17. Дельта. 18. Палуба. 22. Амёба. 23. Палаш. 24. Отжиг. 27. Комментатор. 28. Вертолет. 29. Старшина.

По вертикали:

1. Баталист. 2. Ангар. 3. Хоста. 4. Горизонт. 6. Восток. 7. Премия. 8. Толстолобик. 9. Репродуктор. 13. Ленто. 14. Парад. 17. Демосфен. 19. Авиценна. 20. Патент. 21. Мартос. 25. Эмаль. 26. Страз.

РЫБЫ РОССИИ

Перед нами классический труд, написанный выдающимся русским ученым Леонидом Павловичем Сабанеевым. Впервые этот труд вышел в свет в 1875 году, а через десять лет к нему был приложен «Рыболовный календарь», что вместе составило том объемом более тысячи страниц.

В свое время этот труд не имел себе равного ни в одной стране мира. Не утерял он ценности и в наши дни. Помимо строгого научного обобщения, книга написана в увлекательной форме. Подобную книгу мог создать только человек, который всем существом своим любил и ценил природу.

Леонид Павлович Сабанеев в течение многих лет состоял редактором различных журналов («Охотничий журнал», «Природа», «Природа и Охота»). В изданиях, редактируемых Сабанеевым, печатались такие ученые, как Менделеев, Столетов, Сеченов.

В области естественных наук Сабанеев был всесторонне образованным человеком. Его перу принадлежит ряд ценных монографий.

Он прекрасно знал почти все водоемы Подмосковья, которые красочно описаны им в книге.

К сожалению, книга «Рыбы России» в настоящее время является большой библиографической редкостью, так как она не издавалась более сорока лет. А сколько любителей природы, и в первую очередь любителей-рыболовов, хотели бы иметь эту книгу! Выход ее в свет был бы памятником выдающемуся русскому ученому, который умер шестьдесят лет назад — 25 марта 1898 года (7 апреля нового стиля).

С. МИНАЕВ

На вкладках этого номера репродукции картин: И. Вилковир «На стройке», А. Варнавицкой «Мы не хотим войны», Л. Бродской «Морозное утро», О. Колмаковой «Девушки», М. Савченковой «Счастье матери», две страницы рисунков со Всесоюзной выставки изобразительного творчества детей и две страницы цветных фотографий.

Для детей

На 4-й странице обложки мы показываем одежду для детей различного возраста.

1. Костюм для дошкольника. Куртка без воротника и лацканов; отделана светлым кантом.

2. Комплект для школьницы: юбка раскошенная, с высоким корсажем, на бретелях, хлопчатобумажный свитер с аппликацией и прямая куртка с цельнокроенным длинным рукавом.

3. Короткое пальто для мальчика до 10 лет из полушерстяной или шерстяной ткани. Отвороты карманов, воротник и лацканы отделаны бархатом. Рукав реглан.

4. Пальто из хлопчатобумажного материала для дошкольницы. Капюшон из ткани другого цвета, цельнокроенный с накидкой, надевается отдельно, в зависимости от погоды. К пальто можно пристегнуть теплую подкладку.

5. Пальто для девочки из клетчатого бобрика. Планка для застежки скроена вместе с воротничком. Манжеты отделаны темной материей.

**Модели и рисунки художницы
А. МУРАВИНОЙ (Эстонская ССР).**

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00951. Подписано к печати 26/II 1958 г. Формат бум. 70×108$^{1}/_{8}$. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 257. Заказ № 387.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Баку. Даже если нет снега...

Фото Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.

